

ЮНОСТЬ

16+

№ 2 / 2023

2

ЗЛАТА
СОЛНЦЕВА,
СТР. 16

ЮНОСТЬ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
АНП «Реданция журнала
«Юность»»

«ЮНОСТЬ» —
зарегистрированный
товарный знак.
Правообладатель —
АНП «Реданция журнала
«Юность»»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Сергей Александрович
Шаргунов

Выпуск издания
осуществляется
при финансовой поддержке
Министерства
цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций
Российской Федерации

Лиц. Минпечати №112.
ISSN 0132-2036

Наша почта:
unost-org@mail.ru

Наш сайт:
unost.org
юность.рф
Мы в социальных сетях:
https://vk.com/unost_journal

Адрес редакции:
125047, Москва,
ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1

Для почтовых отправок:
125047, Москва,
а/я 182, «Юность»

Тел.: +7 (499) 251-31-22,
+7 (499) 250-40-74

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:
Дмитрий Бан
Павел Басинский
Зоя Богуславская
Алексей Варламов
Евгений Водолазкин
Елена Исаева
Владимир Ностров
Юрий Полянов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Сергей Шаргунов

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Татьяна Соловьева

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
ДИРЕКТОР
Вячеслав Коновалов

РАБОТНИКИ РЕДАКЦИИ
Яна Нухлиева
Настасья Попова

РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР
Юлия Сысоева
РАЗРАБОТКА МАШЕТА
Наталья Агапова
ВЕРСТКА
Наталья Горяченнова
ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР
Людмила Литвинова

Подписные индексы:
каталог «Почта России» —
П1972,
объединенный каталог
«Пресса России» — 71120

Реданция не имеет
возможности вести
переписку с авторами.
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут
ответственность
за достоверность
предоставленных
материалов.
Мнения автора
и редакции могут
не совпадать.
При перепечатке
материалов ссылка
на журнал «Юность»
обязательна

Отпечатано
в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва,
ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./фанс:
+7 (495) 619-08-30,
+7 (495) 647-01-89
E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3500 экз.
Формат: 60×84/8
Заназ №

«ЮНОСТЬ»
© С. Красауснас. 1962 г.

На 1-й странице обложки
рисунок
Марины Павлиновской
«Хоровод»

ПОЭЗИЯ

6 ДМИТРИЙ ЧЕХОВСКИЙ

10 ДАНИЛ ФАЙЗОВ

ПРОЗА

16 ЗЛАТА СОЛНЦЕВА
ВИШНИ В СНЕГУ
БАБА

22 ЕВГЕНИЙ ЕГОРОВ
СНОС

41 САША НИКОЛАЕНКО
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ДОБРО

49 АНАТОЛИЙ НИРИЛИН
ДО СИДНЕЯ ОДИННАДЦАТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ

56 ЮРИЙ АБРОСИМОВ
ГУМАНОИД

63 МАРИНА ПИСЬМЕНЮК
МАЙЯ И МОРЕ

67 БОРИС ЛЕЙБОВ
МАНКИ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

72 АННА ГЕРАСИМОВА
Я НЕ ИСКАЛ ИНОГО РАЯ ПОМИМО АДА МОЕГО

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

78 ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ: «РАБОТА НАД СЮЖЕТОМ
ТРЕБУЕТ ИНФОРМАЦИОННОГО ГОЛОДА»

ЗОИЛ

88 ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
БЕССМЕРТНАЯ СТРЕКОЗА,
МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ И ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА:
НОВИНКИ ВЗРОСЛОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

102 ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ
СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ К-РОР:
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Юность №2
Февраль 2023

ПОЭЗИЯ

—
ДМИТРИЙ ЧЕХОВСКИЙ
Родился в 1988 году, почти всю жизнь прожил в Туле. По образованию инженер-робототехник, преподает в Тульском государственном университете специальные дисциплины. Участник литературных смен форума «Таврида» (2020, 2022), Всероссийской литературной мастерской «Мир литературы: Новое поколение» АСПИ 2022 года и других семинаров.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

(Красные стены, сосуды труб)
я сижу в архиве
ковыряюсь в деле
клеветничск деле
(тьфу)
деле о клевете.
обвиняемый был обвинителем
смел утверждать
будто он –
вор
(Вор)
и пробирался в чужие квартиры и дома
переставлял вещи
оставлял
следы
в пыли
на полу
пустоту
запыляла
быль
(вора)
(трубы дрожат).
но все полы были от были чисты
он требовал проверить камеры
но
записи перезаписаны стерты чисты
а жильцы
все отрицают
все отрицают
все на месте как и было
а если и не было то уж давно
быльем
(других)
поросло.
свидетель формально один:
от остальных
ни слова
ни полслова
(а Его Слово
ухом не услышать).
губы судьи
размыкаются
(смыкаются
решетки труб,
стены труб,
стены решеток)

вина не доказана
суд приговаривает к свободе
приговор окончательный и обжалованию жалованию жалости
(жаль)
не подлежит.

ЭТО НЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Это прыжок.
Я копьё, брошенное в зеркало водной глади.
Но с высоты тысячи метров это не вода – бетон.

Это немота.
Ни речь, ни проза здесь не помогут.
А я должен кричать,
ведь больше тебя я боюсь только смерти.

Это нагота.
Я хочу, чтобы ты видела меня как Адама Ева –
голую душу.

это поражение
свободное от конфликта замысла рифм
прикажи и признаю слова выше их порядка

Это сон.
Я и эти строки – предрассветная дымка
мы ждем когда встанет солнце и все проснутся

это конец

* * *

Мы – рядом.
Мы – рыбы.
Острые лица. Круглые глаза.
Тусклые глаза.
Мы слились
        лбами.
Мы слились
        носами.
Губами,
губами,
гу-
        лбами.
То, что еще осталось от руки
(моей руки)
не растворилось в груди
гладит свитер
(вверх)
словно клеенку
(вниз)
разглаживает клеенку
(вверх)
на столе
(вниз)
Срывает клеенку
(Вверх.)
Совсем ненужную.
(Вверх!)
Я разлепляю лица –
                                вниз.
Проверить гладкость
                                стола.
Бархат
        сукна.
Но спотыкаюсь.
Носом спотыкаюсь.
И спотыкаюсь.
И с-по-
        ты-
        ка-
юсь.

Но так даже лучше.

Я мешаю нас как пластилин.
Я леплю тебя.
Я леплю тебя!
;Я леплю тебя!

ДАНИЛ ФАЙЗОВ

Поэт, культуртрегер. Родился в 1978 году в г. Игарне Красноярского края. Живет в Москве.

Окончил три курса исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета и Литературный институт имени А.М. Горького (семинар Т. Бен и С. Чуприна). Работал дворником, продавцом книг, товароведом и директором книжного магазина известной сети ОГИ. В 2004 году вместе с Юрием Цветновым основал проект «Культурная инициатива», занимающийся организацией литературных мероприятий. В 2009 году проект «Культурная инициатива» вошел в шорт-лист премии Андрея Белого (в номинации «Литературные проекты и критика»).

Стихи публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Интерпоэзия», «Новый берег», «Новый мир», «Шо» (Ниев) и других, в альманахах и антологиях. Автор книг стихов: «Переводные картинки» (2007), «Третье сословие» (2015), «Именно то стихотворение, которое мне сегодня необходимо» (2020), «Часть жизни» (совместно с Юрием Цветновым) (2021), «Ежегодные верлибры имени Юрия Борисовича Орлицкого» (2022). Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский и украинский языки.

Лауреат премии Antologia (в составе группы кураторов) за организацию выставки «Литературная Атлантида. Поэтическая жизнь 1990–2000-х».

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ТВАРИ

МОРСКОЙ ЦАРЬ

забираю под воду речной вокзал
муравьиный дом назывную речь
две звезды лейтенанта любой из родин
всю вторичку до трешек включительно
чтобы лечь
не с простой матрешкой
с которой тогда не встал

с царской дочерью которой я соприроден

не искать пришел привычный журчанью вод
а забрать свое золоченый слащавый сумрак
вязь словесную здесь ей давно не место
за нее даю изумруды янтарь малахит угрюмый
открывая беззвучно счастливый рот
будет жить в достатке моя невеста

стой на месте яуза сетунь вставай с колен
брызги моря сахарной ваты слаще
в новых званиях добры молодцы жаждут славы
я еще возьму одно из твоих колец
станут семь твоих близнецов на страже
никогда тебя не оставят
и я не оставлю

04.07.2022

ГОРГОНА

Демьяну Кудрявцеву

караваджо ли работы леонардо ли
этот сплав кошмара и прекрасного
амфисбены пожирающие аспидов
зерна памяти проигранные в нарды
прорастают сквозь глазницы ленинградовы
обвивают ценности семейные
по границе серебристого парада
где аврора превращается в варяга

каменеют лица на закате
у защитницы теперь одна забота
улыбаться с кованых решеток
как родная мама на плакатах

31.07.2022

ВЕЛИКИЙ ПОЛОЗ

лопата дачника корзина грибника
глаза под ноги лишнего не видно
все там змеится по корням кротовым норам

вот так струится шепоток от сквозняка
всего полно но все же как обидно
чужие горы золотые горы

когда раздвинетца тогда и растворятся ворота
как жарко стелет как богато спать
над урожаем чахнуть над уловом

взамен чешуек и копеек безголовых
под взглядом хладным змею отдавать

изгибы жизни кольца прожитого
все то немного что удалось собрать

28.07.2022

ДИОСКУРЫ

Кастор:

дарило зло свои награды камышовые
нагим и летним летним и нагим
неплохо быть таким
вглядись
прекрасным

Полидевк:

прекрасными
не стать тебе и мне
мы отраженья известковые
друг друга
о смерти грезить
о бессмертии мечтать

Кастор:

в бою кулачном с тем тупоконечным
ты победил
но скот вели мы вместе

Полидевк:

что толку в том
ты мертвый я живой
и то что мне досталось одному
не делится
но я тебя не брошу
со смертными в их
горестном аду

Кастор:

с бессмертными
в их праздности напрасной

03.09.2022

СИРЕНЫ

именно тогда
когда все заканчивается
приходят сирены
они молча обступают мою кровать
молчат
собирают шорохи
ждут сна моего
смотрят и ждут
нет ли здесь
какого-то перышка
какого-то тревожного пения
знака
что назначено отплывать

17.10.2022

* * *

вздумалось камню по телу потосковать
лечь на кровать
тут одеяло подушка и пульт
щелкнешь а там
нева
вялые волны идут
задевая гранит
чайка парит

вот и живое свою демонстрирует плоть
миг и нырок
миг и на солнце блестит
рот открывает беззвучно
рот
смертная рыба
играет с воздушной волною плавник
костист

04.08.2022

| Юность №2
Февраль 2023

ПРОЗА

ВИШНИ В СНЕГУ

ЗЛАТА СОЛНЦЕВА
Родилась в 1992 году. Живет в Москве.
Писательница, поэтесса. Онучила Литературный институт имени А. М. Горького (мастерская Павла Басинского). Победительница конкурса от АСПИ «Мир литературы. Новое поколение»

(2022), участница Школы писательского мастерства от Фонда Филатова (2022), Литературной школы журнала «Юность» в Передельнине (2022), победительница конкурса на проживание в литературной резиденции от АСПИ (г. Орел, 2022), участница 22-го Форума

молодых писателей (2022). Вошла в лонг-листы поэтического конкурса от CWS «А завтра все изменилось» (2022) и конкурса литературного журнала «Иначе» с фотоработой «Острота переживания» (2022). Публиковалась в журналах «Пашня» и Contour.

Елена Анатольевна лежала на подушках, прикрыв веки и привалившись к стене. Костлявой рукой, покоившейся на животе, перебирала складки одеяла. Чернильная муха прыгала в углу комнаты. Хотелось ее прихлопнуть, но не было сил.

– Зоюшка, приди ко мне, – прошептала старуха, медленно разлепляя губы, за которыми темнели обломки зубов. От глубины чувств уронила слезу и заснула.

Через полчаса дверь приоткрылась, в проем высунулась голова с черным пучком волос и тут же спряталась. Голова принадлежала Зое, местной соцработнице. Девушка имела поэтически трепетную душу и приходила к Елене Анатольевне по несколько раз на дню. То подушки поправит, то утрет губы после жидкого супа из картошки, то напоеет что-нибудь на своем, украинском.

Ее тело, широкое, с толстой шеей и потерявшимися под кожей ключицами, заполняло треть комнаты в орловском малоэтажном доме.

По утрам Зоя наряжалась в сиреневую водолазку с высоким горлом и шерстяную юбку с кружевными воланами. Обувала ноги в серые из кожама сапожки с острым каблуком, в которых семеняла по ковровину грязного болотного цвета. В пучок на голове были воткнуты черные металлические невидимки, при извлечении беспощадно дравшие волосы.

Зоя умела варить супы из топора: в далеком двухтысячном году любила слоняться по кухне, пока

ее бабушка крутилась по хозяйству. У нее и подсмотрела тысячи способов приготовления блюд из ничего. «Я его слепила из того, что было», – как пела Алена Апина в песне «Узелок». В крепкий узел стянулось Зойкино прошлое и настоящее, как рыболовная сеть, в которую попала щука.

Однажды утром Зойка обнаружила Елену Анатольевну за чтением молитвенника. Утренний свет из окна струился на кровать и белую, с жидкими волосами голову старухи. Морщины на лбу стали глубже, скулы проступили резче. Тонкие руки с синюшными венами замерли над книгой.

– Доброе утро, Ленантольна, манки? – привычно крикнула Зойка, заноса на кухню тяжелые сумки с продуктами.

– Да, золотце, лучше с комочками.

– Все сделаю.

– Спасибо, милая.

Зоя загромычала кастрюлями.

– Сон мне снился сегодня. Как Алеша, сыночек мой, зовет меня к себе в Благовещенск. Предлагает все расходы оплатить, лишь бы приехала.

– Как знать, может, сон в руку! – крикнула Зоя из кухни, снимая кашу с огня. Сегодня собрать густые темные волосы в пучок не успела: малость проспала и теперь скакала по квартире, как ужаленная.

– Сыночек-то мой из Афгана не вернулся, убили, – едва слышно прошептала Елена Анатоль-

евна, осеняя себя крестным знаменем и борясь с утренней сонливостью.

– Вы простите, что напомнила, по незнанию ведь. – Зоя подошла к подопечной и подоткнула подушки под спину.

Над головой старухи располагалось окно. Мороз разрисовал стекла узорами, как палехскую шкатулку. Елена Анатольевна полулежала спиной к окну и не видела этого.

– Ничего, детка, ничего.

Уловила ноздрями еле слышный сладковатый запах манной каши из кухни и добавила:

– А было время, когда мы с Алешей жили радостно, как у Христа за пазухой. Добрым он был, мне во всем помогал. Снял мне домик у Волги, говорил – чего хочешь? Сделаю все, что ни пожелаешь. Овощи были, вишни – все свое, без нитратов. Садовника приставил к огороду, к саду. Была у него жена, Ясечка. Уж до чего красива и мила! Я как увидела ее, сразу сказала: женись, больше такой не найдешь. Как в воду глядела. Сын у них родился, Димочка, тихий и добрый, весь в папу. Эх, что за жизнь была...

– Ленантольна, вы так никогда не доедите, если будете мне рассказывать. – Зоя посмотрела на старуху с одуванчиковым пушком на голове и для большей убедительности насупила брови. Ложка звякнула о тарелку.

– Мне этот сон дороже всего, детка. – Елена Анатольевна качнула коротко остриженной головой и глубоко вздохнула. Оправила белую прядь, в руке осталось несколько тонких волосков. – Подержи тарелку, милая. – С этими словами старуха достала из-под ночной сорочки возле груди пакетик. Через полиэтилен просвечивал небольшой обрезок темных волос.

– Это Алешины, – пояснила она и добавила к темным прядкам свои волоски, седые. Восковые пальцы с коричневыми старческими пятнами погладили прозрачный пакетик и юркнули с ним обратно под сорочку.

– Я уже сына потеряла, мужа от диабета, Дима в три года умер, а больше и некого терять, – промолвила Елена Анатольевна.

Зоя притихла у постели старухи на несколько минут, потом унесла пустую тарелку, положив подопечной под ладонь старенький кнопочный телефон со сколом на экране и пожелав хорошего дня.

После завтрака Елена Анатольевна почувствовала прилив сил. Включила телевизор, хотя покойный муж всегда говорил ей не смотреть этот, как он выражался, «зомбоящик». На первой кнопке

выступал президент. Под взглядами камер он рассказывал об устойчивом экономическом развитии страны, несмотря на санкции западных стран. Елене Анатольевне показалось, что он устал.

«Если б мой Алеша видел все это...» – подумалось ей.

В окно постучали. Елена Анатольевна вздрогнула, выключила телевизор и прислушалась.

Стук повторился.

– Зоя, это ты? – спросила она среди тишины, разрезаемой ударами в стекло.

Никто не ответил.

Елена Анатольевна попробовала пошевелить ногами, но они плохо ее слушались. Она медленно спустила их на пол, опираясь руками о края кровати. Она по-прежнему сидела спиной к окну, и ей просто необходимо было увидеть, кто стучит.

Елена Анатольевна сделала усилие и развернулась на звук.

Окно медленно распахнулось, впуская холод в прогретую комнату. Темный мужчина с тонкими чертами лица смотрел с улицы прямо на Елену Анатольевну. Его голубые глаза глядели по-доброму и, казалось, улыбались. В одной руке он держал горсть красных вишен, другой барабанил по стеклу.

Сердце Елены Анатольевны на секунду замерло и сразу же забило быстро-быстро, как птичка, попавшая в силос. Старуха потянулась к окну, вглядываясь в этот улыбающийся рот, мысленно провела ладонью по родным темным волосам, по румяным щекам, которые, наверное, кололись от того, что утром по ним не прошла бритва.

– Леша, ты пришел за мной? – сказала она.

– Мама, я снял домик в Благовещенске. Переезжай. Там вишни, яблони, свой огород...

Старуха откинулась на подушки, вытянулась, как струна, ее взгляд застыл, как будто это были не глаза, а стеклянные яблоки. Тело с повисшими руками опало на кровать. Пакетик с прядками уже не шекотал грудь, как бывало прежде. Последнее, что она подумала, – как сладко, когда тебя ждут...

В полдень Зойка пришла в квартиру приготовить жидкий суп. Комната старухи оказалась пустой и выстуженной. Снежинки залетали в распахнутое окно, оседая на полу и кровати. Зойка заметалась, заплакала: сколько ни искали Елену Анатольевну, не смогли найти. Только в узкой кровати на белой смятой простыне цепенела горстка бордовых налитых вишен, припорошенных снегом.

21 сентября 2022 года, г. Орел

БАБА

В пятницу Саша раздувала ноздри и упирала руки в бока, мечта молнии из глаз. Бабушка Ирина Леонтьевна беспомощно разводила руками, как бы отгоняя эту оглушительную волну от себя, но все равно тоже начинала захлебываться в море криков и упреков.

- Зачем ты поставила вазу на мой подоконник? Я просила не заходить в мою комнату!
- Саша, да ведь ваза-то красивая! Что я, враг тебе, что ли? – Жалобный оклик в ответ.
- Сама ставь себе свои вазы, ко мне не подойди! – Саша ударила кулаком в стену, от ярости ее лицо покраснело.

Ирина Леонтьевна беспомощно простонала и ушла на кухню. Саша осталась в комнате плакать. Стены, увешанные постерами персонажей аниме-мультфильмов, не могли ее защитить, сколько бы девочка ни желала спасения. Плакаты были повсюду, на стенах почти не осталось пустого места.

Бабушка перед уходом посмотрела на уродливые лица аниме-персонажей, подумала о том, что внучка стала для нее инопланетным существом с тех пор, как ей стукнуло двенадцать. Столько слез было пролито, столько криков слышали эти стены... Не такой жизни она желала себе, когда соглашалась смотреть за ребенком дочери Ольги и ее мужа Дмитрия. Бизнес бизнесом, но и своих

детей нельзя забывать, перекладывать на чужие плечи.

Саша уткнулась лицом в подушку, отплакала свое и заснула. Снилось ей, что Наруто протягивает ей любимую бабушкину конфету «Мечта». Саша отталкивает его руку, лицо Наруто становится бабушкиным лицом, с обвислой кожей и сединой у висков. Бабушка сжимает губы в тонкую полоску и говорит: «Оставь себе свои вазы!»

Девочка проснулась оттого, что громко хлопнула дверь. Потрогала пальцем высохшую дорожку от слез и надела наушники, включив максимальную громкость. Потерянно уставилась в компьютер, не различая ничего перед собой.

Саша всегда отличалась крутым нравом. Ее маме и отцу давалась тяжело семейная жизнь. Все у них должно было идти по строго выверенному расписанию: бизнес, рождение ребенка (вместо няни решили воспользоваться бабушкиной помощью). Ясли, детский садик, гимназия. В загородном доме, где они жили, места всем хватало. Семья казалась со стороны благополучной: высокий доход, ребенок в спецшколе, успеваемость хорошая. Но Саше этого было мало. Привыкшая в жизни получать все, она не смогла свыкнуться с мыслью, что ей не получить главного – внимания родителей.

Девочка умела кусаться, огрызаться, научилась и бить в стену кулаками (втайне мечтала

заниматься боксом, но понимала, что родители не одобряют). Бабушка казалась ей главным препятствием к счастью. Не любила Саша и старость, презирала ее – может быть, понукаемая бабушкой, не могла спокойно смотреть старости в лицо, такое знакомое и до боли родное. Это твоя кровиночка, говорил ей папа, указывая на большую «бабу», когда ей было пять лет. «Слушай ее, она плохого не посоветует».

Саша выросла, а «баба» стала на полголовы ниже, чем раньше. И вот уже девочка осмеливается не слушаться ее, прячет палочку подальше, за шкаф, чтобы та не могла ее найти. А потом идет к умывальнику и сильно трет лицо под холодной водой, пытаясь потушить пожар в крови. Она и сама иногда чувствовала, что не к добру это у нее.

День плавно перетекал в вечер. Вернулись родители, а бабушки все не было. Саша сняла наушники, в которых играла любимая кей-поп-группа. Посмотрела на часы. Маленькая стрелка приближалась к девяти. Заурчало в животе, и Саша отправилась на кухню сделать бутерброд.

– Мама не берет трубку. – Ольга расстегнула сапоги и переобулась в домашние тапочки. – С трех часов не могу ей дозвониться. Саш, она говорила, куда идет?

Девочка неохотно пожала плечами, намазывая плавленый сыр на хлеб. Она тоже заметила, что бабушки долго нет. Злость чуть отступила, и она растерянно поела бутерброд, прислушиваясь к звукам закипавшего чайника.

– К подруге пошла, наверное, – предположил папа Дмитрий и пошел в ванную мыть руки.

– Я звонила Галине Ивановне, к ней мама не приходила. Сегодня она должна была сходить в поликлинику к четверем. Но и у врача ее не было, я узнавала.

Саша покраснела... Она посмотрела на вазу с лепниной в виде чашечек хризантем, висившуюся на столе рядом с солонкой и перечницей. Щеки еще больше вспыхнули. Не так-то легко было погасить нарастающую тревогу в груди.

Саша проглотила последний кусок и заглянула в коридор. Заметила, что палочки для ходьбы нигде нет. Ирина Леонтьевна брала ее в тех случаях, когда предстоял длинный путь. Саша прислонилась к стене и скрестила руки на груди. Казалась нелепой сама мысль, что с бабушкой может что-то случиться. Она ведь была сегодня дома, и все дни до этого тоже не о чем было беспокоиться.

Девочка отправилась в свою комнату, включила компьютер и стала механически обновлять ленту в соцсети.

В это время Ольга обзванивала бабушкиных подруг.

Женщина в теплом пальто горчичного оттенка переходила Вишневую улицу, как вдруг увидела старушку, растерянно озирающуюся возле проезжей части. В правой руке она держала палочку с резной ручкой. Женщина подхватила старуху под локоть и помогла перейти улицу. Та взглянула ей в лицо, словно хотела о чем-то спросить, но потом передумала.

– Вам далеко? – спросила женщина, замедля шаг на переходе через зебру. Своим быстрым размеренным шагом она легко могла перемахнуть дорогу, но, по всему, старухе такая скорость была не под силу.

– Не знаю, милая.

– Давайте я вас провожу. – Она попробовала поймать взгляд прохожей.

Старуха растерянно смотрела куда-то вдаль, поверх головы женщины, как будто хотела что-то разглядеть далеко за горизонтом. Платок, от усердия завязанный тугим узлом, сбился набок. Осенний холод пробирался через расстегнутое в верхних пуговицах серое пальто. Палочка с резной ручкой постукивала по асфальту при каждом движении старухи.

– Где вы живете?

– Не помню, деточка... – Старуха развела руками.

– Как же так? Что мне с вами делать?.. Пойдемте ко мне.

Женщина снова подхватила старуху под локоть, и та посеменила за своей проводницей, осторожно ступая и помогая себе палочкой. Они сели на автобус, и он довез их до неприметного одиннадцатизэтажного дома на окраине города.

– Меня зовут Люба, а вас?

– Меня Мария Леонтьевна, – отозвалась старуха, поправляя узел на платке.

– Что ж, Мария Леонтьевна, проходите, пожалуйста. Тут я живу. Скромно, но уютно. – Женщина помогла раздеться старухе. Та была одета опрятно и со вкусом – настоящая редкость для пожилых людей в их спальном районе.

– Будем пить чай. А вы расскажете, как тут оказались. Договорились?

Люба провела Марию Леонтьевну с дороги помыть руки и усадила на единственный на кухне стул со сломанной спинкой. Сама встала возле раковины.

Судя по обстановке, по небольшому количеству вещей, в квартире Люба была единственным жильцом. Во всем чувствовалась женская рука: занавески, сшитые из разных кусков ткани, вазочка на столе с искусственными цветами, несколько иконок, бережливо выставленных на полке в прихожей.

Мария Леонтьевна озиралась, крутя вросшей от старости в плечи головой. Потом обернулась и сказала:

- Видит бог, для Сашеньки я старалась больше всех.
- Сашенька? Кто это? – ухватилась Люба за единственную протянутую ей ниточку.
- Внучка моя, дочка моей Оли.
- Вы с ней живете?

– Да, только ругаемся много. Не понять мне ее никак... Кошка с собакой и то лучше ладят, чем мы...

Люба достала из шкафа пакет с пастилой и разложила ее на блюде с темной линией трещины поперек. Мария Леонтьевна протянула руку к полосочке пастилы, и Люба заметила, какие ухоженные у нее пальцы и ногти.

Люба засмузилась своих обкусанных ногтей и спрятала их в рукава растянутой кофты.

- Саша, наверное, беспокоится, что вас нету, – предположила Люба. Она задумчиво наблюдала, как менялось выражение лица Марии Леонтьевны с растерянного на печальное.
- Если бы... Она со своей... этой, анимацией обо мне даже не вспоминает...
- Напрасно вы так думаете! Я уверена, что она о вас волнуется!
- Дай бог, чтобы так.

Мария Леонтьевна надкусила полоску пастилы и запила обжигающим чаем. Руки ее подрагивали, и чашка тихонько звякнула о блюде, когда она опустила ее на место.

- Наберу-ка я Никольванычу, соседу моему. Он следователем работает. Может, подскажет, как с вами быть.

Люба приложила к уху мобильный телефон. В наступившей тишине послышались длинные гудки.

- Не берет, зараза! Утром еще наберу ему. А вы ложитесь пока спать. Утро вечера мудренее.

Люба оправила занавески на окнах, чтобы квартира не просвечивалась в наступившей темноте вечера, и ушла стелить постель для новой знакомой. Сама эту ночь поспит на диване.

Утро субботы было необычайно тихим, без шумного телевизора и песенок, которые напе-

вала бабушка за приготовлением завтрака. Саша открыла кран, выдавила зубную пасту на щетку и принялась сосредоточенно чистить зубы.

Чувство непримиримой ненависти сменилось растерянностью и неясной виной. Саша закрыла кран и проскользнула в бабушкину комнату. Постель была аккуратно заправлена, на тумбочке рядом с изголовьем блеснул чехол для очков из крокодиловой кожи. Девочка почувствовала нарастающий ком в горле и быстро вышла из комнаты, пока чувство непоправимой ошибки не накатило на нее волной, как вчера вечером.

Мама собиралась на работу бесшумно, как будто опасаясь нарушить неестественную тишину, воцарившуюся в доме. С исчезновением Ирины Леонтьевны дом вмиг опустел, комнаты задышали одиночеством. От того богатого, пестрого мира, который вертелся в доме, как праздничная карусель, остались тлеющие угли.

Даже хрустальные люстры как будто тусклее светили.

Саша не пошла в школу, сказавшись больной. Учительница Таисия Ивановна дала задание на дом, и девочка облегченно вздохнула. Как многие подростки, Саша недолюбливала школу, хотя и признавала необходимость хорошего образования.

Мысли ее перекинулись на один эпизод из недавнего прошлого. Был Сашин день рождения. Решали, как его отмечать. Родители не могли вырваться с работы, поэтому было два варианта: встречать с бабушкой и ее подругами или в ресторане в кругу Сашиних друзей. Ирина Леонтьевна не переносила шумных застолий и не могла присоединиться к компании друзей внучки.

Саша заявила, что готова отмечать праздник с кем угодно, только не с бабушкой. Ольга и Дмитрий возмутились грубостью чувств их дочери и с тревогой подумали, что воспитали нравственного монстра. Тогда Саша крикнула, что вообще не будет праздновать день рождения, раз ее не считают в семье за человека.

Девочка очнулась от воспоминаний, внутри поселился въедливый червячок сомнения: не перегнула ли палку? Не была ли слишком груба? Все-таки пожилой человек... И детское «баба».

В детстве любимым Сашиним занятием было надеть толстую кофту и кружиться на животе, подняв ноги и руки над уровнем пола. Тогда еще они жили в старой хрущевке с занозистым паркетом у бабушки в комнате, который у родителей все не доходило руки покрыть лаком. Бабушка счита-

ла обороты вокруг оси, ноги и руки вертелись, рисуя в воздухе колесо. Саша смеялась и чувствовала себя как на аттракционе, веселя бабушку.

Теперь старая хрущевка давно в прошлом; Саша знала, что родители много трудились, чтобы заработать на собственный дом. С переездом за город что-то сломалось в их благополучном семейном укладе. И вот теперь Саше двенадцать, прежняя жизнь осталась за стеклом, как музейный экспонат, к которому больше нельзя прикоснуться, только смотреть на него издали, как на недостижимость.

Хлопнула входная дверь: мама и папа ушли на работу. Саша осталась одна посреди огромного дома, предательски помнившего множество некрасивых сцен с Сашиним участием. Правда, тогда Саша так не думала. Но дремавшее в подвздошьё чувство соразмерности диктовало свои ориентиры, и девочка не могла сделать вид, что не замечает этих ясных, однозначных законов жизни.

В коридоре раздалась трель. Наверное, родители что-то забыли?

Саша посмотрела на экран системы наблюдения, и сердце сделало кульбит. У входной двери стояла какая-то женщина средних лет и держала под локоть ее бабушку. Замок не слушался Сашиних пальцев и не хотел поддаваться. Саша сделала усилие, и дверь распахнулась.

– Здравствуйте! Вот ваша Мария Леонтьевна! А вы, наверное, Сашенька?

Женщина легонько подтолкнула бабушку вперед. Сама осталась в коридоре.

– Только не Мария, а Ирина! – поправила Саша незнакомку. – Бабуль, мы тебя везде искали... Проходите же! – обратилась Саша к вошедшим. – Как вас зовут?

– Да это неважно, правда! Люба я.

Саша едва справилась с телефоном, набирая мамин номер. От волнения она говорила несвязно и перескакивала с одного на другое. Потом передала трубку, и женщина рассказала маме Саши о том, как нашла их бабушку. Неуклюже отказалась от денег и распрощалась.

Ирина Леонтьевна озиралась кругом и топталась на месте. Глаза ее смотрели куда-то поверх головы внучки. Что она видела? Саша не знала.

Врачи поставили Ирине Леонтьевне старческую деменцию. Саша исправно ходила за бабушкой и сама готовила ей завтраки, обеды и ужины. У бабушки забрали ключи, и теперь она выходила гулять под присмотром внучки. А в кармане ее

пальто находилась записочка с ее именем и адресом, заботливо написанная рукой внучки. На всякий случай, думала Саша, мало ли что.

Новый год встречали в теплом семейном кругу. Саша крутилась вокруг Ирины Леонтьевны, чувствуя вину перед своей «бабой». Кровиночка, как ее назвал когда-то Сашин папа, растворялась во всеобщей заботе и таяла в тепле семейного очага, как снежинка, слетевшая на ладонь.

Через полгода, весной, она совсем растаяла. Саша взяла бабушкин чехол из крокодиловой кожи и положила его на свой домашний алтарь, где хранила дорогие ее сердцу вещи: свечу с ароматом гардении, альбом с фотографиями, на которых она маленькая и счастливая... Алтарь прирос еще одним «музейным экспонатом» – вазочкой с лепниной в виде чашечек хризантем – бабушкиной красой.

Так Саша подросла и в следующие несколько лет выучилась рисовать. Она сделала копию в карандаше портретной фотографии Ирины Леонтьевны. Перестала слушать кей-поп, меньше пользовалась соцсетями, в интернет заходила, только когда нужно было по учебе. Окончила школу и поступила в мед.

Еще через пять лет она вышла замуж и родила сыночка, здорового и умного крепыша. Это твоя кровиночка, сказал сыну Сашин муж про свою ненаглядную тещу. «Баба!» – кричал мальчонка и норовил взобраться по Ольге Александровне, как по стволу крепкого дерева.

«Баба» плакала и млела.

5-16 октября 2022 года, г. Орел

СНОС

ЕВГЕНИЙ ЕГОРОВ
Родился в 1993 году
в г. Екатеринбурге. Окончил
физико-технический
факультет Уральского
федерального университета.
Работает IT-консультантом.
Живет в г. Москве.

- Значит, сносить нас будут? – спросила Вера Павловна, лениво водя шваброй по старому паркетному полу.
- Похоже на то. – Владимир Петрович отложил свежий номер «Вечернего Свердловска» в сторону и отхлебнул из стакана с чаем. – Говорят, наверху постановление еще два года назад приняли. И вот только теперь собрались. Вера Павловна вздохнула.
- Наверное, это к лучшему, – после недолгой паузы произнесла она. – Нехорошее это место, Вова.
- Владимир Петрович, успевший к этому моменту достать из первого ящика своего вахтерского стола открытую пачку сушек, удивленно поднял брови.
- Что значит нехорошее? – непонимающе спросил он.
- Вера Павловна распрямилась и с раздражением посмотрела на вахтера.
- Не делай вид, будто не понимаешь, о чем я, – укоризненно заговорила она. – Тут же царя расстреляли. Вместе с семьей.
- Ах вот ты о чем, – хмыкнул Владимир Петрович и задумчиво почесал седой прокуренный ус. – Ну расстреляли. И что с того?
- А то, – горячась, продолжила Вера Павловна. – Что души здесь невинные погублены.
- Ну, положим, не совсем невинные. – Владимир Петрович окунул сушку в чай. – Вспомни, сколько царь народу загубил. Одна Ходынка чего стоит...
- А детки? – перебила его уборщица. – Великие княжны, молодой царевич. Еще и больной. Их-то за что?
- Время было такое, – отрезал вахтер. – Сама знаешь. Лес рубят – щепки летят.
- Да знаю я, – потупилась Вера Павловна. – Но все равно, не по-христиански это. Вот теперь и отзывается. Бог все видит.
- Дура ты, Вера, – покачал головой Владимир Петрович. – В Свердловске уже тридцать лет живешь, а ум все тот же, деревенский. Как будто из своего Старопышминска никуда не уезжала. Нет никакого Бога. И ерунду свою прекращай говорить. Стыдно слушать.
- А ты больно умный, – огрызнулась уборщица. – То-то вахтером работаешь на старости лет, а не профессором каким-нибудь. И никакая это не ерунда. Ты в ту комнату когда последний раз ходил?
- Владимир Петрович пожал плечами.
- А я каждый день полы там мою, – вздохнула Вера Павловна. – И с каждым днем все хуже и хуже. Плохое это место, Вова. Захожу туда – и убежать хочется. Сама не знаю почему, а страшно. Вот сейчас надо туда идти, а я боюсь.

– Хорошо, ждите наших сотрудников, – бросил дежурный и повесил трубку.

Отметив звонок в журнале регистрации, он набрал номер на селекторе внутренней связи.

– Товарищ полковник, – сказал дежурный, когда на том конце провода сняли трубку. – Докладывает дежурный офицер капитан Евсеев. Только что поступил сигнал из дома Ипатьева. Сообщают о некоей антисоветской выходке. Нет, сотрудники милиции. Не сообщили, сказали, чтобы прислали людей. Да, понял, товарищ полковник. До свидания.

Дежурный дал отбой.

Его собеседник, начальник пятого отдела УКГБ по Свердловской области, занимавший просторный кабинет тремя этажами выше, устало потер виски и откинулся в кресле.

– Ни минуты покоя, – грустно пропел он и набрал номер на селекторе.

– Фомин, – ответил мужской голос.

– Олег, это я. Тут поступил сигнал из дома Ипатьева, надо проверить. Бери с собой молодого, как там его... Морозова и поезжайте.

– А что случилось-то, Валерий Павлович?

– Пока непонятно. Сигнал поступил от ментов, они говорят, что какая-то антисоветчина. Скорее всего, опять лозунг на заборе написали, как в прошлый раз. Но все равно будьте начеку. Дом скоро снесут, мало ли, что придуркам еще в голову взбредет.

– Хорошо, Валерий Павлович, выезжаем.

Фомин положил трубку, посмотрел на Морозова, дремавшего за соседним столом, улыбнулся и громко произнес:

– Товарищ лейтенант!

Морозов встрепенулся, распрямился на стуле.

– Да, что такое, – испуганно пробормотал он, шурясь заспанными глазами.

Увидев, что, кроме Фомина, в кабинете никого нет, Морозов с облегчением рассмеялся:

– Тьфу ты! А я думал – Палыч.

– Нехорошо, Евгений Борисович, на рабочем месте спать, – с напускной строгостью покачал головой Фомин. – А в конторе – вообще никуда не годится. Помнишь такой плакат: «Сон на работе на руку врагам рабочего класса»?

Лейтенант смущенно улыбнулся.

– Понимаешь, Олег, у меня вчера у тестя юбилей был, – принялся оправдываться он. – До двух часов в БУШе* гудели. Думал, не встану. До обе-

да худо-бедно продержался, а сейчас не могу. Сплю на ходу. И башка трещит – будь здоров.

– Да уж, – протянул Фомин. – Ну и молодежь нынче пошла. Банку держать совсем разучились. Вот я в твои годы мог всю ночь куролесить, а на работе – как огурчик. Было времечко...

Его круглое, добродушное лицо расплылось в мечтательной улыбке.

– Да ладно тебе. – Морозов потянулся к графину с водой. – Ты меня всего на восемь лет старше.

– После тридцатника совсем другая жизнь начинается, – назидательно проговорил Фомин. – Сам поймешь, когда стукнет. И не заговаривай мне зубы. Только что Палыч звонил, дело есть.

– Какое? – не донес стакан до рта лейтенант.

– Опять антисоветчина в доме Ипатьева. И заниматься этим снова должны мы. Точных данных нет, Палыч предполагает, что снова лозунг на заборе. В общем, надо ехать.

Морозов разочарованно вздохнул.

– И ради этого я пять лет учился в юридическом? – недовольно пробурчал он. – Чтобы выяснять, кто намалевал какую-то чушь на доме, от которого через пару недель ничего не останется? Эх, надо было мне слушать отца и поступать в Москву. Сейчас бы...

– Опять двадцать пять. – Фомин схватился за голову. – И что бы ты делал? Шпионов ловил? Участвовал в перестрелках? Или, может, был бы бойцом невидимого фронта, как Штирлиц? Странный ты человек, Женя. Вроде бы умный парень, красnodипломник, член партии. Жена – красавица, двое детишек. А послушать – пацан пацаном. Пальба, погони. Детство в жопе так и играет.

– Ничего у меня не играет, – покраснел лейтенант. – Просто дела хочется, Олег. Настоящего дела. А не этой ерундистики. Палыч мне в первый день сказал: «Помни, Морозов, что ты находишься на переднем крае борьбы с врагами нашей социалистической Родины». А сейчас я смотрю и вижу, что никакой это не передний край. Передний край – он в Москве. А у нас глубокий тыл.

Фомин грозно сдвинул брови.

– Значит, так, лейтенант, – рявкнул он. – Мне с тобой нянчиться некогда. Хочешь в Москву – иди и пиши рапорт на перевод. Может, и удовлетворят. А пока будь добр выполнять свои должностные обязанности, одна из которых, между прочим, выезжать на места преступления. Так что прекращай ныть, собирайся

* Ресторан «Большой Урал» (разг.).

и едем на Карла Либкнехта. И чтобы я больше от тебя этого не слышал.

– Хорошо, хорошо, проехали. – Морозов примирительно поднял руки. – Сейчас себя в порядок приведу, и поедем.

Встав из-за стола, он накинул пиджак и, слегка пошатываясь, вышел из кабинета.

Фомин проводил его осуждающим взглядом.

Таким же нетвердым шагом Морозов дошел до туалета, с трудом открыл тяжелую деревянную дверь и остановился у пожелтевшей раковины.

Пустил холодную воду, сунул голову под кран.

«Зря я про Москву сказал, – размышлял лейтенант, наслаждаясь обжигающе-ледяной струей. – Совсем забыл с похмелья, что у него это большая тема. Хотя, с другой стороны, почему я должен под него подстраиваться. Он же не подстраивается. Говорит все что думает. Павка Корчагин, твою мать. А у самого изо рта воняет так, как будто кошка сдохла. Тоже мне, старший. Ладно, все, успокойся. Не зверей. У всех свои заморочки».

Напоследок прополоскав рот, Морозов выключил воду и посмотрел в зеркало.

На него смотрело худое остросулое лицо с темными кругами под глазами и юношеским румянцем на гладких щеках. Тонкие губы скривились в презрительной усмешке.

«Слабое лицо, – грустно подумал Морозов, рассматривая свое отражение. – С таким лицом не в комитете надо работать, а воспитателем в детском саду. Вот бы ямочку на подбородке, как у Палыча».

С сожалением вздохнув, он вытащил из внутреннего кармана пиджака маленькую алюминиевую расческу и принялся тщательно причесывать потемневшие от воды светло-рыжие волосы.

Спустя несколько минут, убедившись, что пробор уложен волосок к волоску, лейтенант стряхнул влагу с расчески, убрал во внутренний карман и вышел из туалета.

– Намарафетился? – усмехнулся Фомин, когда Морозов вернулся в кабинет. – Табельное оружие не забудь, Ален Делон.

Морозов промолчал.

Искоса взглянув на Фомина, он подошел к негосраемому шкафу, достал кобуру с «макаровым», прикрепил к поясному ремню. Затем одернул пиджак и коротко бросил:

– Я готов.

– Наконец-то, – вздохнул Фомин. – Думал, не соберемся.

Закрыв дверь кабинета на ключ, они спустились по лестнице и вышли во внутренний двор.

Раскаленный, пахнувший пылью воздух обдал их удушливой обжигающей волной. Солнце, начавшее клониться к закату, припекало по-летнему безжалостно.

– Ну и жара, – выдохнул Фомин, когда они подошли к одной из служебных «Волг», стоявших во дворе. – Хоть бы дождик прошел.

– Как же, дождешься. – Морозов посмотрел на безоблачное небо. – По прогнозу, всю неделю так будет.

Открыв дверь «Волги», он сел на переднее пассажирское сидение. Фомин сел за руль.

– Напомни мне потом, чтобы я Красильникову отчитался, – проговорил он, взглянув на одомер, и завел мотор.

Лейтенант кивнул.

«Волга» вырулила на улицу Вайнера, проехала мимо здания УКГБ и остановилась на светофоре перед площадью 1905 года.

– Эх, скорей бы в отпуск, – мечтательно вздохнул Морозов, разглядывая двух девушек в мини-юбках, идущих в сторону ЦУМа.

– А когда у тебя? – равнодушно спросил Фомин.

– Через две недели.

– Бархатный сезон. – Фомин завистливо поцокал языком. – И куда намылился? Снова в Ялту?

– Не, – скривился Морозов. – В последний раз Крым меня разочаровал. Яблоку негде упасть, суета, толпы быдла. Просто ужас какой-то. Поэтому в этот раз я решил посетить место потише.

– Какое?

– Рижское взморье. Тихие улочки, интеллигентные люди, хорошая еда. Одним словом, Европа. Уже и путевки взял.

– Поздравляю, – пробормотал Фомин и замолчал. Светофор загорелся зеленым светом.

«Волга» выехала на площадь, миновала здание горсовета и продолжила движение по проспекту Ленина.

– Слушай, ты же рассказывал, что Маша терпеть не может Прибалтику, – вдруг вспомнил Фомин, когда они проезжали плотину городского пруда. – Как ты ее уговорил?

По лицу Морозова скользнула тень.

– Она не едет, – пробурчал он, отвернувшись.

– Ничего себе, – удивился Фомин. – А кто за детьми смотреть будет? Неужели сам? Или родителей возьмешь?

Несколько секунд Морозов молча рассматривал узкую водную полосу Исети, стиснутую каменны-

С утра патрулировали район, все как обычно. А около часу дня нам передают, чтобы мы срочно проверили этот адрес. Мол, женщина какая-то звонила, говорит, что какого-то Вову забрали.

ми плитами набережной. Затем, поняв, что от молчать не получится, повернулся к Фомину.

– В общем... тут такое дело... один я еду, без жены и детей, – отрывисто произнес он. – То есть не совсем один.

Фомин понимающе ухмыльнулся.

– Вот это да, – присвистнул он. – И кто она?

– Елагина, из кадров, – нехотя ответил лейтенант.

– Жопастая такая, – кивнул Фомин. – Силен, ничего не скажешь. К такой бабе на кривой кобыле не подъедешь. То есть получается, – хохотнул он, – жена с детьми в Свердловске будет нянчиться, а ты кадровичку в Юрмале будешь драть. Ну и жук ты, Женя. Что Маше-то скажешь?

– В том-то и дело, – вздохнул Морозов. – Ладно хоть путевка на две недели, а не на месяц. Скажу, что в командировку отправляют. Какая-нибудь стажировка в Ленинграде.

– Правдоподобно, – одобрил Фомин. – Но почему не в Москве?

– В Москве у нее тетка живет. Может попросить что-нибудь передать – и легенде конец.

– Вы великий конспиратор, – засмеялся Фомин. – А проживание в санатории тоже продумал? Вряд ли вас поселят в один номер.

– Все схвачено, – небрежно ответил лейтенант. – Во-первых, в путевках указаны соседние номера. Ну а в случае чего всегда можно использовать убедительный аргумент.

Он похлопал себя по нагрудному карману.

– Ты еще ствол с собой возьми, – поморщился Фомин и нажал на педаль тормоза.

«Волга» остановилась на светофоре перед перекрестком улицы Карла Либкнехта и проспекта Ленина.

– А ведь нехорошо это, лейтенант, – задумчиво произнес Фомин, наблюдая за очередью у входа в «Океан». – Получается, ты позоришь моральный облик советского чекиста. Злоупотребляешь служебным положением. Это выговор, не меньше. А если Маша мне позвонит и спросит про твою командировку? Нужно будет врать, а я это ой как не люблю.

– Что ты имеешь в виду? – побледнел Морозов.

Фомин пристально посмотрел ему в глаза и неожиданно расхохотался.

– Ой, не могу, – задыхаясь, проговорил он. – Ты бы себя видел. Радистка Кэт на допросе. Картина маслом. Да расслабься, шучу я. Прикрою, конечно. Так что спокойно развлекайся со своей кадровичкой. Но вот две бутылочки рижского бальзама, будь добр, так сказать, за хлопоты...

– Да, конечно, – выдавил лейтенант.

«Волга» свернула на улицу Карла Либкнехта и направилась к Вознесенской горке.

– Не дуйся. – Фомин похлопал Морозова по плечу. – Просто вид у тебя такой был – море по колено. Захотелось тебя немножко осадить. Чтобы не зазнавался. Ну, без обид?

На узких скулах Морозова проступили желваки.

– Без обид, – процедил он сквозь зубы.

Проехав мимо темно-серого здания филармонии, «Волга» вырулила на Вознесенскую горку, свернула на улицу Клары Цеткин и остановилась у дома Ипатьева.

– Ну вот мы и на месте, – бодро произнес Фомин и заглушил мотор. – Только не встревай, как ты обычно это любишь.

– Как скажешь, – пробормотал лейтенант.

Фомин и Морозов вылезли из «Волги», миновали желто-синий милицейский «бобик» и направились к главному входу, около которого курили два милиционера.

– Комитет государственной безопасности, капитан Фомин, – показал удостоверение Фомин. – Это мой коллега, лейтенант Морозов. Нам сообщили об антисоветской провокации в доме Ипатьева. От кого поступил сигнал и что именно произошло?

Милиционеры переглянулись.

– Я звонил, – смущенно проговорил один из них, темноволосый молодой человек лет двадцати пяти. – Лейтенант милиции Шевцов. Просто мне

- сказали, что по инструкции я должен сообщить...
- Ближе к делу, – прервал его Фомин.
- В общем... – Шевцов посмотрел на напарника, словно ища поддержки. – С утра патрулировали район, все как обычно. А около часу дня нам передают, чтобы мы срочно проверили этот адрес. Мол, женщина какая-то звонила, говорит, что какого-то Вову забрали. Ну, мы ближе всех были, приехали, зашли. Видим – за столом у входа уборщица сидит. Мы ее спрашиваем: «Вы звонили»? Она молчит. Мы к ней подходим, еще раз спрашиваем, что, мол, произошло. Ноль реакции. Тогда я решил ее по плечу похлопать. Думаю, вдруг поможет. Так она как вздрогнула, как давай на стуле раскачиваться и бормотать – мы с перепугу чуть кони не двинули. Посмотрели мы на нее и в скорую позвонили. Через двадцать минут приехали, укол поставили и забрали.
- Крыша у нее поехала, – кивнул второй милиционер, полноватый мужчина с сержантскими погонами. – Врач сказал, что вдобавок у нее еще и сотрясение мозга. Они ее в психушку увезли, на Сибирский тракт.
- А о чем она... – начал спрашивать Морозов, но, встретившись со взглядом Фомина, осекся.
- Да, о чем она бормотала? – спросил тот.
- «Не подходите к нему», – ответил Шевцов. – Только это и повторяла. Сначала мы не поняли, о чем это она. А потом я вспомнил, что она говорила про какого-то Вову. Ну, когда по телефону звонила. Судя по всему, это вахтер.
- Почему вы так решили? – поинтересовался Фомин.
- На спинке стула висел пиджак. В нем мы нашли паспорт на имя гражданина Караченцева Владимира Петровича, 1917 года рождения.
- Понятно, – кивнул Фомин. – И что вы стали делать?
- Мы решили обыскать дом. Проверили первый этаж и спустились на нижний. А там... Он замолчал.
- Продолжайте, – нахмурился Фомин.
- Простите, товарищ капитан, – покачал головой Шевцов. – Но лучше вам это увидеть собственными глазами.
- Ну что ж, – вздохнул Фомин. – Пойдемте посмотрим.
- Милиционеры побросали окурки, и четверо мужчин зашли в дом.
- На нижнем этаже их встретил третий милиционер.
- Старшина милиции Ковалев, – представился он и вопросительно посмотрел на Шевцова.
- Это товарищи из Комитета, – ответил тот. – Капитан Фомин и лейтенант Морозов. Ну, как там дела?
- Все так же, – пожал плечами Ковалев. – Но дверь я прикрыл. На всякий случай.
- Его бледное, одутловатое лицо казалось невозмутимым.
- Да что там такое? – не выдержал Морозов.
- Сейчас увидите, – отозвался Шевцов. – Идите за мной.
- Пройдя по коридору, они подошли к проходной комнате.
- Только внутрь не заходите, – предупредил Шевцов и открыл дверь.
- Увидев переливающийся световой поток, Фомин и Морозов застыли как вкопанные.
- Милиционеры молча наблюдали за ними.
- Что это за херовина? – первым сбросил оцепенение Фомин.
- Мы не знаем, – ответил Шевцов. – Но думаем, что уборщица говорила про него. И, судя по всему, вахтер пропал тоже из-за него.
- Что вы имеете в виду?
- Мы думаем, что вахтер пошел прямо туда, – негромко произнес Ковалев.
- Фомин с сомнением посмотрел на свечение.
- На кой ему туда лезть, – пожал плечами он. – Это же черт знает что... Может, это шаровая молния какая-нибудь? Я как-то передачу по радио слушал, там один академик про них рассказывал. Залетела через форточку и застряла в комнате.
- Товарищ капитан, на небе ни облачка, – покачал головой Шевцов. – Откуда молнии взяться?
- Точно, – хлопнул себя по лбу Фомин. – Совсем котелок не варит. А ты что думаешь, Женя? Морозов не ответил.
- Прищурив свои чуть раскосые светло-карие глаза, он неотрывно смотрел на струящееся световое кольцо. На его лице, озаряемом голубоватыми бликами, появилось странное выражение – смесь восторженного любопытства и отвращения.
- Лейтенант, ты тут? – повысил голос Фомин.
- Это мой шанс, – прошептал Морозов и, повернувшись к Фомину, громко произнес:
- Я проверю, что там.
- Фомин недоверчиво наклонил голову.
- Очумел, что ли? – резко проговорил он. – Стой где стоишь. И не устраивай детский сад, перед товарищами позоришь.

на себя нашей несправедливой жизнью? И мы будем вечно взирать на последствия наших деяний, раз за разом терпя крах в попытке их исправить? Воистину, нет ничего хуже неизвестности.

- Ваше Величество, позвольте мне поделиться на сей счет кое-какими соображениями.
- Конечно, Евгений Сергеевич, надо сказать, меня обуревают любопытство! Ведь вы, как человек науки, обладаете совершенно особенным взглядом на этот мир, и, может быть, только вы в силах объяснить то, что происходит с нами сейчас.
- Ваше Величество, к сожалению, медицина нашего времени не обладала достаточными познаниями относительно процессов, происходящих с человеком при смерти. Но еще древние знахари подмечали, что некоторые умирающие рассказывали о совершенно немыслимых вещах.
- Как это называется... галлюцинации?
- Можно сказать и так, Ваше Величество. В конце прошлого столетия французские коллеги даже придумали термин для этого явления, *expérience de mort imminente**, если мне не изменяет память.
- *Expérience de mort imminente*... как поэтично, Аликс, не находишь?
- Поэтично? Ники, это же какой-то декаданс.
- Любовь моя, подлинная поэзия не принадлежит ни одному жанру. Иные пошляки с умным видом изрекают, что Пушкин, этот сверкающий алмаз, который могла произвести на свет только Россия, всего лишь основоположник реализма. А между тем Пушкин, как истинный гений, необъятен, и загонять его в какие-либо рамки есть вопиющая... Впрочем, мы несколько ушли в сторону, Евгений Сергеевич, прошу меня простить.
- Ну что вы, Ваше Величество, не стоит, право...
- Учтивость – одна из немногих радостей, которые мы можем позволить себе в текущих обстоятельствах. Так что не обессудьте, друг мой. Возвращаясь к вышесказанному... Я, признаться, заинтригован. Правильно ли я понял, Евгений Сергеевич, что по вашему предположению все происходящее с нами есть не что иное, как химера, порожденная нашим угасающим сознанием?
- Совершенно верно, Ваше Величество, вы абсолютно точно подметили самую суть моей идеи!

По всей видимости, организм умирающего человека производит особые вещества, которые воздействуют на мозг, затуманивая разум.

- Но как такое возможно? Ведь мы общаемся друг с другом, обмениваемся мыслями и суждениями, и действительность, представляющая перед нашими глазами, одинакова для каждого из нас. Неужели морок, о котором вы говорите, может быть столь... причудливым?
- Сказать по правде, Ваше Величество, в этом я вижу слабое место моей гипотезы. Могу лишь допустить, что мы столкнулись с так называемой коллективной, или массовой, галлюцинацией. Но в большинстве описанных случаев они возникали на почве самовнушения или гипноза. Что касается нас... боюсь, наука все же бессильна это объяснить.
- Евгений Сергеевич, вам не стоит сокрушаться по этому поводу. Думаю, всем нам следует признать, что мы стали свидетелями самого настоящего чуда. А чудо, друзья мои, есть божественный промысел, Его прекрасное и непостижимое творение, снизошедшее до нас, дабы напомнить, что мы лишь крохотная частица огромного древа мироздания. К сожалению, нам не дано понять все величие Его замысла, нам лишь приоткрыта замочная скважина, через которую мы видим отблески священного огня Провидения. И предназначение наше я вижу в том, чтобы выполнить Его волю, какой бы загадочной и невообразимой она ни казалась. Нам остается лишь только верить, что Господь с Россией, и все испытания, выпадающие на ее долю, есть очистительное пламя, из которого она возродится, подобно птице феникс. Но как же горько осознавать, что наше Отечество постигнет участь...
- Рара! Там снова человек!
- Как скоро! Впрочем, этого следовало ожидать. Любопытно, кто же на сей раз.
- Я вижу его, это...
- Не может быть.
- Господи, Ники, нет!
- Никогда!
- Это какая-то ужасная насмешка...
- Друзья мои, я хорошо понимаю ваше негодование, но, боюсь, нам придется несколько пересмотреть наши прежние представления о людях. Если, конечно, мы всерьез намерены осуществить предназначенное. Действительно, на первый взгляд этот молодой человек совершенно не соответствует тому образу, который сложился, пусть

* Переживание близкой смерти (фр.).

Друзья мои, я хорошо понимаю ваше негодование, но, боюсь, нам придется несколько пересмотреть наши прежние представления О ЛЮДЯХ.

и неосознанно, у всех нас. Вы скажете, что служащий учреждения, повинного в столь чудовищных злодеяниях, не может быть нашим выбором. Но мы должны понимать одну простую вещь. Россия изменилась, как и люди, населяющие ее, и этого нельзя не учитывать. Честь, благородство, самопожертвование нынче перестают быть теми нравственными идеалами, к которым когда-то стремились наши современники. Поэтому я призываю вас судить беспристрастно, основываясь на всех сторонах его личности. Пороки и добродетели, сплетенные воедино, могут породить удивительный цветок. Кто знает, быть может, нам нужен именно такой человек.

- Увы, Ники.
- Похоже, первое впечатление не обмануло.
- Как жаль...
- Да, друзья, вы были правы. Этот молодой человек, несомненно, умен и честлюбив. И так же, как и вы, я вижу в нем гордыню, малодушие и двуличие. Но не это самое страшное, нет! Ужаснее всего ощущать в нем чувство глубокого, безжалостного презрения к людям. Смертоносное растение, которое Евгений Сергеевич несколько легкомысленно назвал «большевистской охранкой», уже успело заронить свои отравленные семена в эту еще отчасти юношескую душу. Романтизм, свойственный молодости, уйдет, сменяемый холодной прагматичностью вкупе с опьяняющим наслаждением властью. Пока эта власть мала, но что будет, если она возрастет многократно, поддержанная полученным от нас знанием? Боюсь, в этом случае судьба России окажется для него менее значимой, чем те несомненные личные выгоды, которые он обретет, оказавшись на вершине.

- *Власть всегда меняет людей, Ники, и ты знаешь это как никто другой. Сложно предугадать, в какую сторону качнется этот маятник. Иоанн Грозный наслаждался криками несчастных, которых варили в кипятке, а твой дед, Царь-освободитель, милостиво даровал крепостным волю. Что только не видела Русь-матушка... Но каждый из царей думал в первую очередь о ней, о ее будущем, о том, какую страну они оставят своим детям, внукам и правнукам. Глядя же на этого самодовольного молодого... опричника, да, именно опричника, я вижу только мещанское своекорыстие, приправленное растущей жестокостью. Конечно, он умен, но...*
- *Аликс, вот это меня и тревожит! Мы отвергаем уже второго человека, причем, в отличие от предыдущего, куда более способного. Я согласен с тем, что его пороки серьезны, и мы не можем закрывать на них глаза, но вдруг это наш последний шанс? Ведь мы не знаем, сколько еще времени нам отпущено. Что, если чудо, очевидцами которого стали мы все, рассеется прежде, чем у нас получится сделать выбор? Быть может, нам следует попытаться? Ты верно сказала, что почти невозможно предсказать, в какую сторону изменит человека власть. Вдруг все же это будет лучшая сторона.*
- *А если нет? Что, по-твоему, лучше, Ники, – оставить все как есть или рискнуть и получить, возможно, худший из исходов? На мой взгляд, ответ очевиден.*
- *Любовь моя, прости меня. Ты совершенно права. Мы не можем быть авантюристами в этом судьбоносном деле, и твое мудрое женское сердце помнит об этом куда лучше, чем мое. Простите меня, друзья! Это была минутная слабость.*
- *Рара, выходит, мы снова должны ждать?*
- *Увы, Алексей. Надеюсь, Господь не отвернется от нас, и мы сможем осуществить предначертанное.*
- *Иного пути у нас нет.*
- *Да поможет нам Бог.*

* * *

Первый секретарь Свердловского обкома КПСС, крепкий сорокашестилетний мужчина с массивным крестьянским лицом, сосредоточенно изучал проект метрополитена, когда из селектора раздался голос секретарши:

- Борис Николаевич, у вас через десять минут встреча с Юрием Ивановичем и его коллегами

из Комитета государственной безопасности. Он сказал, что это очень важно.

Первый секретарь поморщился, нажал на кнопку селектора и проговорил в пластиковую решетку: – Спасибо, Света.

И снова уткнулся в проект. По плану Харьковского проектного института, через город предполагалось проложить три ветки. Первая должна была идти с Уралмаша до Уктуса. Вторая, идущая с запада на восток, соединила бы УПИ и ВИЗ. Третья – Юго-Запад и район станции «Аппаратная».

«Оптимисты, – с грустной усмешкой подумал первый секретарь. – Дай бог, одну согласуют. Мы же не Москва. Там семь миллионов, столица, пассажиропоток ого-го. А мы что? Так, миллион еле-еле наковыряли, какие у нас пассажиропотоки. Одной ветки за глаза хватит. Снобы московские... Тут и выбирать нечего, с Уралмаша на юг, через площадь. На демонстрации будут ездить. Надо записать, кстати, для митинга пригодится».

Вытащив из внутреннего кармана пиджака маленькую записную книжку, он быстро набросал несколько предложений.

«Нужно постановление Политбюро, – продолжал размышлять первый секретарь, просматривая эскизы вестибюлей станций. – Придется ехать к генеральному. И чтобы лично подписал. И зарегистрировать, обязательно зарегистрировать. Иначе задвинут. Какие же все-таки сволочи. Ведь он вообще не понимает, что происходит. Первый человек в государстве! Куда же мы плывем, спрашивается?»

– В светлое будущее, – угрюмо произнес он вслух.

Отложив проект, первый секретарь встал из-за стола, подошел к приоткрытому окну.

Темнело в августе рано, и на город уже успели опуститься сумерки. В тусклом свете фонарей виднелись силуэты влюбленных парочек, занявших скамейки возле фонтана. Редкие прохожие торопливо проходили мимо них и исчезали в полумраке аллей, пересекающих площадь. Сквозь вечернюю тишину доносился тихий гул голосов, всплески приглушенного смеха, перезвон проезжающих трамваев.

Первый секретарь на мгновение закрыл глаза. Он вспомнил, как пришел на эту площадь вместе с Наей в июне 1953-го, после сдачи зачета по строительной механике. Зачет прошел быстро: преподаватель, пожилой еврей с добрыми рачьими глазами, уточнил фамилию, задал несколько во-

просов про степени свободы систем и, усмехнувшись, расписался в зачетке, напоследок пожелав хорошо выступить на осенних соревнованиях. Ная ждала его внизу, на скамейке у главного здания, красивая, зеленоглазая, в летнем платье с ярким цветочным узором. Он хорошо помнил это платье, потому что оно необыкновенно шло ей, очень нарядное, почти вечернее, пошитое из трофейного шелка, который привезли из Германии Наины родственники.

Тогда они долго гуляли по улице Ленина, укрываясь от солнца в тени бульваров. Он много острил, смешил Наю забавными историями из жизни своих одногруппников и даже пытался изображать миниатюры Тарапуньки и Штепселя, пластинку с записями которых недавно купил его сосед по общежитию. Иногда он обрывал себя на полуслове и с серьезным видом начинал рассказывать какой-нибудь неожиданный факт, вычитанный из Большой советской энциклопедии, наслаждаясь тем, как смеющееся лицо Наи на миг приобретало озадаченное выражение, а затем вновь расплывалось в улыбке.

Увлеченные друг другом, они не заметили, как дошли до сквера на площади Труда. Присев на ближайшую скамейку, Ная, немного стесняясь, заметила, что не отказалась бы от мороженого, он быстро добежал до лотка и вернулся с пломбиром, зажатым между двумя круглыми вафлями. – Спасибо, – улыбнулась Ная.

И глядя, как робко она откусывает от мороженого маленькие кусочки, осторожно придерживая его за вафельные кружки, он вдруг отчетливо понял, что по-настоящему любит Наю, что это именно любовь, а не одна из тех мимолетных влюбленностей, порой случавшихся с ним на танцах или в коридорах института, и вся дальнейшая жизнь – бессмысленна, если в ней не будет этой красивой застенчивой девушки, которая сидит сейчас рядом с ним, ест пломбир и смотрит на фонтан.

Потом были областные соревнования по волейболу, защита диплома, распределение в трест «Уралтяжтрубстрой», где за год он освоил двенадцать строительных специальностей, свадьба с Наей, рождение двух дочерей, вступление в КПСС, назначение в Свердловский домостроительный комбинат, перевод на партийную работу в Свердловский обком, долгие семь лет в должности завотделом строительства, неожиданный вызов в Москву, в ЦК, где много спрашивали про обстановку в обкоме, положение дел в области, разговоры были аккуратные, прощупывающие,

вскоре за ними последовала встреча с Брежневым, который сообщил, что Политбюро рекомендовало его на должность первого секретаря Свердловского обкома, на место переведенного в секретариат ЦК Рябова.

Он принял предложение и стал полноправным хозяином области со всеми соответствующими привилегиями: роскошной госдачей на озере Балтым, путевками в цековские санатории и новенькой «Чайкой» с личным водителем. Первые месяцы прошли в счастливом головокружении, восторг бил через край, работа кипела, он не замечал, как понедельник сменяется пятницей, а ноябрь – февралем.

Но сейчас, спустя почти год после назначения, стоя у окна и глядя на *свой* город, он внезапно почувствовал, что к нему начало возвращаться мучительное чувство *застоя*, впервые возникшее у него после первых двух лет на посту завотделом.

«А что дальше? – тоскливо спросил себя первый секретарь. – Сидеть в Свердловске, пока не вынесут ногами вперед? И смотреть, как старые маразматика окончательно все просрут? Нет, надо двигаться дальше. Сначала в члены ЦК. Потом в Москву. А дальше посмотрим. Им всем под восемьдесят, через пару лет начнут давать дуба. Но как пробиться? Поговорить с Рябовым? Вряд ли поможет, ему не нужны те, кто могут его подписать. “Сиди у себя и не высовывайся”. Тогда к кому? Кириленко? Тоже вряд ли: слишком давно в Кремле, лично меня не знает. Как же быть...»

Погрузившись в свои мысли, он не сразу услышал голос секретарши:

– Борис Николаевич, к вам пришли товарищи из Комитета государственной безопасности. Борис Николаевич, вы меня слышите?

– Да, Света, – ответил первый секретарь, подойдя к столу. – Скажи, пусть заходят.

Через несколько секунд в кабинет вошли трое мужчин: начальник УКГБ, начальник пятого отдела и Фомин, держащий в руках черную кожаную папку.

– Здравствуйте, товарищи, – поприветствовал их первый секретарь.

– Здравствуйте, Борис Николаевич, – ответил начальник УКГБ, а Фомин и начальник пятого отдела вежливо кивнули.

Первый секретарь подошел, пожал каждому руку и жестом пригласил сесть за стол для заседаний. Затем вернулся за свой стол, выждал небольшую паузу и негромко спросил, обращаясь к начальнику УКГБ:

– Чем обязан, Юрий Иванович?

Начальник УКГБ поджал губы, отчего его широкое бледное лицо приняло виноватое выражение, и с неохотой проговорил:

– Борис Николаевич, у нас ЧП.

Первый секретарь вздохнул, устало потер переносицу.

– Что случилось? – спокойно спросил он. – И где?

– В доме Ипатьева произошел... – начальник УКГБ не сразу подобрал подходящее слово, – инцидент.

«Этого только не хватало, – мрачно подумал первый секретарь. – Так и знал, что это рябовское наследство мне еще аукнется. Хитер, ничего не скажешь. Постановление о сносе ведь еще в 75-м приняли. А он все тянул. И как ловко: “Памятник истории”, “Краеведы против”. Не подкопаешься! Теперь в Москве, а козлом отпущения буду я. И уже не рыпнуться. “Скоро годовщина расстрела, нельзя допустить, чтобы дом стал объектом поклонения”. Как говорится, шаг вправо, шаг влево... И сейчас какой-то инцидент на мою голову».

– Так что случилось, Юрий Иванович? – поинтересовался он.

– Это так с ходу не объяснить, – криво усмехнулся начальник УКГБ. – Тут нужен непосредственный участник событий. – Он посмотрел на Фомина. – Скажу заранее, что история совершенно невероятная и на первый взгляд прозвучит как бред сумасшедшего. Я и сам не поверил, пока не увидел. Так что дослушайте до конца, а уж потом задавайте вопросы. Олег, передаю слово тебе.

– Спасибо, Юрий Иванович, – кивнул Фомин и повернулся к первому секретарю. – Капитан Фомин, пятый отдел. Сегодня около трех часов дня мы вместе с моим коллегой лейтенантом Морозовым выехали по вызову из дома Ипатьева. Сигнал поступил от сотрудников милиции, которые сообщили про некий инцидент. Мы приехали на место, встретились с ними. Милиционеры рассказали, что ранее их вызвала уборщица, сообщив по телефону, что кто-то забрал их вахтера. Более подробно ее расспросить им не удалось, поскольку к моменту их приезда она находилась в состоянии потрясения, которое затем перешло в помешательство. Не обнаружив вахтера, милиционеры провели обыск дома, после которого приняли решение вызвать нас. Собственно, вот и весь их рассказ... Затем они провели нас на нижний

этаж, где продемонстрировали... объект, найденный ими при обыске дома.

- Объект? – переспросил первый секретарь.
- Да, так мы его теперь называем. Он представлял собой какую-то светящуюся газообразную... – Фомин растерянно посмотрел на своего начальника.
- Субстанцию, – подсказал тот.
- Да, субстанцию. Она находилась на месте двери в комнату, где расстреляли царя. После визуального осмотра, который мы произвели на расстоянии, лейтенант Морозов, по-видимому, принял решение непосредственно ознакомиться с объектом. Сделав несколько шагов в его сторону, он крикнул, что его начинает затягивать, и продолжил движение. В итоге лейтенанта затянуло туда, и он исчез. Вот и все, если вкратце.

Закончив, Фомин переглянулся с начальниками, и все трое вопросительно посмотрели на первого секретаря. Тот, ошеломленный услышанным, молча переводил взгляд с одного на другого.

- Это какая-то шутка, – наконец произнес он. – Вы меня разыгрываете?
- Начальник УКГБ грустно улыбнулся.
- Борис Николаевич, наша профессия не располагает к юмору, – покачал головой он. – Особенно в отношении высших должностных лиц.
- Тогда как это понимать?
- Ровно так, как вы это услышали. Наши сотрудники обнаружили в доме Ипатьева неизвестное явление. Один из сотрудников, по всей видимости, стал жертвой этого явления. Это все, что мы имеем на данный момент.
- Первый секретарь недоверчиво хмыкнул.
- Слышал я про такие явления, – проворчал он. – Помню, мать рассказывала, что у них в селе, году в 32-м, неожиданно стали падать надои у колхозных коров. Прежде с одной коровы было ведро в день – и вдруг только половина едва набегаёт. Мужики в затылках чесали. Думали, болезнь какая или, может, с сеном что-то. Нет, все в порядке. Долго понять не могли, что не так. Оказалось, сосед сделал ключ от коровника у кузнеца и по ночам с братом потихоньку сдаивал. Все по указу 7–8 пошли – и братья, и кузнец. Вот вам и загадка. Все в этом мире имеет объяснение.
- К сожалению, выходит, что не все, – развел руками начальник УКГБ. – Мы понимали, что эта история прозвучит нелепо и вы нам не поверите, поэтому принесли доказательства. Олег, покажи.

Фомин открыл папку, вытащил оттуда несколько фотографий и положил их на стол перед первым секретарем. Фотографии были необычные: маленькие, квадратные, с неестественно яркими цветами.

- Моментальные, – пояснил начальник пятого отдела. – Американская новинка, коллеги привезли из командировки.

Первый секретарь с любопытством взял одну из глянцевых карточек, поднес к глазам. На снимке были запечатлены темные стены комнаты, которые заканчивались большим светящимся кругом ярко-зеленого цвета. Искажение оттенков делало фотографию чересчур насыщенной, придавая ей сходство с рисунком из детской книжки.

«Северное сияние какое-то», – подумал первый секретарь, откладывая карточку в сторону, и вслух спросил:

- Товарищи, а вы точно уверены, что это что-то неизвестное? Может, молния какая-то или газ?
- К сожалению, точно, – ответил начальник УКГБ. – Те немногие исследования, которые мы отважились провести, это показали.
- Исследования? Вы там консилиум собрали, что ли? – попытался пошутить первый секретарь.
- Борис Николаевич, ну что вы, – скривился начальник УКГБ. – Вы же понимаете, что чем меньше людей знает про это, тем лучше. Нам не нужно, чтобы завтра у дома собралась толпа, которая будет говорить про «чудо на месте гибели царя». Поэтому мы приняли решение засекретить этот инцидент и ограничить число допущенных к нему лиц.
- И сколько человек в курсе?
- Теперь вы, я, Валерий Павлович, капитан Фомин, двое сотрудников, которые сейчас охраняют вход, и три человека внутри, которые ведут наблюдение. Собственно, они и провели предварительный анализ этого явления. Ну и соответственно, трое милиционеров и уборщица. Хотя уборщицу не стоит брать в расчет, она сейчас в областной психбольнице, врачи говорят, что надежд мало. Врачи, кстати, не знают, что произошло, к моменту приезда скорой речь уборщицы стала бессвязной, а по дому они не ходили. Так что для них она просто пожилой человек, у которого внезапно, извиняюсь за выражение, поехала крыша. С милиционерами же была проведена беседа, взяты подписки о неразглашении – там все серьезно, вплоть до высшей меры.
- Вы еще говорили про вахтера, – наморщил лоб первый секретарь.

- С вахтером пока непонятно. Его так и не нашли, милиционеры считают, что он так же, как и наш лейтенант, был поглощен объектом. Единственным человеком, кто мог бы это подтвердить или опровергнуть, была уборщица. Больше в доме людей не было, всех остальных служащих перевели в другие помещения пару дней назад.
- Понятно, – кивнул первый секретарь.
Встав из-за стола, он молча походил по кабинету, сцепив руки за спиной. То, что он услышал от сотрудников КГБ, было совершенно нелепо, невысказано, даже безумно. Но они говорили серьезно, явно веря в свои слова. И эти фотографии...
- Хорошо, – проговорил первый секретарь, вернувшись к своему столу. – Вы меня убедили. Что дальше?
- Пока ничего, – пожал плечами начальник УКГБ. – Мы решили проинформировать вас, прежде чем сообщать в Москву. Чтобы не возникло... неловких ситуаций. Так что вы пока занимайтесь своими делами, а мы свяжемся с Лубянкой и получим дальнейшие указания. Они более компетентны в таких вопросах.
Первый секретарь нахмурился.
- Юрий Иванович, я думаю, вам пока не стоит топиться с докладом, – заметил он. – Вот что: я хочу сам посмотреть на эту штуку. И прямо сейчас. Чтобы, так сказать, иметь собственное представление. А потом можете и Москву запрашивать.
Начальник УКГБ растерянно переглянулся с подчиненными. Предложение первого секретаря застало их врасплох.
- Борис Николаевич, вы уверены? – с тревогой спросил начальник УКГБ. – Мы же не знаем, что это такое. Вдруг что-то пойдет не так и...
- Не волнуйтесь, – улыбнулся первый секретарь. – Я аккуратно, одним глазком. Как говорится, бог не выдает, свинья не съест.
- Но...
- Никаких «но», – отрезал первый секретарь. – Пока что я отвечаю за область и за этот город. И я должен знать, что тут происходит. К тому же я буду не один, а с вами. Разве Комитет государственной безопасности не сможет обеспечить мою безопасность?
- Ну-у... – неуверенно протянул начальник УКГБ. – Если вы там будете недолго, то, пожалуйста...
- Вот и хорошо, – кивнул первый секретарь. – Тогда едем.

Поняв, что переубедить его уже не получится, начальник УКГБ выразительно посмотрел на Фомина и начальника пятого отдела, словно говоря: «Вы сами все видели». Затем все трое встали и вышли из кабинета. Первый секретарь двинулся за ними.

– Света, я уехал, – бросил он секретарше в приемной.

Они спустились по лестнице, вышли во двор. У входа стояли две машины: «Чайка» первого секретаря и «Волга» начальника УКГБ. Рядом с ними прохаживались водители.

– Вы со мной или сами? – спросил первый секретарь у начальника УКГБ.

– Сами, – ответил тот. – Нам надо еще обсудить несколько рабочих вопросов.

– Тогда встречаемся на месте.

Первый секретарь махнул своему водителю, открыл дверцу «Чайки» и сел на заднее сиденье. Водитель сел за руль, завел мотор.

– До Балтыма, Борис Николаевич? – спросил он.

– Пока нет, Алексей, – ответил первый секретарь. – Отвези меня к дому Ипатьева. Помнишь, где он?

– Конечно, Борис Николаевич. Тут и ехать нечего, пешком дойти можно. А что у вас там?

– Да так, – пробормотал первый секретарь. – Нужно решить один вопрос с товарищами, по поводу дома.

– Ничего себе, – удивился водитель. – Его же вроде сносить хотели. Неужто передумали?

Первый секретарь не ответил.

«Чайка» выехала на проспект Ленина, свернула на улицу Толмачева и через несколько минут подъехала к дому Ипатьева. Вскоре рядом остановилась «Волга» начальника УКГБ.

– Подожди тут, – сказал первый секретарь водителю. – Я ненадолго.

– Хорошо, Борис Николаевич, – ответил тот.

Первый секретарь вылез из машины и посмотрел на дом.

Это было двухэтажное каменное строение, выполненное в русском стиле с элементами модерна. Построенное почти сто лет назад, сейчас оно имело обветшалый вид: стены, выкрашенные в кремово-коричневый цвет, покрылись трещинами, оконные стекла помутнели от пыли, а некогда белые полуколонны пожелтели. Но, несмотря на внешние признаки угасания, дом производил благоприятное впечатление, всем своим видом показывая, что может простоять еще лет пятнадцать.

- Любуетесь? – спросил начальник УКГБ, подошедший вместе с Фоминым и начальником пятого отдела.
- Красивый дом, – тихо ответил первый секретарь.
- Вам, как профессионалу, виднее. Но давайте не будем задерживаться, мы привлекаем внимание. – Начальник УКГБ показал глазами на прохожих, которые с любопытством смотрели на «Чайку» и «Волгу», негромко о чем-то переговариваясь.
- Первый секретарь кивнул, и они быстро двинулись к главному входу.
- А днем зевак не было? – спросил первый секретарь у Фомина, поднимаясь на крыльцо.
- Нет, – ответил тот. – Милиционеры потом мне рассказали, что еще до нашего приезда прохожие подходили и интересовались, но быстро разошлись. Им сказали, что от жары у женщины случился инсульт. Вы скажите, какие молодцы, Борис Николаевич? А то сейчас бы через толпу продирались.
- Умно, – согласился первый секретарь.
- Они зашли в дом. У дверей их встретил оперативник.
- Здравствуйте, – поздоровался он, округлив глаза при виде первого секретаря.
- Все нормально, – успокоил его начальник УКГБ. – Борис Николаевич хочет посмотреть на объект. Как обстановка?
- Виктор с Максимом пробили стену, – ответил второй оперативник, который сидел за столом вахтера. – А так без изменений.
- Какую стену? – не понял первый секретарь.
- В ту самую комнату, – объяснил Фомин. – Через дверь теперь в нее не попасть. А там могут быть вахтер и Женя.
- Нет их там, – ответил оперативник. – Так Смоляков сказал, вам лучше поговорить с ним. Мы вниз стараемся лишний раз не соваться. Согласно приказу.
- Все правильно, – кивнул начальник УКГБ. – Пойдемте.
- Спустившись на нижний этаж, они оказались в полутемном коридоре, где едва не столкнулись с худощавым мужчиной лет сорока, одетым в темно-синюю мохеровую кофту.
- Осторожнее, – буркнул тот, но, увидев первого секретаря и начальника УКГБ, смущенно добавил: – Прошу прощения. Здравствуйте, Борис Николаевич.
- Николай Викторович Смоляков, доцент кафедры теоретической физики УПИ, – представил его начальник УКГБ. – Ранее он нас консультировал по нескольким околонуучным вопросам. Как успехи, Николай Викторович?
- Пока никак, – покачал головой тот. – На данный момент у меня все еще не сложилось определенного представления о том, что это может быть. Правда, и оборудования недостаточно. Но те же спектры показывают, что это что-то...
- Николай Викторович, давайте по существу, – прервал его начальник УКГБ. – Расскажите Борису Николаевичу в двух словах, что вам удалось выяснить.
- На самом деле немного. Объект представляет собой сгусток неизвестного светящегося газообразного вещества размером около двух метров в ширину, двух метров в высоту и полметра толщиной. У него постоянная температура, равная примерно двадцати трем градусам Цельсия, объем также не изменяется. Объект практически никак не взаимодействует с окружающей средой, за исключением выделения небольшого количества озона, которое мы зафиксировали при помощи спектрометра. Теперь про исследования... Визуальный осмотр не подтвердил наличие какого-либо излучения, воздействующего на сознание. – Смоляков с усмешкой взглянул на Фомина.
- Женя долго пялился на него, – пробормотал Фомин, покраснев. – Вот я и подумал, мало ли...
- Мы по очереди вставали на том же расстоянии от объекта, что и вы, но никто не побежал в комнату сломя голову, – звенящим голосом произнес Смоляков. – Как говорится, один раз – случайность, два – совпадение, три – статистика. Предлагаю все же вернуться к науке. После визуального осмотра мы приняли решение исследовать объект с помощью бороскопа. В ходе исследований объект никак не реагировал на прибор, на основании чего мы предположили, что он взаимодействует только с живыми существами. Также бороскоп показал, что дверь, на месте которой находится объект, отсутствует.
- Ничего себе, – сощурился начальник УКГБ.
- Да... Что с ней стало, неясно. Скорее всего, ее постигла судьба вашего коллеги. Хотя это несколько противоречит предыдущей гипотезе про выборочное взаимодействие... Как бы то ни было, бороскоп без проблем прошел сквозь объект, и мы увидели комнату.
- Ту, в которой расстреляли царя? – уточнил первый секретарь.

- Да, ее. Она, кстати, пустая, поэтому вопрос, что стало с вашим коллегой, остается открытым. На всякий случай я попросил сделать пролом в стене, чтобы осмотреть объект с другой стороны. Картина абсолютно идентичная.
- А что скажете по поводу притяжения? – спросил Фомин. – Я сам видел, как лейтенанта будто бы тащило туда.
- Мы решили не рисковать, – усмехнулся Смоляков. – Судя по всему, радиус действия этого явления, если оно, конечно, существует, распространяется только на проходную комнату и смежное с ней помещение. Так что мы поставили стулья перед дверью и проломом, чтобы кто-нибудь ненароком не зашел.
- Какие еще исследования успели провести? – спросил первый секретарь.
- Только те, что я перечислил. И еще поставили кинокамеру, чтобы запечатлеть этот феномен на пленке. Хорошо бы, конечно, провести опыты с живыми существами – собаку бы какую-нибудь запустить в комнату или мышь. Но пока не стали. Ведь мы ждем инструкций из Москвы, я правильно понял? – Смоляков посмотрел на начальника УКГБ.
- Да, все верно, – кивнул тот. – Сейчас Борис Николаевич посмотрит, и мы запросим Лубянку. Скорее всего, они пришлют своих ученых.
- Кто бы сомневался, – вздохнул Смоляков. – Хотя с их оборудованием... эх... Он мечтательно прищурился и покачал головой.
- Спасибо за обстоятельный рассказ, Николай Викторович, – проговорил первый секретарь и посмотрел на остальных. – Ну а теперь, товарищи, покажите мне это загадочное явление. Не терпится уже увидеть.
- Идемте, – кивнул начальник УКГБ, и они двинулись по коридору.
- Впереди шел Фомин, затем начальник пятого отдела и начальник УКГБ, а последними – Смоляков и первый секретарь.
- Скажите, Николай Викторович, – вполголоса спросил первый секретарь у Смолякова, – а сами вы что думаете по этому поводу? После всех исследований у вас же должны быть какие-то предположения.
- Смоляков внимательно посмотрел на него.
- Знаете, Борис Николаевич, – задумчиво произнес он, – это, конечно, совершенно антинаучно, и я стараюсь отгонять такие мысли... Но нельзя не учитывать тот факт, что все это происходит на месте убийства царя.
- Вот и я думаю о том же, – проворчал первый секретарь.
- Коридор закончился, и они остановились в небольшом предбаннике перед проходной комнатой. Это помещение было теперь чем-то средним между лабораторией и строительной площадкой. На столе, стоявшем возле стены, разместились измерительные приборы, накрытые брезентом. Пол был усеян обломками кирпича, кусками штукатурки и обрывками обоев. Проем двери, распахнутой настежь, перегораживал стул. Напротив стояла кинокамера на треноге, рядом с которой отдыхали двое мужчин лет тридцати.
- Здравствуйте, – вскочили они, увидев первого секретаря.
- Это наши сотрудники, – сказал начальник пятого отдела. – Помогают Николаю Викторовичу. Как дела, ребята?
- Нормально, – ответил один из мужчин, стриженный под полубокс.
- Без изменений, – добавил второй, рыжеволосый. – Разве что стену сломали, но вам, наверное, Николай Викторович уже рассказал.
- Да, рассказал, – кивнул начальник УКГБ. – Борис Николаевич хочет посмотреть на объект.
- Пожалуйста, – ответил рыжеволосый. – Подходите к стулу.
- Первый секретарь направился было к двери, но начальник пятого отдела аккуратно придержал его за руку.
- Извините, Борис Николаевич, – вежливо сказал он и посмотрел на начальника УКГБ. – Юрий Иванович, я вот что подумал. Может, остановить съемку? А то мало ли, в Москве потом посмотрят – и у Бориса Николаевича возникнут проблемы. Скажут, зачем лез на рожон и все такое. Как считаете?
- Пожалуй, – согласился тот. – Борис Николаевич, не возражаете?
- Вам видней, – пожал плечами первый секретарь.
- Хорошо, – кивнул начальник пятого отдела и повернулся к сотрудникам. – Остановите съемку.
- Стриженный наклонился к камере.
- Готово, – сказал он, повернув рычаг. – Можно идти.
- Наконец-то, – усмехнулся первый секретарь.
- Он подошел к двери, остановился перед стулом. И увидел светящийся круг.
- Ядреный корень, – вырвалось у него.
- Он никогда не видел ничего подобного. Свечные мерцало, переливалось, струилось. Оно вра-

села над полом, а затем с тихим треском рас-
творилась в воздухе.

– Но почему? – прошептал Смоляков.

Начальник УКГБ наклонил голову, пытаясь
осмыслить увиденное.

– И как теперь... – пробормотал он, оторопело
глядя на дверь, которую скрывало свечение.

– Что, что, Юрий Иванович? – переспросил на-
чальник пятого отдела.

Но прежде, чем начальник УКГБ успел отве-
тить, дверь открылась.

На пороге стоял первый секретарь.

– Товарищи... – простонал он заплетаящимся язы-
ком.

Пошатываясь, он добрал до входа в комнату
и рухнул на чьи-то руки. Его осторожно положили
на пол. Первый секретарь тяжело дышал, его лоб
покрыла испарина, седеющий чуб сбился набок.

– Борис Николаевич, – услышал он голос началь-
ника УКГБ. – Что произошло? С вами все в по-
рядке?

– Да, да... – с трудом проговорил первый секре-
тарь. – Это... совершенно... просто невозможно...
Они... они...

– Кто «они»? – наклонился к нему начальник
УКГБ. – Что там с вами случилось? Вы что-то
видели?

Тот медленно перевел на него взгляд. Слегка
помутневшие голубые глаза первого секретаря
понимающе прищурились, несколько раз моргну-
ли. И застыли, приняв настороженное выражение.

– Нет, ничего, – помолчав, произнес он. – Только
свет. Он был везде.

– А про кого вы тогда говорили «они»? – удивил-
ся начальник УКГБ.

Первый секретарь скрипнул зубами.

– Помогите мне встать, – попросил он.

Фомин и рыжеволосый протянули ему руки, по-
могая подняться. Встав на ноги, первый секре-
тарь пригладил волосы, вытер лоб, отряхнулся
и посмотрел на начальника УКГБ.

– Юрий Иванович, я приношу извинения за эту
выходку, – медленно проговорил он. – Сам не
знаю, что на меня нашло. Когда я оказался
там, я не видел ничего, кроме света. Он слепил
меня, и я зажмурился. И еще я слышал странный
звон. Словно звонили колокола. Вот про них
я и говорил. А потом я оказался в той комнате
и увидел тела.

– Тела? – переспросил начальник УКГБ и недо-
уменно посмотрел на начальника пятого отде-
ла, стоявшего за спиной первого секретаря.

Тот покрутил пальцем у виска.

– Я не сумасшедший, – резко произнес первый
секретарь, увидев выражение лица собеседни-
ка. – В соседней комнате действительно лежат
два тела. Можете сами убедиться.

– Олег, проверь, – бросил начальник пятого от-
дела.

Фомин с опаской зашел в проходную комнату,
робко двинулся к двери.

– Не бойтесь, там уже ничего нет, – сказал ему
первый секретарь.

Фомин недоверчиво кивнул.

Подойдя к двери, он заглянул в комнату. И бы-
стро крикнул.

– Да, тут двое.

Через несколько минут в предбанник перенес-
ли безжизненные тела Морозова и вахтера. Их по-
ложили на пол, накрыв брезентом.

– Признаков насильственной смерти нет, – заме-
тил Фомин. – Нужна экспертиза.

– Но в комнате же было пусто, – озадаченно про-
бормотал рыжеволосый. – Мы же сами смотрели.
Как такое возможно?

– Я думаю, это связано с Борисом Николаеви-
чем, – негромко произнес Смоляков.

Все посмотрели на него.

– На что это вы намекаете, Николай Викторо-
вич? – нахмурился первый секретарь.

– Я? Ни на что. Просто рассуждаю вслух. В объ-
ект зашли трое человек. Двое погибли, а вы
вернулись. После этого объект исчез. Почему?

– Откуда я-то знаю, – холодно ответил первый
секретарь. – Я вам уже рассказал, что видел.
Свет, колокольный звон. И я снова в комнате.

– Да, я слышал, – кивнул Смоляков.

– Ну а что вам еще нужно? Я бы с радостью вам
помог, но вы же все слышали. И я не знаю, поче-
му они погибли, а я выжил. Вы сами говорили,
что это неизвестное науке явление. Как мы во-
обще можем что-то про него понять?

– Борис Николаевич, не нервничайте, – успо-
каивающе похлопал его по плечу начальник
УКГБ. – Вам сейчас не надо волноваться. Нико-
лай Викторович просто пытается проанализи-
ровать случившееся с точки зрения науки. Его
выводы могут нам понадобиться, когда будем
готовить доклад в Москву.

– Доклад? – поднял брови первый секретарь.

– Ну да. Надо же им сообщить о том, что тут про-
изошло.

– А что вы им скажете? – с усмешкой спросил
первый секретарь. – Что тут была какая-то

- светящаяся штука, которая потом исчезла. Они попросят доказательства.
- У нас есть, – неуверенно сказал начальник пятого отдела. – Фотографии, киноплёнка. Показания очевидцев.
  - Бросьте, – поморщился первый секретарь. – Это все можно подделать. Вот если бы эта штука до сих пор бы была здесь... А так... Подумают, что вы их разыгрываете. Или, чего хуже, сошли с ума. Вы же помните, с каким лицом я выслушивал ваш рассказ.
  - Но у нас два трупа, – почти с отчаянием воскликнул начальник УКГБ. – И если вы бы нас поддержали, подтвердив, что...
  - Я не собираюсь этого делать, – отрезал первый секретарь. – Я не для того семь лет ждал этот пост, чтобы через год вылететь из-за сомнительных провокаций. И вам не советую кому-либо рассказывать об этом. А по поводу трупов... Придумайте что-то. У вахтера вполне мог случиться сердечный приступ по пути домой. А с вашим лейтенантом мог произойти несчастный случай на работе. Ну или что-то вроде этого. Не мне вас учить, вы люди опытные...
  - Борис Николаевич...
  - Юрий Иванович, – жестко проговорил первый секретарь. – Я своего решения не изменю. Вам нужно замять эту историю. Так будет лучше для всех. И еще кое-что, – добавил он вкрадчиво. – Если я узнаю, что вы все-таки дали ход этой истории, то у вас могут возникнуть большие проблемы. У меня есть знакомые и в ЦК, и на Лубянке. Так что давайте лучше работать сообща. Худой мир, как говорится...
  - Хорошо, Борис Николаевич, – угрюмо произнес начальник УКГБ. – Мы все сделаем.
  - Ну вот и славно, – улыбнулся первый секретарь. – Надеюсь, мы друг друга поняли. Так что работайте. А я, пожалуй, поеду домой.
  - Вы уверены? – спросил его начальник пятого отдела. – Может, покажетесь врачу? Можно в нашу медсанчасть.
  - Не стоит, – отмахнулся первый секретарь. – Мне уже лучше. Звон прошел, глаза уже видят нормально. Потом как-нибудь.
  - Потом так потом, – развел руками начальник пятого отдела. – Но если вы почувствуете себя как-то не так, то сообщите, пожалуйста, нам.
  - Да-да, обязательно, – кивнул первый секретарь. – До свидания, товарищи. Провожать не надо.

Попрошавшись, он направился в сторону лестницы.

- Борис Николаевич, – окликнул его начальник УКГБ. – А что теперь делать с домом?

Первый секретарь остановился. Повернувшись, он обвел всех взглядом и тихо проговорил:

- Сносить здесь все надо. Да поскорее.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ДОБРО

ПИСЬМА ДЯТЛОВА. ИВАН АЛЕКСЕИЧА,
ЖЕНЕ ЕГО АННЕ ДЯТЛОВОЙ И АЛЕШЕ

САША НИКОЛАЕННО
Родилась в Москве в 1976 году. Прозаик, художник, иллюстратор. Лауреат литературной премии «Русский Буннер» за лучший роман на русском языке. «Убить Бобрынина. История одного убийства». Финалист литературной премии «Ясная Поляна» за роман «Небесный

почтальон Федя Булкин». Прозаические публикации в журналах «Урал», «Новый мир», «Знамя», «Сибирские огни». Лауреат премии журнала «Этани» в прозаической номинации «Сестра моя — жизнь» в честь 130-летия Бориса Пастернака за подборку рассказов «Ответный удар».

Здравствуй, Анюшка, сын Алеша. Что у вас, какие новости, как дела? А у нас здесь и утро за новостью по отсутствию новостей. Все в порядке, жив потихонечку, давление, правда, прыгает, но ведь человек и жив, «пока прыгает», как Андрей Николаевич говорил. Дождь в окно до обеда смотрел, увлекательней телевизора! До чего живительна для земли эта так котам с пешеходами неприятная богодать. Прилетели грачи, и я думаю, что не будет когда у них законного зрителя, точно так же станут весной они прилетать, расхаживать, букашек выклевать, поживать. Только жалко букашек, они, хотя и вредители, тоже мир воскресающий повидать лезут, глупые, из земли. Но ведь их-то гораздо более, чем грачей природой разумною, сотворяющей, предусмотрено, ради жизни стада грачиного, ради жизни. Все-то ей предусмотрено... Удивительно устроена жизнь.

За одним грачом там, внизу, кошка долго охотилась, хоть и кормят при кухне больничной их хорошо, но она это, видимо, из инстинкта. Охотница! Кошка, даже если пушистая, сытая, ленивая и домашняя, все равно внутри у ней зверь. Вот ползла она по-пластунски, даже хвост прижала к земле, а потом подкралась и прыгнула, он — взлетел! И я всей душой ликовал за грача за этого, что вот так ускользнул, но и всей душой было жалко кошки, бог лишь знает, Анюшка, по-

чему. Кошка цвета рыжего, у меня похожая была в детстве. Звали Пуськой. И сегодня опять сказала Сирафимидова, «скоро выпишем вас». Молода она, эта женщина, исцелением смертного человечества вдохновленная, у меня же это «скоро» ее отнимает многие дни. Потому решил не терять.

По внимательном прочтении главы первой Библии, о миротворении, совершил открытие, а вернее, открытый множество. Кроме этого, нашел в главе одно обстоятельство, даже можно сказать доказательство прежде вам с Алешкой в письмах изложенной собственной правоты, но об этом потом. Сперва факты.

Вот какая версия сотворения здесь предложена иудеям по имени Моисей (и не Богом, Аня, прошу заметить тебя) — человеком, существовавшим в реальности, называвшим себя «пророк». Почему «пророк» — непонятно, ведь пророк пророчить хитер, ну а здесь описано только прошлое, не пророчество это, скорее предположение, как все было создано, а впоследствии будет история, видимо, расселения по миру созданному племен. Я назвал бы не пророком, но летописцем, историком, очевидцем его... хотя тоже нет, вряд ли сей иудей, хоть и древний, присутствовал при творении Господом тверди земной, всякой жизни на ней, и в частности человеческой. Человек же существо, согласись, хоть и Богом создано,

а однако несовершенное и вторичное, ибо слеплено по образу и подобию (это тоже решив само), да к тому же вольное в пересказе: не удержится добавить себя, где не знает пофантазировать, где не помнит или же выгоду видит какую-то, то приврать. По себе сузу, не сердись. Знаю, милая, для тебя вот это мое размышление, покушение на святыню, на «Слово Божие», «Откровение», для меня же (прости, пожалуйста) – с человеком, назвавшим себя «пророком», а не «писателем», вневременной спор. Спор же этот возможным сделал сам Моисей, ибо что бессмертно написано, вместе с автором не умрет.

Вот что было в начале, как здесь Моисеем сказано: «Сотворил Бог небо и землю».

Ладно! Но что было до того? Если ты при самом Создателе состоял во стенографах, отчего до начала-то упустил? А ведь это самое важное, это вроде бы как художник перед холстом, пустота пустотою останется, пока кисть в палитру не окунет. Было что-нибудь до начала? Чтобы ничего совсем не было, не выходит, потому что, если в начале Бог сотворил, значит, до того стоял пред началом, – был! И нам сразу же сказано, и во всех поступках показано (чтоб в дальнейшем не занимались богоизобретательством), что Господь всего сущего – Дух творения. Значит, Аня, пропущено в книге вашей самое главное: существование изначальное Бога животворящего и Его превосходство над смертью всякою бесконечное.

Значит, тот, что прежде «природой разумно сотворяющей», был мной назван (в смысле поголовья грачей, букашек и прочего) Дух создания, сознательно созидающий, а вокруг – ничего, никого, тьма безвидная, пустыня бесплодная, то есть – смерть. Смерть была, и над ней витал этот Дух, жизни Дух, и тот Дух сотворил свет из тьмы, жизнь из смерти?

4 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

5 И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил свет от тьмы.

6 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер и было утро: день один.

Говорила, Аня, ты, не душа, но дух, отличает нас от прочих зверенышей, и все думал, понять не мог, что за дух? А ведь вот он, Анюшка, вот он! Вот собаки, скажем, кошки, рыбы и муравьи, равно мы выживают в предложенных обстоятельствах, то хитрят, то ласкаются, любят искренне, лают преданно, ну вот только что, только это-то не делают... не творят! Из кусочка глины, спички воткнут, не делают ежей и не поджигают

тех ежей, так как мы. Вот крадется кошка, природой хитро обучена за птицей летучею, тихо-тихо, знает, что вспугнет – не поймать, вот мурлыкает, вот на солнышке греется, вот в углу что-то лапочкой ковыряет, кормит, учит, защищает котят, это все разумно, но не осмысленно у нее, «не осмысленно» же не значит «бессмысленно», смысл есть, просто разница меж словами этими велика! Потому что без осмысления действия кошке нет продолжения, кроме кошки. И бессмысленным всякой кошке покажется делать ежика своего, а тем более поджигать его, понимаешь?! Потому что действие это, в смысле пользы какой-нибудь, в самом деле бессмысленно, но... Представить себе человека, без этого абсолютно осмысленного, но лишеного пользы действия невозможно. Он и знает, что пользы нет, а не человек уже без него. Это так и есть, без сомнения... Дух познания и творения, созиданья бессмертный Дух.

Что же дальше из этого? Был бесплотен, безвиден и всемогущ, сей апофеоз одиночества в пустоте, и создал себе плотей видимых и невидимых тысячи, мириады, твердь земную, морскую, небесную, и всякую жизнь, и вдохнул во каждую Свою душу, ибо душа бессмертная оживляет ненадолго каждую плоть, а потом в другом создании воплощается, вроде как склевал букашину грач, превратилась букашина во грача. Только духом творения этого не делился ни с кем, и никто из тварей летучих, ползучих, крылатых и водяных, не мог оценить, понять, угадать за твореньем Творителя. Не могла лягушка, лишённая искры творческой, обуянная жаждой сохранения жизни собственной и ее в головастиках продолжения, догадаться о существовании вселенные сотворившего, космосы звездные, но могла лишь бояться часа смертного своего. И среди тысяч тварей своих остался невидимым, незамеченным, не угаданным... точно не был. И тогда, возможно, захотелось создать Ему существо, хотя и разумное – неразумное, одинокое до отчаянья, до того отчаянья, Анюшка, что без Бога-то не смогло б?! На себя похужее не душой, жизнь дарующей смертную, и не плотью преобразующей – Духом? Тем, что не выживания ради творит...

Если так, дом для Духа бессмертного, всемогущего, смерть презревшего, – человек.

Дух Творца, от духа Создателя мира сущего, вот что, Анюшка, получается, что выходит... А выходит с тем, был миссией, сыном Его, весь род че-

ловеческий, из небытия безвидного, бездны космической к жизни призванный, Богом созданный, Богоизбранный, Богозванный... Плоть от Плоты, душа – Души, семя Бога Животворящего.

Если б это вот с детства каждому в школе ребеночку объяснить... Но в масштабах Его творения, где во первый день сотворил Он землю и небо, человечество, ныне лютое, плоть звериная, лишь младенец этого Духа... Мы – младенцы Божие, Аня, правда, с бомбой атомною в руках, это, думаю, рановато, я бы отнял, ведь пока Алешка был маленьким, мы на верхние полки прятали спички... Мы младенцы, дети мы малые, вот зачем поджигаем ежиков, вот зачем уголек отгоревший, тепла не дающий, бессмысленный, в руку взяли! – чтобы божье творение, мамонта, на скале им созданной повторить... и стереть, если вдруг рисунок покажется нехорош. Мы младенцы, любопытные и отважные, полетевшие на Луну познавать Им нам твердями в бесконечной тьме невселенной созданный, удивительный мир...

Помнишь, говорила ты, что хочешь понять, как из «ничего» стало все? Ничего-то этого не было, просто не было никогда. Вот представь ребенка слепорожденного, глухорожденного, да без ног без рук пусть рожден на свет, Дух его и во тьме над бездной свет сотворит, свет невиданный, Лик невидимый, самого Бога-Господа, если даже нет Его, сотворит.

И сказал: «Сотворим человека по образу Нашему и подобию; да владеет над рыбами, птицами, над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по ней...» Это создал, значит, не ползать, не пресмыкаться! Думать, мыслить, творить, видеть в каждом творении руку творящего, во разумности таракашечки, большой разум... Что же более в доказательство моей правоты?

«Дал вам всякую траву, семя сеющую, какая есть на земле. И всякое дерево, у которого плод древесный сеющий семя: вам еще будет в пищу...», и увидел, что все созданное Им, хорошо... до того хорошо, что бессмертно!

Дух творения – Божий Дух человеческий, и не может быть, Аня, творения без познания, это правда, милая, это истина! И вот тут бы более о Нем, о Создателе, – ничего! Никаких больше пасквилей от лукавеньких, потому что каждое дальнейшее действие в этой книжице уже сами. Но «был вечер и было утро, и день шестой», и с того-то шестого дня эту книгу книг бесконечную, не чернилами, кровью ближнего... наша воля...

Если же мы все, все без исключения по образу Его и подобию сотворенные, духом творческим наделенные, этот Дух, этот Дар, возьмем за основу строительства, как же это изменит, возвысит, подымет из мрака и мерзости, очистит от плесени, в нашем здании каждый кирпич... как же наконец изменит к лучшему, а?

Что же мы, богозванные, богозданные, только рушим? Оккупантами, самозванцами, делим твердь, в какую уйдем... Ведь уйдем, никуда не денемся от того! Вместо пашни да сеянья в муку мелем, запираем в подполы богозданные семена? Унижаем страхом за послушание, наказанием, до затрещины, до ремня, до пощечины, ибо «совесть» нами заучена от родителей, что в непослушании ее нет... А ведь, может, она-то именно там? Топчем, с грязью мешаем, с собственной глупостью, к небу, солнышку, знаниям, к самому Создателю, любопытством восходящие колоски... Аня... может, и спички зря от Алешки прятали... Может, нужно было просто сводить его на пожар?

Но читаю, и ты, Алешка, читай, интересная книга! Только больно хитра за правду ложь выдавать. Ну да ложь, от какого помысла ни пойдет, сколько флагов ни развернет, все равно останется ложью. Ничего, отдели. Во младенство лучше впаду от спасительной старческой мудрости, ибо против лжи, беззакония восстают только духом сильные, умалишенные и невинные. Но без них Христос не воскрес.

Аня! Слышишь меня? Если с яселек, с саночек, не угрозу, не наказание принять во учителя, но терпение (бесконечное должно быть терпение у учителей божьего человечества) – ожидание, что во тьме незнания дикий мальчик, едва ходить научившийся, обезьянка в человеческом чепчике, до воскресшего Гегеля, Микеланджело, дорастет – оправдается, обязательно оправдается, вот увидишь! Потому что это доверие, потому что не просто «тварь» – «божья тварь», не от твари пишется, от творения, от Творца! Если божия, то никто не имеет права руку поднимать, понимаешь ты или нет?! Если ж окриком да затрещиной действовать, только страх и ненависть вырастишь, потому что всякий от страха плох, кто скулит, кто донос строчит, кто кусается, кто хитрит, а кто тих растет, обиду таит, ждет, чтоб в силу войти, загрызть. Потому что, если «Бог наказал», когда бездельник отец ремень достал «отличника воспитать», если мать за чашку разбитую уши рвет, то зачем вообще такой Бог?

Во любви растить человечество, только что и сказать ему: без тебя, сынок, – никуда. Никуда, без каждого нужного папе, маме, учителю славного смышленного любопытного девочки, мальчика, смысла в будущем нет, завтра нет!.. Что никем его не заменишь. Он научится, Аня!.. Это сколько же нужно всего изменить, и как просто все изменить... даже дух захватило...

За окном весна такая творится, а запаха не почувствовать, не вдохнуть сквозь око стекленное, и тарашимся сверху, как господни архангелы, и по памяти черемухой с вешним дождиком дышим. Красота такая здесь у них, удивляюсь... Хорошие деньги вложены, не растащены. Дорожки плиткой мощенные, чистота, скамеечки с чугунными лебедьками. Это потому в подробностях видно мне, что бинокль у соседа по лежбищу одолжу и приближу диоптрией каждую загогулину, физимордию проходящую, а на физимордии – на строение, думы-замыслы способна эта диоптрия уловить. Так что даром сказано «сверху видно» – не приблизишься, не прозришь, а куда уж ближе себя? А я в детстве думал-гадал, как все видит бабушкин Бог? Спрячусь от него под кровать и лежу, обдираю обои, паркет царапаю, ковыряю в носу... А теперь выходит, что видел-то Он меня из меня, стыдно, совестно теперь, Аня... Ведь же образ я Его и подобие. И вот этот-то стыд, пред самим собой, объяснила бы мне тогда бабушка, я бы, может, и Бога понял. Ведь как просто это мое доказательство! Уследит ли Господь из Вани за Ванею? Уследит! Да еще и вот он, в зеркале, божий внук, стоит да язык показывает, кривляется... Стал бы так кривляться он перед зеркалом, если б знал, откуда видят его? Может, стал бы, а может, нет. Развернуть бы вот так-то к зеркалу, с детства самого, каждого человечика и сказать ему: «Вот Он, Ваня!»! Это Он – Вермеер, да Винчи, Гауди, Корбюзье, Платон, Декарт и Сократ, это Он Бетховен, Шуберт и Бах, Ньютон и Эйнштейн, это Он Менделеев, Он – Галилей! Ну теперь-то, мальчик, веруешь ты в Него, или зришь?»

Но и знай при том, что и в бабушке-дедушке, в маме с папою, в нищем с паперти и разбойнике, в неприятеле и приятеле тоже Он, Бог на Бога глядит... Так и врезал бы, кажется, ближнему, до того дурак непонятливый, во кольчуге правды своей, да ведь выйдет, что ударил себя. Почему «себя»? Так ведь Дух творенья всему родителем, Он во всех... И вот это, Аня, что не ударишь ты ближнего, а ударишь, совесть замучает, вот хотя бы поэтому Бог-то есть. Милосердный и справед-

ливый. Вот к чему лицом бы все человечество вернуть! Ведь откуда взялась идея этого милосердия, желание справедливости в человечестве, если мир на пожирании сильным слабого, ближнего ближнего от создання стоит? Кошке в чем справедливость и милосердие? В том, чтоб больше ей достался мяса кусок, а коту, что мякает рядышком, – оплеух. Человек же, Анюшка, возле мяса этого тоже кошкой ведет себя оттого, что одной половиной зверь, но другой половиною – нет. И вот той половиной он от мяса отступится ради ближнего. И на ту половину он – Человек.

Почему у нас под защитой «неисповедимого» ходит зло? В чем злодей неисповедим? Что за высшие замыслы у воруи? Своровал безнаказанно – «слава Богу»?! Почему у нас в добродетелях хитрецы и предатели? Почему они богоизбранны? Потому что выше лесенкой спинами взобрались? Что ж их, Бог на подлость благословил?! Неужели богоизбранно зло? Почему это нравственно, царственно, агнцев на заклание? Толковать решимость подлую принести не себя, но невинного на алтарь? Почему ты учишь меня, толкуешь, что правильно «убивать Бога ради»?! Почему не самому умирать? Почему это высшая мера любви к Сотворившему и доверия, убить сына?! А по мне, так эта мера – любовь к себе самому! Почему у нас преступление как добро истолковано? Почему мерзавцу в потоп за спасательный круг всю очередь на спасение перебившему, оправдание «БОГОИЗБРАННОСТЬ»? Почему?! Почему богоизбранным называет себя изничтоживший ближнего за кусок? Потому что так сказал Моисей? Так ведь он сказал так и сяк. У него и «почил Господь» дел своих, и, почив, на землю сошел, чтобы на Иакова указать человечеству как на лучшего, на избранника своего. Вот поэтому, Аня, все! Ты сойди, объясни, не Иакову, но уж раз сошел, в его лице всему человечеству, что нельзя... А вы?! Я читал тут одно толкование, мол, Иакова мать подговорила, заставила обмануть слепого отца. Мол, что он послушался матери, значит, прав... Как он прав?! Да не слушайся такой матери, да и все! Меж обманом подлым родителя и матери послушанием выбери, где ты сам! Потому что, пока ты киваешь на дело черное, на отца предательство, сына заклание; то молчишь, то мычишь, то твердишь ему толкования в оправдание, «неисповедимым» называешь его, хороводы водишь, рельсы кругом сгибаешь, под Иакова лестницей, за тобой не Господь всевидящий, с «выи своей спускается», из земли поднимается, и зовут его «богоизбранный – Я».

Да, скажи! Скажи ты мне, в своей Библии, во учебнике праведных – «так нельзя!» «Брат на брата» – нельзя, скажи! «Брат за брата» – тоже нельзя, потому что все вы дети Творца единого, и любимы Им одинаково. Сына за Него нельзя отдавать, за Него, скажи, нельзя предавать, за Него нельзя убивать! Если мать тебе велела отца обмануть, так скажи этой женщине, что отца тебе обмануть – все равно что ее саму, все равно что себя, ведь вы-то одно, ты их плоть единая во любви. Если мать велела брата за наследство предать, скажи – не пойду, ибо братья с ним мы единокровные, кровь единая наше наследие, вот как в детстве читал я в «Маугли»: «Мы с тобой одной крови...» Так скажи, а иначе я сам прочту, и пойму, да с тебя спрошу, а ответить тебе будет нечего, никаким ты зла толкованием не заменишь добра. А что будет тогда, как пойму-то я это вот? Отвернусь...

А что я дурак, да нельзя же так, да и кто такой, чтобы сам от черного белое отличать, знаю, милая, от тебя, знаю, вызубрил, стопочкой запивал. Только вот если сын, а не раб я Создателя всемогущему, то со мной так нельзя! Нельзя! И тебе не позволено, извинись! Если Бах с Бетховеном, Сократ да Платон, мои представители, то я их продолжение, не песчинка! Вот начитаны, да обучены, да мудры, зло добром толковать, мне до вас не достать, у меня от ваших бород щетина одна, да колючая, раз же слово каждое вам мое поперек! Да не как от мухи газетую, Библией вы меня, во лепешку... «Не позволим руками грязными до Святыни!» Это вот святыня? Вот это нравственность, для обмана переодеваться в козла? Это я минуя тысячелетия столетней истории человечества, этой книгой обученных, или вы? «Все ушли от Бога» кричите, ну да как не уйти, коли ваш-то за человечеством с громом молнией ходит по свету, вечной смертью грозит да народы косит? Это я пытаюсь нравственность отменить или вы давно ее уже толкованьями вашими отменили? Потому что, если у вас в богоизбранных вами сто раз оправданный злодей, так чего ж вы хотите? Ладно, я дурак, не пойму, но вы умные, понимаете, что творите? А я, Аня, вот что скажу насчет всего этого... И дитя неразумное отличит горячее от холодного, злое от доброго; пусть хитер мудрец, столетиями зло за добро выдавать обученный, только правда-то у младенца.

А еще я, Аня, вот что нашел в вашей первой главе, о создании мироздания, а найдя, для себя откровенно, хотел было мучить немножко тебя загадка-

ми, но не буду. Потому что не за что мучить, не за что, милая, никого. А загадка была такова: «Что еще совершал Господь, в дни творения, кроме этого творения самого?» Если хочешь, подумай сперва сама, перечти, обратись к толкователям, время хода писем почтой российской медленно, далеко. Только ты в толкованиях этого не найдешь. Потому что то, что лежит на поверхности, с неба только что падало, то же, что глубоко зарыто, разжевано, перемешено, истолковано, подтолковано, да осело на дно фундаментом... да взошло, мне и имени ему не найти. Никакого открытия, потому что действие это вот, равно столько же раз повторено, что и действие «сотворил».

«Сотворил Дух Божий небо и землю», «свет из тьмы» сотворил, что же далее, помнишь ты?

«...День от ночи, утро от вечера, ночь от дня, твердь земную, и твердь небесную, и сказал: “Да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, света от тьмы”...»

Отделил!

«Блаженны правды жаждущие, ибо насытятся» – вот я верю в это неистово! Может быть, самим отделить от черного белое, предлагает нам Библия, Богом данную волю выбора, между злом с добром – если создан по образу и подобию, значит, справишься, отделишь. Пусть не Бог, не Пророк, а как я таков, полуживотное, дикарь безграмотный, жаждой знания движимый, писал о мире нашем свое полуживотное, признание, представление, откровение, значит, на вторую половину выйдет – Творец! Значит, Бог в ней есть, понимаешь?

Но ты скажешь – слаб в делительной арифметике человек, умножение пакостей проще дается с школьной скамьи, да и что же, мне свое, богоданное, делить с дурачком? Духом слаб! То добром ему видится, где стащил безнаказанно, где попал камень в ближнего, где кирпич упал на прохожего, где уж нам, где уж там... Ну да я скажу тебе где. У черты, отделяющей жизнь земную, от неизвестности, всякий выберет, отделил. Значит, только та черта и страшна человеческой совести, чтоб раскаяться, зло с добром разделить? Значит, только угроза быть пойманным защищает от преступления... Или нет?

Вот, к примеру, спросишь меня, как же в случае разделения «зла-добра» со смертной казнью быть для преступника? А не знаю, понятия не имею, решить не могу. Хотя и сказано «не суди», хотя и сказано – «не убей», да как я вам так?! Ведь же выйдет ближний мерзавец, очевидный подлец, моей справедливости неподсуден?

«Не суди, да не будешь», а я знаю – буду судим, и убить не побрезгают. Знаю их! Я один решусь, дурак, других не пинать, а они меня, молчаливого, неподсудного, до смерти из своей справедливости запинаят! Знаю, знаю я их! По себе я их знаю, по себе их сужу, ну и ладно, пусть по себе, только если, Анюшка, не шутя, я убийцу невинного... я убийцу виновного (вот же путаные какие слова!)... я убийцу виновного, в убийстве невинного, все равно на смерть осужу, до прощения не дорос, не меня спросить надо бы, кто на крест за разбойника восходил.

Может, я на равных встану с убийцей, смертный приговор ему объявив? Смертью казнь для всякого жизнью назначена, то не суд, не кара небесная, а природа, потому что, если б Господь на земле карал да казнил преступников, «промышлял», как в толкованиях ваших писано, был бы Ирод распят, не Христос. А вот этих, этих-то двух можешь, Анюшка, различить? Или если скажут тебе, был и Ирод прав, согласишься? Или ты согласна уже, потому что «промыслом Божиим» называют твои учителя это дикое преступление – «Не погибли младенцы, но великих даров сподобились», «промышлял Господь, чтоб запомнили злого Ирода». Чтоб запомнили – сотни душ невинно «увенчанных», «божьем промыслом», Божиим... так-то! А иначе зла человеку не отличить... И действительно – все никак! Потому что, изуверству страшному Ирода поперек, жертвоприношение сына называем добром, веры подвигом, отречением от себя! А как лучше, милая, ради спасения, ради «божьего промысла шкуры собственной», заколоть, как ягненка, ребенка собственного или тысячи вифлеемских младенчиков истребить? Неужели не видишь – это одно! Или Бог у нас Ирод? Или Бог у нас Зло?!

Говоришь, «Господь всеведущий проверить хотел: если сына готов по Его приказу убить, значит, истинно веруешь»... Что ли, так? Только если «всеведущий» – то и нечего проверять! Если так доверяешь Господу, то и незачем убивать! Почему не приходит в голову, что рука отца, над собственным сыном «верой в спасение» занесенная, была волей Всевышнего в воздухе остановлена из желания убийство предотвратить, прекратить? Прекратить! Может, в этом чуде спасительном, до такой кривизны отвратительной истолкованном, и спускался за нами без всякой Иакова лестницы Тот, кто заповеди писал?

До чего же, Анюшка, все не так у нас... все не так! Верно пел Владимир Семенович. Почему бы

это так, как ты думаешь? А я думаю, если мир на слове стоит и в начале было оно, не «спасайтесь» крикнуть надо было у ковчега в потоп, а «спасайте».

Стали часто ходить комиссии, выясняют, нет ли жалоб, недовольства меж заключенными. Жалобы есть, все хотят свободы и права выбора, права голоса, справедливости, но молчат испуганно, если спросят. Николай Васильевич, только слышит шаги проверяющих, одеялом закроется и храпит. Только Виктор Петрович внес жалобу, что в обед всегда компот дают, и хоть раз бы кисель, но дополнил, что все остальное здесь ему нравится, понимает причины своего задержания, поблагодарил начальство и персонал. Эту жалобу записали, покивали сочувственно, обещая учесть. И действительно, кисель, совершенно как в ресторане, одному ему из всех в обед принесли. Пил как крез, на нас свысока поглядывал, мол, смотрите, что с системой бездушной делает справедливая критика, слово правды. Но когда, его примеру последовав, я решил напомнить Сирафимидовой о своей презумпции невинности, отраженной письменно в 49-й статье конституции, эта дама железная мне ответила, что «такой презумпции в медицинской практике нет». И как говорил, земля ему пухом, память вечная, Андрей Николаевич, «нет невинных между живых, все виновные в жизни». У нее же, злодейки бессмертной, для всякого любви ее возжелавшего, один приговор – «плохие анализы», а они у меня, без специального толкования, не понять... Вот бы что писать разборчивым почерком! Вот бы что человеку по-человечески объяснить! Но они здесь до самого крематория укрывать своим почерком от нас умудряются грядущую смерть.

Вот что тут подумалось вдруг... А доступна ли, в самом деле, сознанию, осознанию моему эта мысль о действительной, беспробудной самокопечности? Чтобы «за границей воображения» – ничего? И ты знаешь – доступна, но только разуму, опыту, а душе моей, духу моему – нет! И не знаю, объяснить пока не могу самому себе этот феномен утешительный... потому что не могу, да и все, не могу... чудодейственно! Удивительно...

Нам, ты знаешь, здесь решетки поставили. Всей палатой день провели в рекреации, пока делали. Но решетки не как на даче с тобой у нас, без декоративного украшения, арматура стационарная, в сечение разве что руку высунуть, прутья толстые, на такие железные зубы нужно разгрызть. Вот чем, Анюшка, отличается дача

наша от здешнего санатория: снаружи ли решетка поставлена или же изнутри... Но сегодня дали всем киселя! Но опять остались среди нас недозволенные. Николай, например, Васильевич отодвинул молча стакан. Я попробовал – отвратительный. Сладкий, приторный, теплый, густой, не кисель, а обойный клей, и безвкусный! От глотка одного вся внутренность склеилась, не вздохнуть. Нужно, думаю, две кастрюли ставить в обед, чтоб в одной компот, а в другой кисель, чтобы выбор был у людей... богоданный.

С тем решаюсь. За деление берусь, и буду делить, сколько результаты скверных анализов позволяют. Потому что, сдается мне, христианское здание, возведенное на фундаменте зла с добром, в един бетон перемешанном, пусть окаменевшее намертво, основанием в землю ушедшее, этажами в небо надстроено, для дальнейшего проживания человечества не годится! Оплошали строители, и не оплошать не могли, потому что сама же ты помнишь, когда мы дачный наш храмик строили, из желания скорейшего построения, на фундаменте сэкономили, на печи, печнике, строителях, утеплителе, газопроводе, электричестве, водопроводе, крыше, подполе, но зато теперь непонятно, что делать вообще, потому что это не храмик, прости, но холмик это какой-то летний вышел у нас, сугроб какой-то зимний, прости, но сама же знаешь, сгнили!.. Сгнили доски первого этажа! Доски же я думаю в нем менять, пол перестилать бесполезно, даже если пустимся в перестил, это нам, боюсь, не поможет, потому что лягут и доски новые по тому... Нет, я помню, что мы это так торопились ради Алешки, чтобы было ему, пока маленький, где каникулы летние провести, но теперь же что ему перестраивать наш блиндаж?! А уборная? Он же даже своих товарищей (может быть, свою девушку!) к нашему холмику стесняется пригласить!

Христианскому же нашему зданию, то бишь строительству светлого будущего, уж две тысячи лет, даже можно и так сказать, что будущее, возведенное на этом фундаменте, уже наступило. Мы не только лицеизреи и очевидцы его, но те, которым в этом здании доживать! Только вот ни жить, ни на лаврах почить в этом здании, Анюшка, невозможно! Ни тепла, ни света нет, ни подачи воды, ни энергии солнечной, потому что окон бойницы в нем занавесками, пелеринками твоими в кружавчиках занавешены, для уюта! Да еще к тому же окна эти безвидные так узки, что весь летний солнечный день в помещении и угла молельного

не осветят! А одни, прости опять, запасы твои в сырой полутьме, эти вот тушенки железные, что как бомбы в летней жаре надуются, и грозят, что взорвутся вот-вот, по одной, или разом... и кончено! И конечно, Аня, эта долгоиграющая лапша, завитончики, макароны! Макароны эти твои бесконечные, потому что не портятся, после нас останутся в вечности, насекомой грызью изъеденная крупа, чтобы в черный день прокормить, в черный день или в праздничный, до которого нам с тобой не дожить, не дожить, потому что не видно в эти окошки нам, что вся жизнь – это Богом дарованный светлый праздник!

...И на небо лифты нейдут, и Иакова лестница в этом здании, что до неба должна бы, в пролетах обрушена и заплевана, и закурена... Эти надписи настенные, эта подлопись... И не чтобы остаться в вечности пишут они, только ради вечность эту обрушить! Аня, что молчишь? Обидел тебя? Аня... Или это не правда? Правда! Да ведь правда тем одним и плоха, что обидна. Если хочешь добра, приври, покриви душой, приукрась... Или вот тебе еще одна правда, милая, не о нашем я домике говорил, я люблю нашу дачку темную, я совсем другое, Анюшка, ЗДАНИЕ не приемлю!

Отйду-ка в сторонку чуть от него, дабы на меня-то не рухнуло это ваше строительство, ведь его, как спичечный городок, только тронь... осмотрюсь и припомню имена «богоизбранных» архитекторов... изуверства, вроде крестовых походов и святой инквизиции, во «священной германии» затопивший землю кровью фашизм, на «святой Руси» православие, в революцию порубившие алтари.

И вот эта, Аня, свершившаяся уже христианства история, дом, который построили, хочешь ты того или нет! Потому что итог не сумма желаний и стремлений к добру человечества, но сумма зла содеянного во имя. Для оценки же качества крепости и возможности проживания в этом здании необходимо очень простое понятие, каждому данное, я о том написал уже! Богом данное представление Васьки Пяткина, Ваньки Дятлова, о зле и добре.

Потому что, Анна, в этой книге, как в всяком зданье фундаментом, то, с чего строительство начинается, а не заповедь из евангелия «не убий». Да не заповедь эта, Анюшка, но прямое противопоставление ей, называется – «богоизбранный человек»! Но не просто так «богоизбранный», а воспитанный на истории богоизбранных, здесь изложенной. Этот самый ваш «богоизбранный»

есть не что иное, как жрец, прикрывший хоругвями жертвенник, что, уже однажды распяв, продолжает! Заставляет поверить таких вот, не желающих думать, как ты, в *христианство убийства!* И ни Англия, и ни Франция, ни Германия, ни Россия никогда христианскими не были... никогда! Потому что христианства понятие несопоставимо с искусством порабощения, несопоставимо с рабской покорностью земной власти.

Вот что я скажу тебе... Да, скажу! Нужно обладать воистину дьявольской подлостью или (если это не подлость) абсолютной бездушностью, быть безбожником, чтобы верить, поверить в то, что Освенцимы человечества, Христа именем, – Христианское Человечество. Что единственным богоданным нам способом просветления является «очищающий огонь всепрощения» несогласного с нашею правдой ближнего. Кто ошибка Создателя, от какой тебе, богоизбранной, так желанно очиститься? Сын Еврей, Белорус, Украинец, Японец, Китаец, Грузин, Армянин, Англичанин, Француз или Русский?! От ненужных, негодных, ишь ты, Господу сыновей! Называть же угодниками божьими тех, кто эти костры две тысячи лет разводил, до сих пор разводит, применяя на практике, позволяет нам сама Библия, от начала назвавшая богоизбранным – зло. Потому что вера в то, что трус, обманщик, злодей, отца предатель, сына убийца может быть богоизбранным и имеет в действиях своих что-то общее со святыми деяньями, божьим хотением и велением, недопустимо! Потому что не «богоизбранный» такой человек, а обыкновенный самый, Анюшка, прости, негодяй. И когда ты молишься на такого «угодника» и «избранника», видя в Библии, читая черным по белому, в ней описанные совершенные им «угодные богу»... не «деяния!» – «злодеяния», то не мумия, не какое-то абстрактное зло, стелет коврики пыльные на доски гнилые нашего холмика, Анюшка, ты сама.

Вот пока писал все это, захотелось на дачу безудержно. Вот что, Аня, я думаю, кое-что на книжке лежит у тебя, кое-что у меня, кое-что в шкатулке на полочке. Вот я выпишусь, поживем с тобой в бытовке пока, потихонечку начнем перестраивать... Как ты думаешь, Аня, а?

От числа воскресенья, 12-й месяц, 11-е число.

Манифест

Люди, вот что. Не бойтесь знания! Больше знаешь – дольше живешь, а не «крепче спишь от незнания», как в пословице вашей писано, потому что

хитрый, умный, вас умнее, ее писал. И не «крепче спишь» просто – спишь, жизнь проспидь, а она-то и есть сумма знания, опыт познания, результат ежедневного, поминутного, посекундного выбора, богоданного, но решения неизменного, ибо выбор этот не отменить.

Мы не пишем историю набело, мы не перепиываем и не подтасовываем ее, мы не ищем выгоды, правды ищем! Абсолютно свободно ныне (хотя и во сне моем) прошли наши выборы, земное всеобщее голосование человечества, вот вам результаты его: ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ДОБРО!

Даже что бы оно ни делало, даже что бы ни натворило, за минувшие тысячелетия – ВСЕ РАВНО! Пусть добром ему кажется злодеянье себе на выгоду – ВСЕ РАВНО!

И кого бы ни распинало безудержно, в правду веруя, и кого бы правдой ни погубило оно, и кого бы ни предало, кого бы в поиске верного выбора ни покинуло, даже если взорвет-таки планету эту прекрасную, ВСЕ РАВНО...

И. А. Дятлов

ДО СИДНЕЯ ОДИННАДЦАТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ

РАССКАЗ

 АНАТОЛИЙ НИРИЛИН

Родился в 1947 году в Барнауле. Автор двенадцати книг прозы и публицистики, изданных в Сибири и Москве. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Алтай» и др. Живет в Барнауле.

Жизнь проходит, а я все еще не был в Австралии! Я не был во многих других местах, но за Австралию почему-то особенно обидно.

С каждым днем все больше глупостей слышно из телевизора, но кто и когда сказал, что оттуда должны сообщать другое? Поменяйте взгляд на вещи, и вещи встанут на свои места. А что касается Австралии... За собственным благополучием никто не слышит сигнала о неблагополучии кого-то. Неблагополучия точно в таком же объеме. Или больше. Или меньше. И совсем не обязательно этот кто-то пьян и подзаборен. Словечко из стихотворения моей любимой...

Нет, про Австралию вспомнилось непроста. Двор наш – пространство между шестью пятиэтажными домами – занимал территорию немалую. Посреди него огромным и чужим островом помещалась усадьба деда Сабурова. Кто-то, отдаленно знавший про географию, и назвал усадьбу, обнесенную корявым забором, Австралией, намекая, очевидно, на одиночество ее посреди чужого мира. Такая дикость – клочки частного сектора среди новостроек в самом центре города – в те пятидесятые да и еще в начале шестидесятых не была редкостью. Эти усадьбы теснили, выдавливали из жизни всем миром – от городских властей до дворовой шпаны, к отряду которой примыкал почти всякий достигший двенадцатилетнего возраста.

Между забором деда и общежитием котельного завода, тоже пятиэтажкой, царствовал огромный тополь, метрах в пяти над землей разошедшийся в три ствола. В этой развилке был сооружен шалаш, и там, в боевом штабе местного воинства, разрабатывались планы набегов на дедово хозяйство. Не сама же дворовая мелкота придумала, кто-то из взрослых подсказал, кивнув на усадьбу, – кулак. А раз так – наше дело правое, победа будет за нами, и подрастающая братва усердствовала в сотворении козней деду. Была у него корова, пара свиней, куры, огород – как я немного позднее выяснил – обычное деревенское хозяйство. Может, это и не давало покоя горожанам в первом, втором, от силы третьем поколении? Во всяком случае, не помню, чтобы кто-то из соседей высказал патриархальный трепет, вздрогнул ноздрями, когда от дедова подворья тянуло запахом сена и скотского присутствия.

Моя мать родом из Питера, как и многие котельщики, перевезенные сюда вместе с заводом Ильича после прорыва блокады. Отец – из белорусского города Бобруйска, он приехал на завод случайно, занесло послевоенным вольным ветром.

– Герка! – кричит мать из нашего окна на пятом этаже. – Прекрати материться!

Матюги и треск сабуровского малинника стихают, следом Герка кричит из темноты:

– А ваш Толька тоже матерится!

Это, понятное дело, про меня. Суднишниковы жили прямо под нами, стало быть, окна выходили туда же, куда и наши. Только суднишниковым родителям дела не было ни до Геркиного мата, ни до самого Герки, одного из пятерых сыновей, которых все звали Оторва первый, Оторва второй и так далее, по старшинству.

Дед Сабуров жил вдвоем с бабкой. Та, в отличие от хозяина, в войнах с дворовой шпаной не участвовала, вообще была тихой, и мы даже думали – немой. Никто слова от нее не слышал. Однажды видели, как плачет, но тоже как-то по-особенному тихо. Герка привязал корову к забору, зацепив веревку за рог, и изо всей силы хлестанул животину кленовым прутом. Та ломанулась прочь и оставила рог на веревке. Бабка приложила к ране чистую тряпицу, обняла кормилицу и заплакала. Дворовый народец торжествовал, завидуя Геркиной удали.

Мы учились с Геркой в одном классе. Я был скучный пятерочник и, помимо школы, ходил в две спортивные секции и авиамодельный кружок, Герка – двоечник и хулиган, большую часть времени, в том числе школьного, проводил во дворе. С нами училась Рита Сабурова, в которую Герка был безумно влюблен. Рита приходилась внучкой деду-кулаку, их дом, тоже частный, стоял неподалеку от нашего двора и сильно отличался от дедовой покосившейся хибары. Это был каменный, оштукатуренный особняк за глухим высоченным забором, жили в нем, судя по всему, люди непростые, очевидно, какое-то начальство. По Рите это было видно: ее школьная форма выделялась особенным фасоном и качеством, накрахмаленные фартучки и пышные банты делали ее нарядной в самый будничный день. Свою любовь Герка выражал обыкновенно: лупил всякого, кто посмеет подойти к Рите. Меня почему-то не трогал, может, из-за того, что мой отец поколачивал его родителя, а тот, в свою очередь, дня не проходило, чтобы не порол Герку. Силу у нас уважали. Стычки старшего поколения происходили в основном по праздникам, когда Геркин отец поднимался к нам с разборками. Шумим, дескать. Это было смешно, потому как у нас гуляли только по красным числам, а у Герки – каждый день. Другое дело, у нас пели под отцовский баян, плясали, а внизу ругались, били друг друга лица и посуду, ломали мебель. Наверное, нижним было обидно, что у них так, а не этак.

Я сидел за одной партой со Светкой Евдокимовой, которая еще в первом классе призналась мне

в любви. Иногда я пересаживался к Рите, сидевшей почему-то в одиночестве, и, тихо смущаясь, пытался залезть к ней под юбку. Она отбивалась, а Светка ерзала на своем месте и метала в нас испепеляющие взгляды. В такие дни Герка лупил по нескольку претендентов на Ритино сердце.

Герка среди нас был переростком – и по возрасту, и по росту, и по сложению. К шестому классу у него уже вовсю чернели усы, и физрук Николай Александрович советовал ему начать бриться. Взрослые говорили, будто у него не все в порядке с умственным развитием, но это, мы так думали, касалось только уроков. Хотя – кто знает... В подвале общежития была женская душевая, и мы все подглядывали в замызганные зарешеченные оконца, для чего надо было припасть к самой земле. Комендант ходил по квартирам, жаловался родителям на всех нас по очереди. Битые, мы на некоторое время оставляли порочное занятие, только Герку вразумить было невозможно, он как-то даже кинулся драться с комендантом, чтобы тот не мешал подсматривать. Геркина озабоченность смущала даже нас, озабоченных, может быть, не меньше. Он совал свое мужское достоинство в любую щель или отверстие. Однажды поймал дедову курицу и пытался ее изнасиловать, в другой раз это была кошка. Предусмотрительный Герка натянул на руки веревки, чтобы избранница не поцарапала его, но не подумал о причинном месте. Травмированный, он долго ходил нараскаряку.

Жить после середины 50-х мы стали лучше, посытней. Если сначала форсом было выйти на улицу с куском хлеба, посыпанным сахаром, а то и сахаром по маслу, то теперь – в одной руке булка, в другой – колбаса. Мать моя работала бухгалтером все на том же котельном заводе, отец мастером, потом заместителем начальника цеха. Переместиться по служебной лестнице выше ему не позволяло образование, он даже школу толком не окончил.

У нас, первых во всем подъезде, появился телевизор, КВН с крохотным экраном, и соседи, от первого до пятого этажа, ходили к нам на просмотры, со своими стульями, конечно. Геркин отец не ходил, был он человеком немстительным, но обиды не забывал. Где-то в эту же пору, помню, всем подъездом затаскивали к нашим соседям напротив пианино, дочку хозяев записали в музыкальную школу. Мой отец, игравший по праздникам на баяне, откинул лаковую крышку и заиграл вальс «Амурские волны»... Потом мне приходилось

Старый хозяин мужественно держал оборону в одиночку. Немного позднее я понял, почему он не жаловался и не ждал ни от кого сочувствия. Наши родители, как и мы, не знавшие деревни, получали уроки истории, на которых владельцы коровы и пары свиней, названные кулаками, должны были по решению верховной власти отправляться продолжать свою жизнь далеко на севера.

видеть его с гитарой в руках, с балалайкой, но так и не довелось узнать, каким образом он научился играть на том, на этом? Дома у него отродясь не было, всю жизнь скитался бродягой, пока на войну не попал. Какие уж там могли быть уроки музыки!

Дед Сабуров терпел все больший урон от беспощадных дворовых оглоедов. Однако не помню, чтобы хоть раз в дело вмешалась милиция. Старый хозяин мужественно держал оборону в одиночку. Немного позднее я понял, почему он не жаловался и не ждал ни от кого сочувствия. Наши родители, как и мы, не знавшие деревни, получали уроки истории, на которых владельцы коровы и пары свиней, названные кулаками, должны были по решению верховной власти отправляться продолжать свою жизнь далеко на севера.

Никогда не видел, чтобы Рита приходила к деду, это было тем более странно, что жили они в паре сотен метров друг от друга. Судя по всему, Ритин отец и вправду был большим начальником,

наверное, поэтому семья не общалась с дедом, этим чужим, непонятым наростом на здоровом теле обновляющегося города и всей новой жизни, которая, по заверениям тогдашних руководителей государства, в скором будущем станет раем на нашей благословенной земле.

А Рита росла и расцветала, она уже была красавицей со сформировавшейся фигурой, грудью, тогда как другие наши одноклассницы все еще смотрелись гадкими утятами. Я несколько раз провожал ее домой, зная, что Герка крадется следом, прячась за дворовыми деревьями. К тому времени я уже перестал хватать Риту за коленки и пытаться пробраться выше, как-то само собой это занятие перешло в разряд ненужных. Но вот почему мы ни разу не поцеловались – до сих пор понять не могу. Думаю, она не была против, но когда мы стояли друг перед другом, во взгляде ее сквозила непонятная взрослость, не подпускающая к ней близко. Ни у кого больше не видел я таких глаз – прозрачных, нежно тронутых молочной зеленью – как минерал хризолит. Много позднее я узнал, что хризолит – это по гороскопу мой камень... Потом я вызывал из дома Светку, жившую по соседству, и мы целовались до кровавых трещин на губах.

Моя созревающая плоть не давала покоя мыслям, которые все время крутились вокруг женского тела, благо подвальный женский душ предоставил для того богатую натуру. Или наоборот, мысли мои грешные чрезмерно бередили плоть? Попробуй ответить, это вопрос из разряда «что появилось раньше, курица или яйцо?». Жили мы в двухкомнатной квартире с соседями, семейной парой – Абрамом и Любой. Двухметровый еврей с застенчивыми глазами за толстыми стеклами очков – говорили, он был талантливым инженером. Кем была его жена – никто не знал. Он стеснялся ее скандального нрава, замашек коммунального ратника, визгливого голоса и прятался в своей комнате, едва Люба начинала кухонные разборки. Повод она находила всегда. У нас были отдельные электрические счетчики, и соседка додумалась мылом приклеивать волосок на входные отверстия розеток – контроль за энергетической автономией. Часто волосок отваливался в силу естественных причин, но для Любы таковых не существовало. Отец мой, человек богатырского сложения, в дни скандалов обещал отлупить тщедушного инженера, поскольку тот не в силах укротить свою воинственную жену. Абрам вздыхал беспомощно, и взгляд его говорил: что ж, бейте.

Это было правильно, отец никогда не ударил бы беззащитного.

Потом Люба родила, и в нашей переполненной квартире появились еще двое – младенец и кормилица. Через месяц после рождения ребенка Люба сбежала от него на работу. Кормилицу звали Степанидой, была она крепкой деревенской девахой с необъятными грудями, крепкими ногами. По дому она ходила в одном и том же вечно распахнутом халате. Она сводила меня с ума: каждый раз встречаясь в коридоре или на кухне, будто бы невзначай притрагивалась к моим штанам, где обретался предмет мальчишеского беспокойства. Стерва! В своих горячечных видениях я насиловал ее, опрокинув на пол в коридоре! И... Совестно признаться, снова и снова выходил из нашей комнаты, с нетерпением ожидая ее появления, этого ее бесстыдного жеста и понимающей усмешки сожительницы.

Проклятые и сладкие томления плоти! Я уже понимал, что переживать их приходится не только мне и моим сверстникам. В шестнадцатиметровой комнате мы жили четвером. У старшей сестры уже был парень, и я не сомневался, что отношения их далеки от того, что родители, успокаивая себя, называли дружбой. Как-то они отправились компанией за город с ночевкой в палатках и взяли меня с собой. Надо отдать им должное, ребята умели веселиться, даже мне, чужому и чересчур юному, скучно не было. Они умели петь туристские песни, резвились, как дети, прыгали с обрыва в речку – кто дальше... А между делом парами заныривали в палатки, не дожидаясь окончания дня. Наутро они решили повеселить друг друга, развесив по всему лагерю надутые презервативы, которые я в своей жизни видел тогда впервые.

Наташка, лучшая подруга сестры, то и дело норовила прижаться ко мне, изображая из себя мужчину, овладевающего любовницей. Я тогда не мог понять, зачем взрослым, искушенным людям дразнить таким образом малолеток? Уж взяли бы затащили к себе в постель или куда еще, в ту же палатку, например, и показали, что к чему на самом деле. Видимо, существует какая-то грань, переступить которую они считают для себя невозможным. Еще и потому я делал вывод, что все взрослые – идиоты: в своих играх они, точно дети, не думают о последствиях.

И вот наконец деда Сабурова снесли. Мы видели, как уводили корову со двора, слышали, как визжали свиньи под ножом, и не придали этому

особого значения, хотя время для заготовки мяса было неурочное. Потом дед несколько вечеров кряду ходил по периметру вдоль своего забора, точно вымерял, сколько ему земли отпущено. Дом не перевозили, дворовые постройки не разбирали, как это делается для дальнейшей пользы. Все раскатали бульдозером, обратили в мусор и вывезли на свалку. День – и на месте усадьбы со стайками, сараем, дровяником, садовыми посадками и огородом образовалась ровная площадка. Еще несколько дней – и там же вырыли котлован, из чего мы заключили, что в нашем дворе будет построен еще один дом. Из всех дедовых насаждений в живых осталась старая яблоня, которая давно уже не плодоносила. Она стояла чуть поодаль от большого тополя, очевидно, близкого ей по возрасту, и смотрелась сиротой.

В те дни мне пришла в голову мысль, что и Ритин дом, стоящий неподалеку в ряду еще нескольких уцелевших среди новостроек, скоро будет снесен. Куда девались дед с бабкой – так никто из нас и не узнал. Да и не узнавали. Отчего-то любопытство по тому или иному поводу просыпается в нас с большим опозданием. Я и вправду хотел бы сейчас узнать, что случилось с последними крестьянами Октябрьской площади города Барнаула. Увы, спросить уже не у кого.

Котлован сначала превратился в общедворовую помойку, а весной заполнился талой водой и стал похож на озеро. Как-то мать рассказала отцу местную новость, якобы в котловане забили ключи.

– Во-во, – молвил он с обычной своей невеселой усмешкой. – Запустим рыбу и по вечерам будем сидеть с удочками.

Мы пересекали водные просторы на плотках, связанных из всякого мусора, даже устраивали морские бои. Мало кто из нас не падал в ледяную воду, бывало с некоторыми – и не по одному разу на дню. Биты за это мы были нещадно. Первая часть кары – за порченную одежду и обувь, вторая – профилактика, ибо родительский страх рождался не на пустом месте: котлован был нешуточно глубок, утонуть в нем любой мог запросто. Несколько мальчишек, накупавшись, схватили воспаление легких, среди них был и я. Володька по прозвищу Чихал (вот ведь ирония судьбы!) простудился так, что не отошел от болезни до конца своей жизни и умер совсем молодым. Володька был одним из самых яростных громила дедова хозяйства, и в какой-то момент я подумал, что его болезнь, наши саднящие от порки задницы – месть бывшей сабуровской земли.

Соседи наконец-то съехали, и теперь вся квартира была в нашем распоряжении. Меня отдали в музыкальную школу учиться играть на баяне, по резонам отца – чтобы я стал грамотным музыкантом, не то что он, самоучка, не знавший нот. Для матери главное – чтобы не болтался на улице после уроков. Я согласился, потому как музыке в той же школе училась Рита. Мой преподаватель, едва обучив меня азам, понял: трудиться над постижением исполнительского мастерства я не буду, и дал мне программу выпускного экзамена.

– Ковыряй! – сказал он с отсутствием надежды в голосе. – Может, за оставшиеся три года доковыряешь.

Летом меня отправляли к дедам в деревню. Надо полагать, материны родители были первыми дачниками в этом населенном пункте, расположенном в сорока минутах езды на пригородном поезде от города. Сейчас дачи погребли под собой всю деревню, а тогда местные жители знать не знали и слова-то такого – дача. Дед же, наученный ленинградской блокадой, схватился за землю, зная, что она пропасть не даст.

Отец строго наказывал старикам, чтобы я каждый день тренировался на инструменте.

– Пускай вот это играет обязательно, – стучал он пальцем по нотной тетради.

Баян был, кстати, изготовлен на ленинградской фабрике музыкальных инструментов, голосистый, с каким-то редким тембровым окрасом. Дед выставял табурет посреди двора, гордо оглядывал пространство и командовал:

– Играй!

Я на слух разучил любимую дедову «Вот мчится тройка почтовая» и без устали наяривал эту несложную мелодию. Дед уходил в огород, чтобы не показывать слезы, а вся деревня будто замирала, вслушиваясь в протяжные звуки грустной старинной песни.

Жить мы стали заметно лучше, сытнее и свободнее в расходах. В квартире появился дорогой немецкий мебельный гарнитур, отец стал ездить на курорты лечить свой испорченный беспризорной жизнью и войной кишечник. Но, странное дело, радости в доме не прибавлялось. Не умевшие отдыхать родители продолжали работать сверхурочно, уставали и дома почти не разговаривали друг с другом. Я был свидетелем нескольких отцовских вспышек, когда он вдребезги разбивал о кухонный стол материны бухгалтерские счета, но скандалы повторялись, а ничего не менялось.

Костяшки счет стучали по ночам, отец засыпал с газетой на диване, в редкие выходные мог пролежать таким образом весь день. У родителей не было друзей, ни с кем они не водили компанию. По праздникам ходили к родне, крепко выпивали, пели песни под отцовский баян.

Герка где-то потерялся, не дойдя с нами даже до седьмого класса. Во дворе он тоже не появлялся, и кто-то запустил слухок, будто он попал в колонию для несовершеннолетних. По другой версии, родители перевезли его из густонаселенной своей квартиры к родственникам на окраину города и он поступил на учебу в какое-то техническое училище.

Пока мы переходили из класса в класс начальной школы, она, школа наша, успела побыть семилеткой, потом одиннадцатилеткой, затем восьмилеткой. Нам тогда казалось, что все школьные реформы испытывают именно на нас. Наивные, что-то сказали бы мы по этому поводу сегодня!

Но вот и подошел к концу восьмой. Перед самым выпускным вечером я подстригся наголо – последний протест против вечного гонения на мой стилижий кок. Противу торжественных правил надел черную рубашку, а вместо нормального галстука нацепил шнурок с обезьяньей головой на месте узла и металлическими наконечниками. Директриса, увидев меня, сделала кислое лицо и громко отдала распоряжение физруку, чтобы он проверил наши парты на предмет спрятанного там алкоголя. Физруку до чертиков надоела мы, надоела директриса, и он вместо того, чтобы повиноваться, отправился в свою каморку пить в одиночестве.

Не помню того вечера, потому что большее время провел, нарезая круги по школьному двору. Что к чему – сам до сих пор не знаю. Танцевать не умел и не хотел учиться, болтать с одноклассниками, которые теперь уже для меня никто, тоже не хотелось. Самое сильное ощущение – каждый каждому чужой, будто и не было этих восьми лет. Все наши дружно решили идти дальше учиться в одну и ту же школу, я нарочно записался в другую.

В эту ночь Рита со всей своей семьей уезжала в Ташкент, насовсем. Не могу сказать, что это обстоятельство сильно меня огорчало. Ну, уезжает, и что с того? Я, скорее всего, тоже куда-нибудь уеду... И ждать окончания школы не стану. Было грустно, однако это настроение я не связывал с отъездом Риты, как-то чувствительно оглушила вдруг образовавшаяся пустота – вокруг меня и вообще.

Наверное, это куда правильнее, чем все время жить в городе, где родился, учился, вырослел... Слишком разительны перемены вокруг тебя и зачастую — болезненны. Чересчур безобразно старение знакомых лиц.

Мы отправились на вокзал всем классом. Я уж было подумывал сбежать, но, сам не знаю почему, остался. Девчонки шмыгали носами, родители Риты как-то смущенно переминались с ноги на ногу возле вагонных дверей. И тут я вспомнил про деда Сабурова: если уезжает вся семья, то и дед с бабкой тоже должны быть где-то здесь. Однако их не было. Ни среди уезжающих, ни в толпе провожавших. Светка тоже не пошла с нами, она сидела в опустевшем классе и размазывала слезы по щекам.

Наступил момент, когда все слова прощания уже сказаны и время становится лишним, избыточным. И опять — вокруг чужие люди, отторгнутые друг от друга, как это ни странно, годами тесного соседства. Каждый чувствует неудобство, неловкость, вину за свое неумение справиться с этими долгими, ненужными минутами. И в голове у всех одно: скорей же, скорей!

Ко мне подошла Рита. Какая она взрослая! Будто я увидел ее сейчас впервые. Незнакомая, далекая, чужая... Она не уезжает, нет, она только что приехала из неведомых краев и понимает, что очутилась неведомо где, она прожила уже несколько жизней — свою, умноженную на число нас, ее одноклассников. В ее хризолитовых глазах отражаются перронные огни и незнакомое далеко.

— Приезжай, — сказала она и притронулась к моей стриженной голове. — Я выйду за тебя замуж.

* * *

Ровно через семь лет на мой служебный адрес пришла телеграмма из Ташкента. «Приезжай. В твоём распоряжении три месяца».

Никуда я не поехал и потом каким-то маленьким осколочком себя жалел об этом, как жалеет большинство о многом, что могло бы случиться, но не произошло и потому не принесло разочарований.

Никого из людей, стоявших в ту ночь на перроне, я больше не видел. Из одноклассников встречаю только Светку. Редко и случайно, на улице. Может, и другие пройдут когда мимо, но я их не узнаю. Глядя на свои фотографии той далекой поры, не узнаю и сам себя. Постарел. Все постарели. Светка рассказала, что Рита стала доктором физико-математических наук. Кто бы сомневался! У нее узбекская фамилия и куча детей. У самой Светки тоже семья, но она ее не видит, потому что вот уже третий десяток лет сидит у постели больного отца. В это трудно поверить, но уж такая она и есть — ей для себя ничего не надо.

За время, прошедшее после окончания нами школы, мир изменился так, что я взираю на себя и своих сверстников как на нечто доисторическое. Мои многочисленные попытки приспособиться к новой жизни одна за другой терпели неудачу, и однажды я подумал, что жить в этом мире попросту не имею права.

Как-то в руки мне попала бумага с требованиями для переезжающих на постоянное место жительства в Австралию. Возраст, язык, профессия — я не подходил ни по одному пункту. Впрочем, известно, Австралия — самая трудная для эмиграции страна. Потом познакомился с русским австралийцем, увезенным родителями из России в юном возрасте. Он стал известным певцом, но сюда приехал не на гастроли, а всего лишь повидать родину. Поет и вправду хорошо — арии из опер, романсы, по-русски шпарит без запиночки. И пьет по-русски. И плачет пьяный, жалея себя, оторванного от родины. А мне жалко родину, сказал я ему и предложил поменяться. Он согласился. Мы сидели у него в номере и пьяные играли в подкидного дурака, решив, что просто так поменяться паспортами — это скучно.

— Давай выиграем, — предложил он, — ты у меня, я у тебя...

Так не бывает, подумал я и в конце концов выиграл все, что у него было: паспорт, доллары, часы. Я с сожалением смотрел на кучу этого добра, использовать которое мне не придется. Как много дается нам всего лишь для того, чтобы некоторое время подержать в руках!

Я до сих пор хожу в наш старый двор. Это удивительно, однако почти никого из прежних жителей не осталось. Иные умерли, большинство поразъехало. Уехали и мои родители, которых в этом городе ничто не держало, уехала сестра. Наверное, это куда правильнее, чем все время жить в городе, где родился, учился, вырос. Слишком разительны перемены вокруг тебя и зачастую – болезненны. Чересчур безобразно старение знакомых лиц. Старость вообще малопривлекательна, а когда она пожирает кого-то на твоих глазах – это действует удручающе. Ощущение – ты живешь среди множества зеркал, и великое количество их лишь усугубляет ситуацию: в какое ни посмотри – видишь одно и то же.

На месте котлована сделали спортивную площадку, и некоторое время она была лучшей в городе. Сейчас на ней все запущено, разорено. Не удивлюсь, если в скором времени здесь снова появится котлован, а следом и новое строение. Такие места в центре города нынче подолгу не пустуют. На месте Ритиной усадьбы – пятиэтажный дом с молочным магазином и кучей всяких офисов на первом этаже.

По-прежнему перед окнами общежития возвышается тополь с развилкой, жива и старая яблоня, оставшаяся от деда Сабурова. Несколько поколений, выросших в нашем дворе, делали на стволах затеси в виде матерков и инициалов любимых девчонок. Их затачивало корой, а вернее, самим временем. Оставались шрамы. Все стволы сплошь в шрамах. «Эх ты, человек! – вздыхают оживающие по весне кроны. – Ты уходишь, за тобой приходят другие – и все со старыми глупостями. А нам еще жить да жить...»

Я попросил сына выяснить по Интернету, сколько от нас до Австралии.

– Нигде не сказано, – сообщил он, – вот от Москвы до Сиднея – пожалуйста, четырнадцать с половиной тысяч километров.

Ну а от нас до Москвы – около трех с половиной. Мы на прямой линии от нашей столицы до австралийской, стало быть... Арифметика простая. Зачем мне надо было это узнавать? Понятия не имею!

ГУМАНОИД

ИСТОРИЯ РЕБЕНКА, КОТОРЫЙ УДИВЛЯЕТ, ВЕСЕЛИТ И БЕСИТ.
В ИСПОЛНЕНИИ ЕГО ОТЦА

ЮРИЙ АБРОСИМОВ
Родился в 1969 году
в Москве. Писатель, журна-
лист и радиоведущий.
Сотрудничает с издательским
домом «Номмерсантъ».
Публиковался в журналах

«Сноб», «Огонек», «Новый
берег» (Дания).
Занимается новеллизацией
голливудского авторского
кино.
Дебютный роман «Пожитни»
опубликован в 2013 году.

В рамках отдельной серии
книга получила награду
ярмарки Non/fiction.
Вторая книга — сборник
рассказов «Птица на вылет» —
в печатном виде не выходила
и доступна на «ЛитРес».

Что в имени (вместо предисловия)

Давным-давно один человек обожал произно-
сить вслух иностранные имена и фамилии.

- Знаешь, что я читаю? – спрашивал он кого-ни-
будь.
- Ну?
- Вот, смотри.

И показывал книжку под названием, допустим,
«Весь мир в кармане».

- Вот. *Джеймс Хедли Чейз*.

Оппонент в благоговении замирал.

- Понял, да? *Джеймс Хедли Чейз*.

Надо было слышать, как он произносил эти
три слова. И надо понимать, от чего происхо-
дило его удовольствие. От того, что он, значит,
практически по-английски говорил. Как носитель
языка, в совершенстве им владеющий. Свободно!
Д-ж-е-й-м-с Х-е-д-л-и Ч-е-й-з. Правда, замеча-
тельно? И еще. *Э-р-л С-т-э-н-л-и Г-а-р-д-н-е-р*.
Обалдеть!

Я, кстати, тоже неровно дышу по отношению
к некоторым именам. Но – по другим причинам.
Более «тактильным», что ли. Например, мне
нравится говорить *Лили Собески*. Очень нравит-
ся! *Лили Собески*... Как будто сначала чешут под
подбородком, а потом неожиданно дают короткую
сухую пощечину.

Или вот: *Кирстен Данст*. Роскошно! Попробуй-
те сами. Произнесите вслух: *Кирстен Данст*! Так
с треском далеких мушкетных выстрелов рассу-
паются искры бенгальских огней.

Софья Юрьевна Ильина – тоже хорошее имя.
Но – из совсем другой оперы. Наобум его не про-
изнесешь, тут антураж нужен. Что-нибудь такое
усадебно-дворянское в летний полдень. Когда
вдалеке барский дом, беседка утопает в зелени,
стол, покрытый скатертью, уставлен предмета-
ми чайного сервиза, самовар уже подостыл. Слуги
разбрелись после обеда. Ветерок едва шевелит
травы, комарам – рано еще. Истома повсемест-
ная...

Неплохо бы выпить, для разнообразия, но гра-
финчик пустой, посылать за новым – лень. К тому
же дама напротив, за столиком, явно не распо-
ложена. Это у нее в вашем присутствии – всегда
почти. Да только от того не легче.

Надобно сказать хоть что-нибудь, ради прили-
чия. Но какими словами? И откуда взять их сей-
час?

- Софья Юрьевна! – все-таки пробуете вы.
- А? Что?
- Нет-нет, ничего... Это я так...

Дама наследственно зыркает глазами. Веер
в ее руках изгибается до хруста.

Право же, неловко как... Но что же делать?

Птица какая-то села на ветку рядом и, воспользовавшись свободой, тут же упорхнула прочь.

– Знаете, – спохватываетесь вы, – а ведь я с самого утра еще не причесывался!

– Да что вы говорите?!

– Правда-правда. Да-с... Как с утра встал, так и... Дама пытается скрыть презрение, но безуспешно.

«Боже мой! – ясно показывает ее взгляд. – Что за люди! Все одно!.. Все одно...»

ФРАГМЕНТ КНИГИ

Начало начал

Невозможно, совершенно нереально спать, когда двухлетний «человек», этот насквозь энерджиайзерный дуремар, орет и гоняет по квартире!

Нечленораздельные звуки сменяются полураздельными, разделить их полностью с первой попытки не удастся, разносятся вопли и плач, потом начинается хихиканье, следом – звук, с которым тяжелоатлет рвет штангу, затем берется игрушечный мобильник, и существо во всю свою притворно детскую глотку оглушительно производит:

– АЛЕ!!! ДА!.. ДА!.. ДА!.. ДА!.. ДА!..

И так примерно семьдесят четыре раза.

Вдвоем дома

Этот ребенок – в смысле, моя дочь, – здорово преуспел в жизни, будучи оставленным один на один с папенькой, поскольку маменьке тоже нужно иногда куда-то съездить, развяться, потусить, да и вообще привести себя в чувство.

Моя дочь – в смысле, этот ребенок, – за отпущенное ей время успела всласть пообщаться со своим родителем. Грех жаловаться, когда общение включает бесконечные призывы «бегать!» и «летать!», тысячекратные повторения односложных фраз, среди которых лидирующая – «Соня сломала... Соня сломала...», целенаправленные попытки вырвать у оппонента кадык, проредить растительность на лице, оторвать щеки и подвергнуть его любовной асфиксии, демонстрации обожания, напоминающие контакты собак с падалью, перманентные вложения перстов во всё, до чего дотягиваются руки, стремление тщательно обнюхать руками захваченное, мочеиспускание в горшок, устанавливаемый во всех доступных

точках жилплощади, и отказ от ужина. Последнее обстоятельство привело к скандалу, изгнанию златокудрого шибзда за пределы кухни и ругани, заполняющей педагогический вакуум.

Ранним вечером в нашей квартире оформилось жалкое подобие нейтралитета. Я силясь прожевать макаронные изделия, дочь листала книжки под оглушающее сопровождение музыки...

Спустя какое-то время, под гнетом зоологического атавизма, я решил прижать родное дитя к сердцу, но, войдя в комнату для игр, увидел итог коммуникабельности: организм вырубил абонента. Она валялась ничком на полу, рассматривая примерно четвертый сон по счету.

Родственные чувства

Жена иной раз, дабы ублажить почтенное собрание, спрашивает ее:

– Кто у тебя папа?

– ГУМАНОИД! – строго отвечает шибзд.

Стремясь упрочить реванш, жена интересуется далее:

– А мама кто?

– ГУМАНОИД! – отвечает шибзд.

Ну, понятно. В нашей семье нормального человека не встретишь...

А тут еще вон какую моду взяла. Требует, чтобы я ложился на край постели, после чего сталкивает меня на пол. А я что? Я не против. Честно исполняя отцовские обязанности, транслируя вопли, лечу в пропасть. Падаю, как положено, не группируясь, словно шмат говядины в сковородку-тефаль. Экзекуция повторяется до тех пор, пока соседи не начинают колотить по трубам.

Потом наступает минута фронтального затишья. Я наконец могу устроиться на постели по-человечески, с книжкой.

Преисполненная ангельскими намерениями, змеею подползает дочь.

– Ложись, папа. Ложись...
Вяло огрызаюсь:
– Я и лежу!..
– Нет. Ты вот так ложись.

Меня толкают ладонью в грудь, требуя, чтобы я непременно лег навзничь.

– Ложись, папа. Да. Отдохни. Да.
Шибзд утвердительно машет головой, как цирковая лошадь.

– Вот подушка, папа. На. Подушка. Ложись.
Под голову мне суют думочку.

– А это не надо.

– Красавица!.. – восхитился страж.
Проехав станции две, я наконец смог восстановить ровность дыхания.

Бунт

Если на улице встречается лужа, удивительная Соня непременно в нее упадет.

Есть, есть в умалении до малых сих какая-то неизъяснимая радость – особенно если не перебарщивать, а так лишь, иногда, от случая к случаю, раз в год, не больше...

Хотя бы раз в год с ребенком нужно гулять, это известно. Миссия сопровождения перестает казаться пыткой, когда ребенок внятно говорит, чего ему надобно в настоящий момент. Другое дело, что соразмерность – удел высокоразвитых существ, но не кандидатов в оные.

Катание на поезде, катание на машинках, катание на самолетах, качание на качелях были уже позади, и я известил о возвращении домой. Ритуальные пляски в такой момент заключаются в многократных взаимных уверениях сторон о недопустимости повтора развлекательных действий. Стороны торжественно объявляют *Последний Раз*, то есть заключают своеобразный пакт, легитимности и надежности которого могли бы позавидовать Молотов с Риббентропом.

Естественно, договоренность была нарушена глумительным образом. Не успел я повернуть к дому, как существо, застыв между родителем и цитаделью развлечений, пустилось в отрыв.

Раздался истошный вопль:

– НЕ ТУ-ДА-А-А!!!

Гуляющие рядом карапузы, а также их родители вздрогнули и повернули головы в нашу сторону.

Соня вздымала руки, как солдат, получивший в спину автоматную очередь.

– СЮ-ДА-А-А!!!

Жестом олимпийского метателя дисков она показала – куда именно.

– Нет! – молвил я с густопсовой непреклонностью. – Мы идем домой.

– НЕ ТУ-ДА-А-А!!! СЮ-ДА-А-А!!!

– Нет! Я сказал!..

– А-А-А-А-А-А!!!

Брызгание пеной Гуманоид еще не освоил, но во всем остальном падучая исполнялась квалифицированно.

От нас бежали все помойные коты и чумавозные собаки.

Маленькая девочка каталась по земле, надувая туловище; детали гардероба, разбросанные повсюду, трогательно лежали в пыли; сухие веточки и палые листья путались в роскошных локонах; осень золотым убранством отмечала погожий, переменно теплый день; увенчанное синевой неба в сопровождении многоцветия ароматов, по-особенному волнующее благорастворение воздушных, сопутствующее увяданию природы, означало готовность к скорой зиме, каковая уж точно не заставит томить себя, дабы лишней раз милосердными снегами своими пасть на грешную землю и укрыть на ней всяческое безобразие.

Близился обед.

Выходные будни

Лучшие убийцы, вы знаете, получаются из детей.

Действуют они, как правило, медленно. Но не всегда.

Допустим, вы можете принять расслабленную позу, после чего ребенок, издав рестлинг-вопл, обрушится своей пятой точкой на ваше солнечное сплетение.

Или вы можете застать ребенка, скорбно разрывающего на себе одежды, а в ответ на вопрошание: «Что происходит? Почему ты плачешь?» – прозвучит спокойное и бесхитрое «ничего, просто так».

Да и, по правде говоря, самостоятельному чаду вы не нужны. Он сам, без посторонней помощи может, упав лицом вниз, стесать нос до основания. Очень затейливая «витрина» в результате получается – словно бы милое дитя долго и со всем педагогическим тщанием охаживали монтировкой.

Бегство от действительности, которую никто не заказывал, лучше всего обеспечивать с помощью труда. Однако нет никаких гарантий, что в момент максимального усердия, когда пот на вашем лбу фактурно загустел от поднимаемой неисправным пылесосом пыли, ребенок не войдет в комнату и, критически оценив мизансцену, не произнесет вяло:

– Ты на меня не смотри. Ты делай, делай...

Возражать бессмысленно.

Близкие все ближе

Случается, девочка допускает особенно заметную, досадную оплошность, и тогда я спрашиваю:

– Соня, ты помнишь – где у тебя ум?

Таким образом Гуманоид решил поощрить мое усердие. И даже сделал в мою сторону милостивый жест ручкой, каким обычно с плеча смахивают перхоть.

мо логическую цепочку, исключая запасные аэродромы, планы би, мимирию под ветошь и симулякр эпилепсии.

- *Что это?* – повторил я тише, с темно-синим грозовым оттенком в голосе.
- Я-там-сейчас-мне-полежать-еще-надо... – захлопотал Гуманоид помертвевшими губами. – Я-сейчас-мне-там-булочку-еще-дали-доесть-на-полдник...
- Отвечай мне, – гибельным шепотом предпринял я еще одну попытку. – *Что... это...*
- ААААА!!!
Дознаваемую отшатнуло назад.
- ОТПУСТИ! НЕ ДЕРЖИ МЕНЯ! НЕ ДЕРЖИ-И-И!!!
Ретировалась, попутно опрокинув за собой кое-какую мебель.

На отдыхе

Дача, как феномен, по праву хорошо рифмуется в России с одним только словом, символизирующим кровь, пот и слезы. Впрочем, еще на даче можно поиграть с ребенком. Ведь любому ребенку «нужен родитель», не так ли?

Сегодня играли ровно три раза. Сначала – в маленький желтый мячик, который то и дело норовил повредить цветы. (На нашем участке, если кто не знает, цветы растут в самых неожиданных местах – преимущественно в тех, куда катится мячик). Потом, чтобы не мучиться, взяли другой, напоминающий футбольный. В конце концов, пластинку решили сменить. Ведь всего на даче три мячика. Последний – фиолетовый, полусдувшийся, набухший от сырости – своим внешним видом тщательно маскировал принадлежность к какому-либо виду спорта.

- Долго играем... – удовлетворенно заметила Соня.
- Ага! – ответил я, в кои-то веки чувствуя себя настоящим отцом.
- Долго, да! – радовалась Соня.
- Точно!
- Хи-хи-хи.
- Ха-ха-ха-ха.
- Все. Свободен.
- ?!

Таким образом Гуманоид решил поощрить мое усердие. И даже сделал в мою сторону милостивый жест ручкой, каким обычно с плеча смахивают перхоть.

Через секунду девочка уцепилась за верхнюю перекладину «ворот» – остова, на котором когда-то висел диван-качалка. Конструкция слегка накренилась.

- Соня, упадешь!
- Мамап подошла, как всегда, бесшумно.
- Ты слышишь меня?!
- Слышу!
- А если слышишь, то слезай.
- Шибзд прыгнул и с неудовольствием обернулся.
- Внизу ножки не закреплены, – сказала мамап. – А ты лезешь. Загредишь под фанфары – что мы тогда будем делать?
- А ты дома сиди – и ничего не увидишь.
- ?!
- Мамап не удалось подобрать реакцию на совет. Оставалось им только воспользоваться.
- Мы ушли в дом.

Новая жизнь в старом сосуде

Подойти и сесть рядом. Может, даже – на колени. Так удобнее обнимать рукой шею. Сесть и произнести спокойным, ровным голосом:

- Послушай...
- Выдержать паузу и продолжить:
- Погоди минутку, слушай... не отворачивайся, посмотри на меня... Да, вот так.
- И – дальше. Сумбурно, с огнем. Жаркими губами, подернутыми невысыхающей влагой:
- Я знаю все, что у тебя внутри... Правда, знаю. Это заметно... Отчаяние твое, беспричинный страх. Скука... Затхлая скука и проблески надежды... Не надо бояться ничего. Просто так – не надо. Все эти... вздрагивания. Миллион их было! И все они... ни к чему. Не привели ни к чему. Только силы отняли. И время. Отъели жизнь по кусочку... а не надо. То, что

вменяешь себе в грех. Не мне судить о том, правда. Но и не тебе. Правда!.. Ты все давно уже понял, по-разному принял и осознал. Теперь нужно идти дальше, ведь впереди еще дела... много дел... Какие-то из них без тебя не осияют. А есть и такие, которые уготовлены для тебя только... Послушай. Посмотри на меня... Да, посмотри. Вот так... Работать можно с бременем в памяти, а ты «украсил» им совесть. А тебе ведь – работать. Как и раньше, много. Над собой. Твое рабочее место ты знаешь. Остальное должно ждать. Стоя в очереди, ждать. Распорядись правильно своей жизнью. Умело расходуя свои силы. Оставайся девственным и трезвым. Ты еще должен помнить, что это такое. Не стой и не ной. Следуй за белым кроликом в сердце.

Она улыбается хитро, но ласково. Немного подается назад, давая лучше рассмотреть себя.

– Сердце еще бьется, правда ведь?.. Пусть и не так, как раньше.

Сознательно молчит. Потом произносит:

– Любви больше не будет, мы оба это понимаем... Бог соединяет людей не для оправдания страсти, а для того, чтобы, преодолев ее, мы преображенными входили в новую жизнь. Не соучастниками порока, не любовниками или супругами, даже не мужчиной и женщиной... но братом и сестрой. Равными перед Создателем. Я слушал смиренно. Мне некуда было деваться.

– Ты знаешь прекрасно все, просто еще не созрел. Но силы для этого есть, есть!.. И время тоже. Тебе только сорок теперь. Будущее никто не отнимет... Я останусь с тобой... в нем. И я тебе помогу... я поздравляю тебя...

И больше я ничего не слышу.

Да...

Вот так бы она сказала. Могла бы сказать. Но ей не хватало возраста. Элементарных биологических лет. Поэтому она просто подскочила, вытаращив все свои глаза и косички, и выпалила:

– ПАП! С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!!!

И протянула детский рисунок...

Что-то провернулось у меня внутри...

Спасая ситуацию, я указал пальцем вверх.

– Смотри, как самолет летит!..

Вслед за мной Соня подняла голову.

Какое-то время мы разглядывали небо...

Иногда нельзя себе позволить плакать наружу.

А для того, чтобы плакать внутрь, необходимо задрать подбородок.

МАЙЯ И МОРЕ

МАРИНА ПИСЬМЕНЮН

Родилась в 1990 году в крошечном поселке Магаданской области, живет в Санкт-Петербурге. Получила образование инженера-биотехнолога и сценариста игрового кино. Активный участник поэтической жизни Санкт-Петербурга.

Дебютное произведение «Лабиринт из черемухи (роман в открытках)» вошло в лонг-лист премии «Ясная Поляна» (2022). Участник шестой литературной резиденции АСПИ (Уральский федеральный округ).

Майя все в этой жизни видела, правда, по телевизору. Да и слава богу, что так! Иногда она, конечно, задумывалась: есть что-то неправильное в том, что она, например, никогда не бывала на море. Но следом ей вспоминалось: она не умеет плавать и загорать, да и песок этот будет забиваться меж пальцев, высыхать и противно скрипеть. Кожа от соли станет натянутой и сухой. Волосы склеятся. И это же еще не считая того, что до моря надо как-то добраться! Сначала на автобусе до райцентра, потом на поезде. На вокзале, конечно, сын встретит, но его еще поди дождись – с детства со временем не в ладах. Привезет, поселит в гостинице, среди чужаков. Надо будет в столовки ходить, деньги тратить. Да и старая она уже. С фигурой ее, седыми волосами, морщинами – прости господи – только китов пугать.

Вот если учесть все эти обстоятельства, море Майе нужно было как собаке пятая нога. У нее рядом течет Каменка, хорошая, спокойная речка. Майю устраивает. Вода – она и в кране вода, особенно если со счетчиками немного помухлевать – почти бесплатная.

Словом, нормально Майя прожила бы и без моря уже, честное слово. Но под закат жизни судьба послала ей испытание – невестку, решившую, что если уж свадьба, то непременно на фоне кораблей и волн.

Майя не бунтовала только по одной причине. Она уже и не надеялась, что эти безалаберные, сын ее Иван и подружка Варвара, дойдут до загса на двенадцатом году совместной жизни. Двенадцать лет! Майя за десять успела окончить техникум, отправиться по распределению за тридевять земель, получить квартиру, выйти замуж, родить, сделать ремонт и похоронить мужа. А эти вот только женятся. Так что черт с ними, пусть хоть в пустыне, лишь бы не передумали.

Сама невестка разве что в невесомости не побывала. Полмира объездила – вулканы, моря, дельфины, страусы. Теперь и Ивана за собой таскает. Нет, она баба-то обстоятельная. Иван с ней хоть прилично зарабатывать стал. А ты попробуй тут не заработай, что ни позвонишь им – они завтракуют. В кафе! Дома, что ли, сосисок нет?

– Нет, – всякий раз отвечал сын, – не купили.

Надо же, не купили! Путешествия на год вперед распланировали, а сосиски забыли. Майю такая патология даже настораживала. Что вообще способно заставить человека систематически не заботиться о завтраке и, едва продрав глаза, переться куда-то на голодный желудок? Нет, увольте, она не видела ни одной причины не купить сосиски с вечера. Заранее. Впрок. Это сейчас их в кафе и магазинах навалом! А то мало ли, она-то

знает. Сама Майя могла месяц из дома не выходить и не сбросить ни грамма.

Впрочем, детям она особо моралей не читала. И не из страха надоест или попытки понять, нет. Наедине с собой Майя ох как их костерила! После каждого разговора полдня крыла отборным деревенским матом. Но потом как-то быстро забывала. Отпускала, как модно говорить. Ну завтракают и завтракают. Не женятся и не женятся. Тратят деньги на всякую шелупень – что уж.

– Мам, будет здорово! – не унимался сын. – Море посмотришь!

Ну, море так море. Черт с ними.

Майя ковыряла вилкой физалис. Она уже успела рассказать детям, что автобус из поселка отменили и таксист за тысячу рублей всю дорогу не отлипал от телефона. Что она держалась побелевшими от напряжения пальцами за ручку и несколько раз почти уже крикнула засранцу, чтоб смотрел за дорогой, а не триндел. Но молчала. Боялась, именно ее резкое замечание станет роковым и приведет в кювет.

Рассказала, что в поезде приключения не закончились. Купе Майи оказалось с шелковыми занавесками, а на завтрак принесли банку красной икры! Малюсенькую, но все же. У Майи глаза на лоб полезли! Она сначала понадеялась, что ошибка, но выяснилось, сын взял билет на самый дорогой из возможных поездов.

– Мам, ну не было других, – смеялся Иван, – ну чего ты, красной икрой недовольна?

– Не было... – буркнула Майя. – Конечно, не было, потому что в последний момент брал!

– Что вы хотите на завтрак? – прервала их спор Варвара. – Пойдем, куда скажете!

И вот Майя сидела в кресле и смотрела на горстку салата в огромной тарелище.

– Это физалис! – поспешила объяснить Варвара.

– Да я знаю, – откликнулась Майя, заставив невестку удивленно вскинуть брови, – я просто не люблю всяких таких вычурных смешений.

– Ну хорошо, поедим сосиски дома. Но уже после, – улыбнулась девушка.

Ишь ты, значит, Иван все об их разговорах докладывает. Нет, это даже хорошо. Это даже правильно. Баба-то она толковая, раз он не только слушает ее, да еще и явно доволен. Не в батьку пошел. Свадьба была завтра, Майя нервничала. Дети никого не посвятили в свой план, но, судя по постоянным звонкам от организаторов, он был грандиозным. Майе заранее не нравилось. Когда много напри-

думано, что-нибудь да сорвется. Столько хлопот, боже! Иван и тот бегаёт, решает что-то с машинами. Батька его, Колька, на свадьбе планировал только одно – напиться вусмерть. Зато все получилось.

– Вы уж простите! – сказала будущая невестка. – На море сегодня не успеем, столько всего доделать надо!

– Хорошо, хорошо! – ответила Майя и нисколько не соврала. – Я посижу, книжку почитаю!

– Завтра такую красоту увидишь, мам, я тебе обещаю, – сказал Иван, поглядывая почему-то на будущую жену.

– Ой, – махнула рукой Майя, – да ну что там, то море?

Варвара с улыбкой покачала головой.

– Ну как же! На небесах только и разговоров, что о море! – произнесла она и тут же настороженно уставилась на Майю. – Это цитата. Из фильма, хорошего. Даже культового. Там двое перед смертью едут на море, потому что ни разу его не видели.

Прозвучало снова двояко. Варвара смутилась.

– Это где один в конце умер прямо на берегу? Свалил на бок?

– Да! – радостно воскликнула Варвара и с сомнением посмотрела на свекровь. – А вы что, смотрели? Где?

– По телевизору, наверное, где ж еще, – ответила Майя.

– А, ну вот. Тогда вы знаете, – все еще недоверчиво ответила Варвара.

Майя с такой же недоверчивостью все еще ковыряла салат вилкой, пытаясь обнаружить другие сюрпризы. Варвара молча наблюдала за ней.

– Ну... А что бы вам хотелось, пока вы здесь? Что вы вообще любите? – спросила она.

Майя удивленно пожала плечами.

– Да я все люблю.

Варвара снова улыбнулась.

– Нет, ну так, чтобы очень..

Майя задумалась и от напряжения даже не заметила, как начала жевать салат.

– Мам, ты же кино, кстати, и правда часто смотришь, да? – подсказал Иван.

– Да, фильмы люблю! Я сейчас-то засыпаю, а раньше все подряд смотрела, – уверенно ответила Майя.

Невестка оживилась.

– Значит, вечером смотрим фильм! Любой, какой захотите. Может, что-то старое? Советское?

Майя призадумалась, стала перебирать в памяти картины, просмотренные ею за целую жизнь.

- Советское неплохо, да, – ответила Майя, и Варвара довольно кивнула, – вообще, мне больше всех этот нравится, как его...
- Рязанов? – подсказал сын.
- Не, не наш! Испанец.
Дети переглянулись.
- Челентано? – неуверенно спросил Иван.
- Дурачок, какой Челентано! – звонко расхохоталась Майя. – Альмодовар!
- Физалис кинематографично сорвался с вилки Варвары. Она часто заморгала, словно позади будущей свекрови развернулась красная ковровая дорожка, а сама она обратилась Пенелопой Крус.
- Ничего себе, – протянула Варвара, – это... Очень неожиданно. А где вы его видели?
- По телевизору, – ответила Майя.
- По телевизору показывают Альмодовара? – нахмурилась Варвара.
Майя фыркнула.
- Раньше по ночам-то много редкого кино крутили. Я все смотрела.
Варвара, даже не пытаясь скрыть удивления, уставилась на жениха. Иван, и сам вопросительно тарачившийся на мать, гордо приосанился.
- Да-а, – улынулась Майя, на миг погрузившись в яркие склейки и солнечные кадры Испании, – мне нравится Альмодовар. Интересные сюжеты. Как закрутит, так закрутит! – звонко прокомментировала она.
Варвара рассмеялась, Майе даже показалось, с восхищением.
- За ужином все только и говорили Майе о море. Ей уже и самой захотелось поскорее его увидеть. Когда многочисленные родные и друзья разошлись по номерам, Майю, как и обещали, повезли смотреть кино. Она, может, легла бы спать, но Варваре отчаянно хотелось ее осчастливить, так что она не спорила и даже вспомнила фильм, который ей когда-то давно советовала одна передача.
- Это какой-то лютый артхаус из девяностых, ма, – сказал Иван, смотря описание.
- Ну, давайте другое, – с ходу согласилась Майя, – мне все равно.
- Нет-нет, – запротестовала Варвара, – скачай маме то, что она хочет. – И они уселись смотреть.
- Фильм и правда был ужасного качества, но Майю это не беспокоило. Она с интересом следила за происходящим.
- Что-то для зэка он больно хорошо выглядит, – пробурчала она, – у нас когда Витя вернулся,

там страшно смотреть было. Иван, ты наверное, не помнишь уже.

- Варвара странно на нее смотрела. С экрана доносились звуки поножовщины.
- Вам как, нормально? – спросила она.
- А что? – не поняла Майя. Потом она подумала и решила, что невестку, наверное, смутили сцены драки супругов. Кому охота смотреть на такое в ночь перед свадьбой?
- А Майю сюжет, наоборот, увлек. Драма. Бывший заключенный, неудавшийся висельник, и женщина, убившая своего мужа ножницами. «Про ножницы, конечно, совсем неправдоподобно было, – подумала Майя, – такими конкретно на тот свет не отправишь. Точно не когда тебя насилуют. Так не вывернуться просто напросто. Да и адреналин в такие моменты шпарит. А бить надо наверняка. Второго шанса может и не быть. Майя знает».
- Варвара подозрительно притихла. Звук в кино тоже был артхаусным: грохот, шипение, слов не разобрать.
- А громче-то можно сделать? – поинтересовалась Майя.
- Громче? – растерянно спросила без пяти минут невестка. – Пожалуйста.
- Она снова как-то непонятно глянула на нее, но тут началась сцена убийства, и Майя отвлеклась. Кровь тоже хлестала ненатурально. Зато поминки прям как в жизни.
- Я батьку Ивана сама обмывала, – вспомнила Майя, – сейчас-то, в морге все, да?
- Варвара смотрела куда-то сквозь экран.
- Наверное, – сдавленно отозвалась она наконец, – я не знаю.
- Да, наверное, в морге, – решила Майя, – удобно, конечно.
Она вздохнула.
- Кино Майе понравилось. Конечно, не Альмодовар совсем, но тоже резвое. Один момент ее даже рассмешил: когда зэк повернул ржавый кран в гнилой раковине, и оттуда хлынула коричневая жижа.
- Попил водички! – расхохоталась Майя, глядя, как герой пытается смыть с белой рубашки разводы под душераздирающий музыкальный фон.
- Никто больше не смеялся. Майя обернулась к детям. Иван спал, а Варвара смотрела на нее, и Майе почему-то показалось, чуть ли не с ужасом.
- Ну вот и море, – вдохновенно прошептала сватья.
- И Майя поняла, что сейчас умрет.

Она стояла в самом начале усыпанной розами дорожки, по бокам ровными рядами выстроились стулья, а где-то далеко впереди маячила арка. За аркой не было ничего. Арка стояла на краю гигантского утеса, выпуклого, способного вот-вот обвалиться и погрести под собой толпу нарядных гостей. Майя не видела, но знала, что море, безумное и бездонное, плещется прямо под ней и готовится похоронить.

У нее затряслись колени. Закружилась голова. Она не могла дышать. Бесконечная синева неба, близоруко размытая, начала напозать на нее и душить. Майя поняла, что она умирает. Умирает на свадьбе единственного сына. Это она тот утес, который превратит счастливейший день его жизни в трагедию.

– Пойдемте ближе, тут же ничего не видно. Ваше место в первом ряду, – взяла ее под руку сватья и легонько потянула.

Майя стояла как истукан.

– Все нормально? – глухо донеслось до нее.

Майя не могла говорить. Она понимала, что это ее последние минуты жизни. Надо же, какая глупость. Как же не вовремя. Она судорожно соображала: если тихонечко помереть здесь, сзади, то, возможно, дети не сразу заметят и хотя бы какую-то часть времени проведут, празднуя. Она нечеловеческим усилием заставила дыхание выравниваться и недовольно произнесла:

– Не хочу я в первый. Там дует.

Сватья с каким-то знакомым уже Майе пониманием улыбнулась и пошла вперед, убрав руку. Майя снова начала задыхаться и падать. Опираясь на стулья последнего ряда, она доковыляла до ресторана и сползла по стене. Сквозь стеклянную дверь арка выглядела не так зловеще.

Окончательно воскресла Майя уже за столом. Она сообразила, что, конечно, это была не смерть, а паническая атака. Майя читала про нее в одной из книжек. Вокруг все танцевали. Перед ней стояла пустая тарелка, физалиса там не наблюдалось.

– Мама, мам! Ты куда делась-то?

Иван с бокалом вина протиснулся сквозь толпу и плюхнулся на стул. Вслед за ним появилась его жена.

– Я на море смотрела, – помедлив, ответила Майя.

Варвара замерла.

– Вы нашли ступеньки вниз?

Майя кивнула. Варвара нетерпеливо поставила стул напротив и восторженно уставилась на нее.

– Ну как? Как вам море? – Макияж Варвары пал, но она сияла.

Дети смотрели на нее, волшебные, счастливые, прекрасные. Вслед за ними к ней обернулись все за столом.

Майя молчала. Майя пыталась вспомнить, что говорили про море в фильмах и книгах. Гости терпеливо смотрели на нее. Ей почему-то захотелось огоршить их всех, удивить, сказать что-нибудь эдакое, чтоб аж замерли. Чтоб поняли: таким, как она, никто из них моря не видел. Так, как она, никто никогда на море и не смотрел.

Но ничего, ничегошеньки не приходило в голову.
– Да ну как, – сказала Майя, – нормально. Море как море!

Варвара рассмеялась.

– Я же тебе сто раз говорил, мою маму ничем не проймешь! – улыбнулся подвыпивший Иван, целуя мать в щеку.

– Да уж, – подтвердила невестка.

Майя вышла к Каменке. В одной передаче она видела, что рек с этим именем в России так много, что невозможно сосчитать. Нормальная речка, тихая, Майе нравилась. Она скинула старые сандалии и осторожно зашла в воду.

Майе совсем не было обидно. Далось им это море. Ну подумаешь, море. Важность происходящего вообще преувеличивают. Майя и так все прекрасно представляла, и волны, и ветер. Так что все хорошо. Все она в этой жизни видела. И слава богу, что многое только по телевизору.

МАНКИ

БОРИС ЛЕЙБОВ

Родился в 1983 году. Онучил факультет социологии The University of Glasgow, Высшие курсы сценаристов и режиссеров (сценарная мастер-

ская Олега Дормана и Людмилы Голубниной). Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Иерусалимский журнал», «Нрещатин». Живет в Москве и Тель-Авиве.

Дети в яблоках. Я слежу за тем, как ползут солнечные пятна по их загорелым спинам. Сквозняк выдувает занавески, и июльские лучи, проскользнувшие сквозь кружевные узоры, гуляют по бронзовым бокам и ребрам. Я подглядываю в створку. Они меня старше и после обеда не спят. Мальчик в газетном колпаке – соседский. Младший из Соколовых, Андрей. Девочка – это Лена, внучка поселкового сторожа. Она тоненькая и на речке, после купания, всегда дрожит, как осинка, кутается в полотенце, а ее бескровные губы синеют. Она сосредоточенна. Ее язык высунут и волен. Его кончик выводит в воздухе вензель, пока все Леночкино внимание приковано к столу. Они собирают модель серого крейсера с черным якорем и тремя полосатыми трубами. Шорты ее робко сползли, самую малость, так, что мне видна ровная, как горизонт, линия загара, ниже которой белая притягательная кожа. Восторг угнетает дыхание, и я перевожу глаза с ее спичечных ног на стол, но не на корабль, а на оставленную кем-то из взрослых книгу. Ее бросили открытой приблизительно на середине, и ветер балуется несколькими страницами. Они, как пробор, ложатся то на одну, то на другую сторону.

Я затворяю дверь, невозможно тихо. Ее надо приподнять и только после потянуть. Иначе протяжный скрип. Спать мне еще час, и только после

позволят приклеивать пушечки к палубе. Дверь моей комнаты старая, крашенная в нежный розовый цвет. Поворотная круглая ручка отражает меня в причудливом виде. В потертом от прикосновений медном шаре доминантой лица становится то нос, то глаз. Я сижу на корточках и киваю. Физиономия моя мне наскучивает, я поддеваю ногтем лопнувший воздушный пузырь под разошедшейся краской и принимаюсь раздевать дерево. Под лососевой пленкой лакированная доска и никакой тайны. Часы над дверью выносят суровый приговор: с тех пор как я прикрыл дверь и перестал разглядывать девичьи ноги в золотом пуху, прошла всего минута.

Побег! Спасительная мысль о побеге чужая, шальная, летняя. Окна распахнуты настезь. Этаж первый. О чем я? Весь наш дом – один большой первый этаж. Хотя нет, не большой. Я подтягиваюсь на подоконнике, отворачиваю от себя фарфорового Пушкина-гимназиста – так я устраниваю свидетеля – и переносу ноги по ту сторону, свободную. До травы один обычный взрослый шаг или два моих, размашистых. Над домами неразборчиво шепчет липа. Она ветвиста и велика. Можно истратить несколько жизней, подсчитывая ее листья, и все равно не успеешь. Ветер стаскивает с нее желтые цветки и бросается ими в меня, во взрослых, в бочку с дождевой водой на углу дома.

Взрослые повернуты ко мне спинами. Они милые в своей уверенности. Сидят себе, красят зубья забора в зеленый и представляют, как я сплю, ну или сладко ленюсь, как положено детям после обеда.

Я крадусь. За липой, на косом столбике, грустный умывальник. По его жестяной шее сбегает редкие слезы, и я не могу не замереть и не подставить ладони. Именно эта капля, и только этой воды, мне вдруг необходима. Один родитель обернулся, второй потянулся и звучно зевнул, а я упал ниц. Сердце мое клокочет, горло высохло и колени гуляют. Цель была на вытянутой руке, а я погорел на слабости, на любопытстве, на глупой капле. Но судьба милостива. Вот они снова красят. Красят и говорят. Говорят свои бестолковые слова о краске.

Перед калиткой в лес последняя преграда: страж, привратник, грозная стрекоза. Она замерла и тарашится в упор. Гонит меня обратно в дом, в неволю.

– Ни шагу назад, – шепчу я и собираю мягкие пальцы в кулак, чтобы пригрозить ей.

И она отступает. Поднимается выше, пропуская меня, и остается там висеть, на недосыгаемой высоте. Дверца податливая, смазанная и, как верный друг, молчаливая. Я сбегает из быта в дикий мир.

Еловый пролесок, тянувшийся от дачи к реке, казался мне тогда непролазным и темным. Я наполнял его волками и черепами на посохах с горящими глазами, заимствованными памятью из книжных иллюстраций. Но ничего этого не было. Ни крика совы, ни охлаждающего крови воя, ни рыжих фей. Феи – мой выдуманный пальчиковый народ – каждый раз оказывались обыкновенной лесной земляничкой, стоило только приподнять лист. Если обезглавить фею и съесть ее, то ненадолго будет хорошо. Но поднятие листа было сродни пропуску за кулисы – конец таинства. Проглотишь ягоду, и вот уже Жизель не Жизель, а стареющая актриса ТюЗа Клавдия Ивановна. И я не рвал ягоды. Не сек голов. Я шел лесом к реке.

За спиной хрустнула ветка, и сердце мое покакало, как другой ребенок, на деревянном коне. Я замираю и дышу часто-часто, но тихо-тихо. Снова! Это точно волк с горящими глазами или череп с волчьими... От ужаса мысли бегут врассыпную, оставляя в свете прожекторов одну, главную: а ведь мог бы сейчас лежать, следить за ленивой стрелкой, ждать кукушку и слушать липу. Но нет... Тот, кто хрустел, заблел. Ноги мои подкашиваются от облегчения – невесомость

спасенного. По правде, я, конечно, же знал, что за спиной никого страшного нет. Но как приятно напугать себя самого до полусмерти, чтобы после счастливо обмануться. На меня тарашилась коза – круглыми желтыми глазами, поделенными черным месяцем зрачков. На ее спокойное ухо опустилась малахитовая муха, и ухо стало беспокойным, подвижным. Она проблеяла еще раз. Я передразнил. Она осталась равнодушной. Я отправился дальше.

Через сотню-другую шажков я был вынужден прервать путешествие. Я прыгаю на одной ноге, стараясь вытащить елочную иголку из пятки и удерживать равновесие эт зе сам тайм.

Хм, и откуда взялось это «тайм». Лето же. Целый июнь проветривал голову от глупостей – и вот надо же, всплыло.

С пригорка за просекой, из которого, как подосиновик, росла часовня, мне навстречу спускается старик в резиновых сапогах, с удочками, взваленными на плечо, и жестяным бидоном в руках.

«Сейчас покажет рыбу». Я забываю про занозу и, прихрамывая, бегу к рыбаку. Я страсть как люблю живых рыб. В моей дачной библиотеке из одной книги есть одна книга про подледную рыбалку. Ее сосед по полке – высушенный шучий череп.

– Пусто, – разводит неудачник руками. Это старик Соколов, Андреев дед.

– А мой разбойник не у вас разве?

– У нас. Корабль клеит.

– А ты что ж? Чего бродишь один?

На кончике его широкого носа пучок темных волосков. Я только их и вижу, а не выцветшие глаза, в которые положено смотреть в разговоре. И как он только уживается с ними, волосками на носу, а не под ним, как у прочих.

– Чего шатаешься?

– Английский учу. – Я вру первое, что приходит на ум.

– Ну?! А скажи что-нибудь.

Я знаю наверняка, что старик окромя русского ничего не слышал, и понимаю, что соврать получится бессовестно и легко.

– А чего сказать-то?

– Обезьяна! – воскликнул рыбак, пораженный собственной оригинальностью.

– Манки. – Даже врать не пришлось.

– Эх, – вдруг несколько разочарованно вздыхает старик и идет себе дальше.

О своем, что ли, вспомнил? Или ожидал другое слово? Или подумал – эх, соврал мне, ведь знает же, что я окромя русского ничего не знаю.

Я восхожу на холм и сажусь на старые каменные ступени часовни. Мне уже рассказывали, что все, что осталось от имения, – старая церковь да погост, и дачи наши проросли сорняком в вековом бору. Это все не мои умозаключения, я подслушал у своих взрослых. Как по мне, связь между сорняком и домом не очевидна. Мои наблюдения проще, но честнее: вот церковь и кладбище, за ними плотина, а позади остался лес. Все!

Нехорошие мысли, как незванный гость, застают в самое неподходящее время, когда обнаруживаешь себя среди ржавых оград и мраморных плит, например. Вот и я только что чужим голосом, зрелым и рассудительным, подумал, а зачем я вообще иду к реке. Купаться все равно не буду. Не настолько я рецидивист, чтобы еще купаться без присмотра. Я маму боюсь. Я осторожный. Если обнаружат мой побег, которому уже целых минут десять, то наказание обязательно последует, но оно будет не чрезвычайным. А если всплывет, что я плавал один? Без надзора? Что ж, решившись на такое преступление, надо быть готовым к гибели. Лучше уж не всплывать.

Я стараюсь не читать надписей на надгробиях. Обычно смотрю под ноги, когда редко прохожу по кладбищенским проходам. Взрослые никогда не водят меня по этой дороге, только в обход, под горкой. Но так дольше. Такой путь ворует речное время. Шел бы я, как они, – плелся бы с полчаса вдоль русла. Сейчас с холма мне видно, почему путь понизу так долог. С высоты наша речка похожа на змею. Нарочно так не изовьешься. Последнюю табличку на кованом кресте я все же прочитал и теперь, спускаясь к затону, к деревянному горбатому мосту, вынужден гадать, кем был тот несчастный. «П. А.» – это Павел Алексеевич, или Петр Александрович, или Пантелеймон Антонович? Хотя вряд ли. Я и фамилию успел разглядеть, разумеется, случайно. Пантелеймон Нечушкин... Чуть какая-то, несусветная.

С головой, полной имен, я не заметил, как проскрежетали подо мной сгнившие доски мостика, и обнаружил себя уже на другом берегу. Полощущий ноги – так назвали бы полотно, писанное с меня, и повесили бы в Третьяковке. Не меня, то есть, а картину. От хищного полуденного солнца я спрятался под иву и прилег на траву так, что головой уперся в кору, а ступни погрузил под воду.

Вот они клеят модель, задумался я, и это скучно. Лучше б мы ничего не делали, но вместе. Вместе – это без Андрея Соколова. Мы бы валялись в траве... И я построил над мечтой второй этаж,

высокий и опасный. В нем мы все так же лежим в траве, вымачиваем ноги, а плавки ее несколько сползли, как недавно шорты на нашей террасе.

Незнакомые ощущения захватывали все мое тельце. Сперва странным образом зачесалось сердце, и я без толку поскреб грудь, зуд тем самым не успокоив. Затем щекотка сменилась невосомостью и опустилась ниже. Мне почудилось, что живот мой пуст, и связано это было с внезапным чувством большой свободы. В воде плескалась мелкая рыба. Где-то близко трещал сверчок. Все вокруг меня было живым. Все, все двигалось и гудело. Я засмеялся, хотя смеяться в одиночестве странно. Но чем страннее я казался сам себе, тем сильнее хохотал. Ногам было прохладно, животу легко, и сердце кололо от радости. Я встал над собой, глядя на себя, хохочущего, с сомкнутыми глазами и разинутым, как от зевоты, ртом. Я лежал и стоял и стал, как мне показалось, всем – и той рыбой, и тем сверчком, и стрекозой, всеми, с кем я сегодня повстречался, и не по очереди, а одновременно. Всеми, кроме Нечушкина П. А., он в живую эту мысль не умещался. Так, изнемогая от счастья, от точного ощущения принадлежности к жизни, я сдался и уснул, и ничего плохого со мной не приключилось. Не было и расплаты.

Провал был неглубоким и недолгим. Это я понял, когда смотрел на циферблат в своей спальне. Если маятник – сердце часового механизма, то мое несется в два, в три раза быстрее. Моя грудная клетка похожа на мех аккордеона в разгар припева. Язык болтается, как у собаки, высушенной в окно машины морду. Еще никто и никогда не добежал от плотины до нашей дачи так быстро.

Заслышав глухие шаги взрослых и скрежет порога, я запрыгиваю в деревенскую высокую кровать, выдавливая из пружин стон, и утыкаюсь носом в стену. Доверчивая мама трогает мою мокрую от бега шею и шепчет отцу: «Во сне вспотел». Я потягиваюсь, удивленно осматриваюсь и рассеянно смотрю вверх отца, застывшего в проеме. Смотрю на переплетенные провода, намотанные на белый керамический изолятор, и мне кажется, что мне все же удалось всех обмануть.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Я НЕ ИСКАЛ ИНОГО РАЯ ПОМИМО АДА МОЕГО

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ ДОМБРОВСКОМ

—
АННА ГЕРАСИМОВА
Родилась в Москве в литераторской семье. Автор рассказов и статей.

Я познакомилась с Юрием Осиповичем Домбровским в 67-м в Голицыне, в доме творчества писателей, где навещала маму.

Небрежно одетый, тренировочные штаны, поношенная рубашка. Но это абсолютно не бросалось в глаза, настолько уникальным, ни на кого не похожим был он. Пронзительная внешность — яркие светлые глаза, черные брови и ресницы, волна смоляного чуба.

Национальность и возраст определить было невозможно. Впавшие щени, из-за отсутствия зубов, не делали его старином. В то же время в его облике было врожденное благородство, даже аристократизм, и что-то порывисто-юношеское. Во время еды за длинным, общим голицынским столом обычно велись беседы. Домбровский редко вступал в разговор, он оживлялся только чему-то яркому, нетривиальному, и тогда как-то вскидывался и слушал очень внимательно и любил удачную шутку. Иногда он начинал стремительно и нервно чесать себя, как при ловле блох — голову, грудь, спину, — и в этом было что-то лагерное.

Гордая посадка головы, нечто орлиное в облике. Его свобода завораживала, он вел себя так, как будто вокруг никого нет.

Он никогда не рассказывал о своих родителях, было ощущение, что рос сиротой.

С Нларой, которая была намного моложе его, они не выглядели неравной парой. Нлара, очень естественная, прямодушная, по-детски решительная и правдивая, обожала Юру, боролась с его алкоголизмом. Помню, у о. Дмитрия Дудно была какая-то семейная дата, отец Дмитрий стал читать молитву перед трапезой, и когда он произнес: «Господи, помилуй», Нлара, увидев на столе множество бутылок, воскликнула: «Действительно, Господи, помилуй». Иногда, во время его запоя, она ночевала у меня. Она негодовала и даже обличала мужа. «Живу с человеком

и даже не знаю его национальности, говорит, что цыган. Сидел меньше, чем рассказывает, говорил, что первая жена покончила с собой, а она жила в Казахстане. Говорит, что в лагере ни дня не работал, отказывался, но непонятно, как ему это удавалось».

Наутро она звонила ему, или он звонил первый, и она мчалась домой. В общем, друг без друга долго они не выдерживали. Юрий Осипович нежно называл ее: мой ребятенон.

Она рассказывала, что Домбровский страдал от эпилепсии, а потом болезнь, оставив его, таинственным образом передалась ей.

Случалось, за время ее отсутствия их успевали ограбить, уносили все, иногда вплоть до постельного белья. Но это уже было, когда они жили в отдельной квартире, а в коммуналке, в начале моего с ними знакомства, висело много картин и редких икон. Вообще, он был талантливый искусствовед с большой эрудицией и удивительным чутьем на живопись. Однажды он купил этюд в зеленоватых тонах и сразу сказал, что это Левитан, ему не верили, но, когда он расчистил и отмыл картину, открылась подпись Левитана. Тот этюд тоже украл... Позже, когда им дали отдельную квартиру, его коллекция еще какое-то время повисела, но позже украл почти все. Когда он уходил в запой, в квартире постоянно бывали посторонние, которых он поил, за ним шли из пивных...

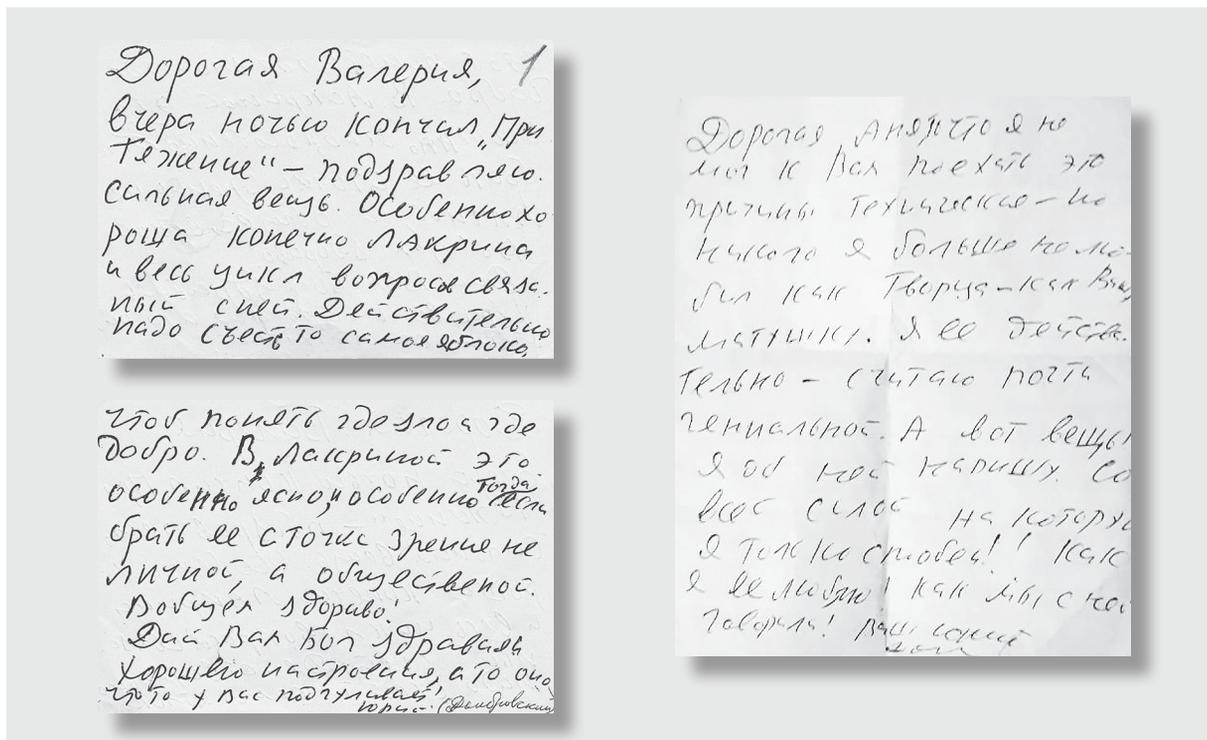
В коммуналке Юрия Осиповича опекала симпатичная старушка, которую он называл мамуля. Ее мужа — папуля. Она зорко следила, чтобы ничего не утащили, и прогоняла подозрительных забулдыг, улаживала отношения с соседями. Папуля был невысокий и полноватый, Домбровский считал его стуначом и всегда ему наливал, и когда папулю после инсульта разбил паралич, оплачивал ему массажиста и очень беспокоился о его здоровье. Говорил: «Это уже свой стукач, а новый неизвестно каким будет».

Домбровский был очень подозрительным. Однажды, побывав у нас в гостях, позвонил на следующий день и тревожно спросил про нашего приятеля: «А кто этот человек, почему он все время молчал?» Сказала, что он просто молчаливый.

В то же время он был абсолютно бесстрашным. Когда его однажды вызвали на Лубянку, он ответил, что привык ездить к ним только в черном вороне, а своими ногами никогда не придет. Его настольными книгами были Уголовный кодекс и Гражданский кодекс, и юридически он был очень грамотен, настоящий законник. После реабилитации он написал заявление, утверждая, что она оскорбительная, требуя раскрыть суть дела, всех доносчиков и свидетелей. Я с ним консультировалась, когда к нам в квартиру пришла милиция, он объяснил, как надо с ними правильно себя вести, и его инструкции помогли.

Мы все активно читали самиздат и зарубежные издания, обменивались ими. Домбровский учил, что согласно УН посадить могут только за распространение, а так про любую книгу можно сказать: «Нашла в почтовом ящике или на садовой скамейке», поскольку статьи за чтение нет и никто ничего не докажет.

С теми, кто ему не нравился, он никогда не выяснял отношений, просто переставал общаться. Так, военного писателя Ю. перестал замечать после того, как в галицынской электричке тот пригрозил приставшему к ним пьяному парню милицией. Домбровский считал это недостойным мужчины, для него это было *западло*.

Он очень любил животных. Большую камышовую кошку Насю они с Нларой возили с собой всюду, и в Доме творчества она жила с ними, ела на письменном столе из литфондовской тарелки.

Ключевой момент философии Домбровского — это его ответ на жалобы, как все у нас плохо. Он отвечал в том смысле, что после всего, что устроили, если бы стало хорошо, вот это-то и было бы самым ужасным. Он никогда не жаловался и считал, что статус жертвы унижителен для человека. Он четко знал: власть с самого 17-го года антихристианская и античеловечная. «Мне была дана жизнью неповторимая возможность — я стал одним из сейчас уже не больно частых свидетелей величайшей трагедии нашей христианской эры» (послесловие к «Факультету ненужных вещей»). О пережитом в лагере он говорил, что это была его лучшая творческая командировка. Но шрамы от украденных лет молодости и унижений оставались неизгладимы, и эту боль он, возможно, и заглушал алкоголем. Советскую власть Домбровский не принимал изначально, в отличие от многих окружавших его шестидесятников, для которых Сталин плохой, но зато Ленин хороший. «Хранитель древностей» — это тот, кто сохраняет душу, то есть ставшими ненужными вещи: добро, совесть, жалость, культуру, любовь, традиции, свободу.

Стихотворение «Меня убить хотели эти суки...» говорит о непереносимости для него фальши, суеты, пошлости. Он вернулся из другого страшного мира, но там суть человека была обнажена и не было такого лицемерия, самодовольства.

Домбровский откликался на любую несправедливость в отношении народа и любого человека, все время заступался за кого-нибудь, из-за чего часто попадал в неприятные истории. Всему происходящему давал беспощадную оценку, и удивительно, что в нем отсутствовала злоба. Он считал, что мир лежит во зле:

*Хожу, сижу, с судьбою споря,
Тяну наскучившую нить,
И кроме вечных категорий
(Добро и зло, земля и море)
Увы! Мне некого винить!*

Это переносится с воспоминаниями других сидевших людей. Анастасия Ивановна Цветаева рассказывала, что следователь сказал ей: «Я вас могу загнать туда, куда Манар телят не гонял», на что она ответила: «Вы можете послать меня только туда, куда меня Бог пошлет».

Тема Христа волновала Домбровского всю его жизнь. В стихотворении «Амнистия» он связывает освобождение с милостью Богородицы. Церновым человеком он не был, но и не принимал бездуховного гуманизма. «Н Сартру я отношусь без особой нежности, — говорил Юра. — Он утверждает, что человек есть свобода безо всякой связи с божеством. Это прекрасно вписывается в генеральную линию Кремля» (А. Малумян).

В день Пасхи мы с мужем и Юрий Осипович шли к станции, и он каждому встречному очень серьезно говорил: «Христос Воскрес!», с теми, кто отклонялся, даже христосовался...

В нем не было ни капли ханжества. Смеясь, он рассказывал, как в Алма-Ате выпивал с другом-епископом, и тот, говоря: «Сейчас будет послание к евреям», посылал помощника в лавочку за вином, где торговал еврей.

Домбровский был многогранный и артистичный. Когда он с кем-то спорил, напоминал оперного мельника из «Русалки». Когда задумывался, был похож на одинокое темное зимнее дерево. Бывал и очень веселым. «Привет от четы Домбровских. Подарила им пирожные, и Юрий танцевал, смеша Нлару». Это из голицынского письма мамы, ноябрь 1968-го. Он прекрасно читал стихи, свои и чужие, очень ценил забытого спившегося поэта Бориса Новынева. Вот его послание, направленное моей маме (которая, кстати, упоминается в его «Факультете ненужных вещей») незадолго до ее смерти. «Дорогая Валерия, вчера ночью кончил «Притяжение» (повесть В. Герасимовой, опубликованная в журнале «Огонек». — А. Г.) — поздравляю. Сильная вещь. Особенно хороша, конечно, Лакрина и весь цикл вопросов, связанный с ней. Действительно, надо съесть то самое яблоко, чтоб понять, где зло, где добро. В Лакриной это особенно ясно, и особенно тогда, если брать ее с точки зрения не личной, а общественной. В общем, здорово! Дай вам Бог здоровья, хорошего настроения, а то оно что-то у Вас поддуливает. Юрий».

У меня сохранилась и записка Домбровского, переданная в очередной год поминок по маме. Он рассказывал, что в молодости увидел ее на каком-то литературном собрании, где она читала рассказ: ему понравились ее рассказ и красота. Этим, видимо, и объясняется такая сверхкомплиментарность. «Дорогая Аня, то, что я не мог к вам поехать — это причины технические, но никого я больше не любил как творца — как Вашу матушку. Я ее действительно — считаю почти гениальной. А вот вещь! Я о ней напишу. Со всей силой, на которую я только способен! Как я ее люблю! Как мы с ней говорили! Ваш Юрий».

Всю жизнь он писал и говорил о силе духа, о том, что никакая система не может поработить человека, если он сам этого не захочет.

*Что все пройдя, все принимая,
И отрешенный от всего,
Я не искал иного Рая
Помимо Ада моего!*

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ: «РАБОТА НАД СЮЖЕТОМ ТРЕБУЕТ ИНФОРМАЦИОННОГО ГОЛОДА»

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

Евгений Рудашевский — писатель и путешественник. В его биографической справке сказано, что за его спиной «сотни километров пройденных дорог, а в рюкзаке — неизменные блокнот и ручка». Мы поговорили с Евгением о том, что сформировало его читательские и писательские интересы, может ли страх быть продуктивным и как дисциплина может заменить мотивацию.

— *Давайте сначала поговорим о ваших читательских интересах. Что для вас как читателя главное в художественной литературе?*

— В первую очередь я хочу увидеть мир глазами чужого, во многом от меня отличающегося человека. Поэтому люблю литературу совершенно разных культур и в особенности произведения, посвященные малочисленным народам. Тут я не обращаю внимания на стилистику и чистоту языка, прощаю автору любые неточности в композиции. Главное, чтобы сама история была рассказана правдоподобно. Мне бы и в голову не пришло придирается к построению сюжета у Ясунари Навабаты или Юрия Рытхэу — для меня они прекрасны именно возможностью иначе увидеть вроде бы знакомый мир.

Во вторую очередь я хочу получить удовольствие от языка. И тут уж мне не важны ни сюжет, ни правдоподобность описанных событий. Достаточно и того, что описания настолько тягучие или ажурные, насколько мне, как читателю, этого хочется. Например, у меня стоит трехтомник «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Когда я хочу насладиться русским языком, я произвольно открываю любой том и погружаюсь в чтение, при этом не жду каких-то откровений и ни на секунду не задумываюсь, так ли правдивы сделанные Болотовым замечания.

Наконец, в третью очередь я хочу развлечь себя увлекательным повествованием и в этом случае жду отточенной композиции, досконально продуманного сюжета. Жду, что история удивит меня и поглотит целиком. Подобного эффекта чаще достигает приключенческое произведение, однако строгих жанровых ограничений я не ставлю — в равной степени могу наслаждаться книгой вроде «Фламандской доски» Артуро Перес-Реверте и «Хладнокровного убийства» Трумена Капоте.

Идеальная книга должна сочетать все три перечисленные «очереди», хотя они, разумеется, условны. Среди таких идеальных для меня книг назову «Госпожу Бовари» Гюстава Флобера и «Мелкого беса» Федора Сологуба.

— Вы говорили в интервью, что на вас в свое время огромное впечатление произвели Франц Кафка и Габриэль Гарсиа Маркес. Чем они вас потрясли?

— Когда мне было пятнадцать лет, эти книги перевернули мое представление о литературе, до того ограниченное школьной программой и приключенческой классикой вроде Фенимора Хупера и Арнадия Фидлера. Я впервые увидел, что литература может заглядывать в потаенные уголки человеческого сознания. Меня поразило контролируемое, укрощенное языком безумие, на котором держится повествование в «Сто лет одиночества» и «Замке». Маркес и Кафка тогда показались мне на удивление созвучными авторами, хотя и совершенно разными. Потом я узнал, что один из своих первых рассказов Маркес написал под впечатлением от «Превращения», и понял, что отметил их созвучие неспроста.

В школьные годы я прочитал у Маркеса и Кафки все, что нашел в домашней и городской библиотеке. В ранних рассказах подражал обоим авторам, а свой первый опубликованный рассказ написал в духе «Очень старого человека с огромными крыльями». С тех пор, правда, почти не открывал ни Маркеса, ни Кафку, однако не забывал о них. Вот и моя следующая книга «Зверь 44», которую «НомпасГид» выпустит в весне 2023 года, отчасти навеяна рассказом Кафки «В исправительной колонии».

— Расскажите о своих любимых произведениях приключенческой литературы.

— Выделить пятерку или даже двадцатку лучших произведений трудно. Я люблю приключенческий жанр во всем его разнообразии. Я даже Андре Лори, которого в свое время, на мой взгляд, неоправданно называли литературным наследником Жюль Верна, читаю с удовольствием, хоть и понимаю, что большинству современных читателей его романы, больше похожие на набор разрозненных зарисовок, покажутся довольно скучными. Я с одинаковым интересом читаю и благородного Хаггарда, и киношного Уилла Генри, у которого бандиты смеются, как бешеные койоты, а под просторным плащом-серапе всегда в нужный момент приходит в движение взведенный перед выстрелом кольт.

Могу лишь отметить авторов, работы которых повлияли на меня больше всего. Это Конрад Джозеф, Владимир Обручев, Иван Ефремов, Джеймс Шульц, Генри Стэкпул. В свое время я был поражен «На краю Ойкумены» Ефремова. Описание непознанного мира вокруг и троп, по которым тысячи лет назад шли первопроходцы, завораживает. До сих пор вспоминаю некоторые сцены из этого сборника.

Моя особенная любовь — чтение приключенческих романов, написанных в заочном противостоянии авторов. Например, можно для начала

открыть Йоханна Висса, а следом — капитана Фредерика Марриета. Капитан в свое время обвинил «Швейцарского Робинзона» Висса в смехотворной неправдоподобности и написал свое «Крушение “Великого океана”», чтобы показать, каким на самом деле должен быть роман о кораблекрушении. Их противостояние завораживает!

Помню, с каким удовольствием устроил для себя литературный бой между Артуром Нонан Дойлом, Нарелом Глоухом и Владимиром Обручевым — прочитал один за другим их романы «Затерянный мир», «Заколдованная земля» и «Земля Саннинова», написанные по одинаковым сюжетам. Ну если не одинаковым, то очень схожим. Вот только победителя для себя так и не определил. Все трое по-своему хороши.

— *Каждый раз, читая вашу новую книгу, я затрудняюсь определить, подростковая она или взрослая. А как вы видите своего читателя? Есть ли у вас образ человека, которому вы рассказываете историю?*

— Каждый раз убеждаюсь, что возрастные ограничения или ориентиры условны, если, конечно, речь не идет о совсем детской литературе. Получаю отклики от людей настолько разных, что не возьмусь даже приблизительно описать своего обычного читателя и уж тем более категорично заявить, должен ли он быть взрослым или юным.

Когда вышла «Тайна пропавшей экспедиции», я считал, что подросткам младше двенадцати лет она покажется трудной, а потом в школах и библиотеках встретил немало девяти- и даже восьмилетних читателей, которым книга настолько понравилась, что они просили написать продолжение. Несмотря на возраст, они задавали нетривиальные вопросы о персонажах, об их не всегда однозначных поступках. Та же история с «Вороном». Вроде бы книга непростая. Ее главный герой, мечтавший стать охотником, в итоге понимает, что не готов нажать на спусковой крючок и выстрелить в живое существо. Этому пониманию предшествуют психологически сложные сцены. Между тем «Ворона» читают и в десять лет, а в Италии он вообще вышел с пометкой «8+».

Верхняя возрастная граница так же относительна, как и нижняя. Среди моих читателей попадаются и пожилые люди. Иногда мне приходят письма от бабушек и дедушек, рассказывающих, что успели прочитать какую-то из моих книг всей семьей в три поколения: со своими уже взрослыми детьми и еще подрастающими внуками.

Видимых причин называть меня сугубо подростковым или взрослым автором не вижу. Однако мои главные герои, как правило, — это молодые люди от двенадцати до двадцати лет, что во многом и определяет содержание книг. Собственно, именно на героев, а не читателей, я и ориентируюсь. Стараюсь не упрощать и не усложнять историю — вот главный ориентир. Стараюсь сделать историю правдивой, позволить ей раскрыться, а там уж каждый читатель, в зависимости от умонастроения и жизненного опыта, увидит в ней что-то свое.

— *Что входит в круг вашего чтения сейчас?*

— Работая над новой книгой, я погружаюсь в исторический и культурный контекст описываемых событий, так что круг моего чтения довольно утилитарен: в него входит и художественная, и научно-популярная, и сугубо техническая литература, напрямую связанная с прорабатываемым материалом. Например, готовясь писать «Истукана», в котором события разворачиваются на одном из самых загадочных островов Филиппинского архипелага, я, с одной стороны, читал работы Бориса Максимачева, посвященные ориентированию по звездам,

и работы Федора Шимкина, посвященные физико-механическим свойствам древесины бамбуна, а с другой — знакомился с романами филиппинских писателей. Большим открытием для меня стали книги Хосе Рисаля и Нина Хоанина. И такие открытия всегда большая радость, ведь я понимаю, что при иных обстоятельствах никогда бы не нашел времени познакомиться с этими малоизвестными в России авторами.

Иногда желание погрузиться в соответствующую атмосферу доходит до смешной крайности. Так, «Не прикасайся ко мне» Рисаля — один из ключевых романов в филиппинской литературе, значимость которого на Филиппинах можно условно сравнить со значимостью «Накануне» или «Что делать?» в России, — я принципиально читал в Маниле, сидя неподалеку от памятника Рисалю в одноименном парке. Звучит, наверное, нелепо, но тогда мне это казалось важным. Собственно, в первую очередь важным для меня самого, а не для будущей книги.

Утилитарность моего чтения нарушается лишь в промежутки, когда одна книга написана и отправлена на редактуру, а следующая еще дожидается первичной сюжетной проработки, — тут я могу отвлечься на «свободное чтение». В последние годы подобные промежутки становятся все более короткими. Обычно я не успеваю прочитать и треть отложенных книг.

Стараюсь включить в свое «свободное чтение» свежие подростковые публикации как знакомых мне авторов, так и для меня совершенно новых. Вот недавно с большим интересом открыл для себя Павла Шушканова («Карантинная зона», «Ложная память») и Гастона Буайе («Ромашка. Легенда о пропавшем пирате»).

— Среди ваших книг есть те, что имеют под собой прочную географическую и историческую основу, и фэнтези, где мир создан вашим воображением. Есть ли для вас принципиальная разница в работе над текстами первого и второго типа? Можно ли, например, писать фэнтези, сидя в башне из черного дерева и никуда не выходя? Какой мир создавать сложнее и интереснее?

— Мне интересно работать со сказочными мирами, имеющими под собой обобщенную или конкретную, но вполне реальную основу. В этом отношении принципиальных отличий в работе над текстами обоих типов нет, однако вымышленный мир позволяет расставить совершенно иные акценты. На страницах сказочной фантастики можно оживить метафору мысли или действия, объявить ее равной другим, более приземленным тропам, чтобы искусственно закрепить ее правдоподобие, а значит, и усилить воздействие на читателя.

На мой взгляд, работа в жанре фэнтези требует самых разносторонних знаний. Чтобы заставить вымышленный мир функционировать, нужно понимать, как функционирует наш собственный мир. Ведь первый всегда в какой-то степени будет искаженным отражением второго, да и в целом придумать разрозненные фантастические фрагменты легко, а вот органично соединить их — задача трудная. Тут не обойтись без общих представлений о законах физики, биологии, экономики, об исторических и социальных закономерностях в развитии любого общества.

Мир, произвольно слепленный в угоду сюжету и живущий исключительно в подсвеченных сюжетом отрезках времени, не будет существовать в воображении читателя и не сможет по-настоящему увлечь, а значит, и заложенные в него метафоры не сработают. В итоге получится обычная история, раскрытая на фоне бутафорской фантастики, — в равной степени она раскрылась бы и в нефантастических декорациях.

Не скажу, какой мир описать сложнее. Реальный мир требует правдоподобности деталей, а выдуманный — правдоподобности взаимосвязей, так что оба по-своему сложны, да и все зависит от выбранных сюжета и стилистики.

— *Как соблюсти баланс: сохранить достоверность и познавательность и в то же время не перегрузить книгу?*

— Важно не становиться заложником проделанной работы. Можно отдать несколько дней на проработку какого-то исторического факта, а потом полностью вычеркнуть его из текста, если стало очевидно, что он, каким бы познавательным ни казался изначально, мешает истории: замедляет ее, уводит в необоснованную ретардацию. То же касается и деталей, призванных сделать описание места или героя максимально достоверным. Сама история важнее. Нужно чувствовать ритм повествования и не бояться вычеркивать все лишнее.

Впрочем, «перегрузна» — понятие относительное. Всегда найдется читатель, который увязнет в описаниях местности или мыслях героя и заскучает, и всегда найдется читатель, которому описанного покажется мало. Тут нет универсальной формулы, и приходится доверять собственному чутью, которое тоже не отличается постоянством. Недавно вышло переиздание моей «Тайны пропавшей экспедиции» в новой редакции, для которой я не просто переработал текст, но и значительно его сократил — спустя пять лет после первой публикации романа захотел скорректировать его ритм.

При написании книги я себя не ограничиваю — пускаю в ход все, что мне представляется достойным внимания, а после первой авторской редакции вымарываю до одной пятой объема. Так было и с «Истуканом», в котором вымаранного текста хватило бы на один дополнительный томик, и с моей недавно вышедшей книгой «Пожиратель ищет Белую сову», и со многими другими книгами.

— *У вас за плечами множество походов, экспедиций, историй. Вам было когда-нибудь страшно? Если да, то когда именно и что помогло справиться со страхом?*

— Страх — неизменный спутник в путешествиях. Он помогает ярче воспринимать окружающий мир и не дает совершить непоправимую глупость, то есть в конечном счете позволяет вернуться домой живым. Главное, не поддаваться ему целиком — нащупать грань, отделяющую разумную предосторожность от трусливого бегства из в общем-то контролируемой ситуации. Ногда страх становится неоправданно сильным, преодолеть его помогает желание найти достойный материал для книги. Проще идти вперед, даже если путь ведет через горы или джунгли, если у тебя есть цель. Моя цель во всех путешествиях — книга.

Готовясь писать третью и четвертую части приключенческой тетралогии «Город Солнца», я отправился вслед за моими героями в Перу, чтобы своими глазами увидеть места, где развернутся основные события романа. Так я оказался в бедных районах прибрежного города Трухильо, где не рекомендуется даже в светлое время появляться без сопровождения. Так я заставил себя пробраться в трущобы амазонского города Икитос, ночью бродить по перуанским джунглям, жарить на ужин пираний и нырять в самую Амазонку — все ради «Города Солнца». При других обстоятельствах я бы нашел более безопасные развлечения, хотя не скажу, что я уж как-то ощутимо рисковал. Опять же сделать это мне бы не позволил страх, преодолеть который полностью я не могу, да и не стремлюсь.

— Сколько времени в среднем у вас занимает работа над книгой?

— Все зависит от книги. И речь не всегда об объеме самого произведения или необходимой подготовительной работы. Ту же «Бессонницу», рассказывающую о жизни российского студента в американском общежитии, я писал почти десять лет. Это не значит, что я писал только «Бессонницу», нет. Изначально, когда я еще учился в Чикаго и нащупал будущий сюжет, мне удалось набросать коротенький рассказ. Не удовлетворившись написанным, я пару лет изредка возвращался к нему и расширил его до повести. Понадобилось еще восемь лет, прежде чем я полностью переделал «Бессонницу» и получил произведение, которое и было опубликовано в «НомпасГиде». Схожая история была у «Ворона», «Нуда уходит нумутнан» и «Брат мой Бзоу!» — изначально они стояли под другими названиями и едва ли напоминали произведения, которые были опубликованы в итоге.

Уже упомянутый «Истукан» — пример более сосредоточенной работы. Года полтора я вынашивал саму идею романа. Возвращался к ней при любой удобной возможности, набрасывал какие-то детали и сюжетные ходы, а попутно работал над другими книгами. Далее полгода ушло на активный сбор материала: поездка на Филиппины, поиск подходящего острова, общение с местными жителями, чтение книг и прочее. Еще месяца три ушло на проработку сюжета, затем примерно столько же — на написание двухтомника. Следом — полгода редактур и корректур. Я отслеживаю всю работу, связанную с текстом, поэтому отключаюсь от книги только в тот момент, когда закончена последняя корректура в верстке, то есть в день, когда книга готова к отправке в типографию. Итого работа над «Истуканом» заняла почти три года, из которых активной фазой можно назвать лишь последние полтора.

— *Журналистское образование помогает писателю?*

— Я целенаправленно получал журналистское образование, потому что был уверен, что оно поможет в работе над художественными текстами, и не ошибся. Будучи студентом, я работал в разных печатных изданиях: брал интервью, писал репортажи, копался в библиотеках и архивах. Все это облегчило сбор материала для первых книг. По крайней мере, я знал, с чего начать, и не боялся обратиться за помощью к экспертам.

В конечном счете любое образование помогает писателю, даже если оно напрямую не связано с текстом. Хорошо быть специалистом в какой-то области, это помогает с большей достоверностью раскрывать истории. Да, и приключенческие истории тоже. К примеру, Джеймс Роллинс по образованию ветеринар. В университете он изучал биологическую эволюцию, и это чувствуется в его произведениях. Взять ту же «Амазонию» или «Пирамиду», в которых приключенческий сюжет напрямую связан с фантазиями на тему эволюции.

До журфака я два с половиной года учился на юрфоне и до сих пор обращаюсь к полученным знаниям по истории государства и права, римскому праву и другим дисциплинам. Для писателя вообще не бывает лишнего опыта. Вопрос в том, как его использовать. Даже двухнедельное лежание на диване и тоскливое поплевание в потолок могут зародить в сознании какой-то важный и прочувствованный образ, что уж говорить об опыте более насыщенном.

— *Вы дисциплинированный писатель или человек вдохновения? Что вам нужно для того, чтобы писать?*

— Прежде всего мне нужна тишина. Желательно ни с кем не общаться, не слышать человеческую речь и не читать книги. Подобную изоляцию обеспечить трудно, но я стараюсь хотя бы приблизиться к ней. Мне важно остаться один на один со своими героями — сделать так, чтобы они единственные могли удовлетворить мою потребность в человеческом обществе. Ведь мало радости месяц за месяцем круглые сутки проводить со схематическим набором характеристик и сюжетных указателей. Хочется окружить себя живыми людьми. И полностью уединившись со своими персонажами, я делаю все возможное, чтобы они такими — живыми, полнокровными — стали.

Ну и конечно, работа над сюжетом требует информационного голода. Это как с пирогами: лучше печь их на пустой желудок, чтобы вкладывать в работу себя всего. Нужно садиться за письменный стол, истекая слюной, с желанием скорее самого себя развлечь. Если же перед этим прочитать что-то увлекательное, а значит, притупить голод, то и работать будешь не так жадно. Разумеется, я говорю лишь о своем опыте. Тут уж каждый пишет по-своему.

Что же до дисциплины, то она заменяет мне мотивацию. Речь о периоде, когда я непосредственно пишу книгу. Мне важно жить и работать по строгому графику: вставать в 4:30, садиться за письменный стол в 6:00, обедать в 11:00, заканчивать работу в 18:00, ложиться спать в 21:00. И так — каждый день, пока не будет закончен черновик.

— *Вы говорили в интервью, что писатель — это вор, который постоянно крадет детали и образы. Вы чувствуете себя скорее благородным разбойником вроде Робин Гуда или испытываете неловкость правонарушителя?*

— Заимствование реальных деталей для создания вымышленного образа — естественный метод, облегчающий работу автора. Для создания *густонаселенного романа* (определение, которое я встретил у Стивена

Нинга в его послесловии к «Нуполу» и которое мне очень понравилось) порой требуется придумать сотню или даже две сотни персонажей: от основных до самых проходных. Не хватит ни сил, ни фантазии сделать каждого из них действительно интересным — так, чтобы он полноценно сыграл свою, пусть крохотную роль в сюжете. Проще взять готовые, подсмотренные в реальной жизни привычки, словечки, модели поведения — всегда есть из чего выбрать. И когда берешь их у малознакомых людей, особенно не переживаешь. Каждая деталь проходит сплавку с набором других деталей, взятых у других людей, и на выходе получается что-то совершенно новое, своего рода симулякр — вроде бы слепок с жизни, однако лишенный конкретного прообраза. Тут я не чувствую неловности.

Гораздо сложнее использовать полноценный образ близкого тебе человека, то есть реального прототипа, даже если его описание в книге получается скорректированным. Иногда именно такая корректировка и становится камнем преткновения. Не всем нравится встречать своего литературного двойника с подчеркнутыми недостатками или комичными сторонами. Да и нейтральное описание иногда вызывает негодование, просто из-за чувства некоего социального обнажения. Вот тут я уже испытываю неловность. Иногда закрываю глаза на этическую сторону дела и надеюсь, что прототип никогда не заглянет в книгу. Чаще стараюсь заранее согласовать появление реальных героев у меня на страницах. А бывает и так, что некоторые образы и даже истории остаются в архиве просто потому, что я боюсь обидеть человека.

Робингудства тут в любом случае никакого. Не так уж хороши мои книги, чтобы им в жертву приносить чувства живых людей.

— *Согласны ли вы с формулой Джулиана Барнса: «Писатель говорит правду, когда лжет, в то время как все лгут, говоря правду»?*

— Я бы не поддавался соблазну красивых афоризмов и не преувеличивал значение художественной литературы. Да, созданный писателем образ, даже вымышленный и не имеющий под собой фактической основы, бывает более точным и правдивым, чем отдельно взятое реальное событие. Да, художественная правда в силу того, что писатели склонны к типическому обобщению, порой превосходит правду жизненную, на поверку оказывающуюся маргинальной или спорадической. Однако любая книга — это лишь обобщенный опыт конкретного автора. Опыт, претендующий на универсальность, и все же субъективный. Так что в той или иной степени врут все, только писателям удается делать это красиво.

Юность №2
Февраль 2023

ЗОИЛ

БЕССМЕРТНАЯ СТРЕКОЗА, МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ И ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА: НОВИНКИ ВЗРОСЛОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

Книги для взрослых

ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН МАНДЕЛ, «МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ» (INSPIRIA)

Роман Эмили Сент-Джон Мандел можно читать сам по себе. Но вместе с романами «Станция одиннадцать» и «Стеклянный отель» они образуют небольшую вселенную со сквозными сюжетами и персонажами. «Море спокойствия» охватывает события с 1912 по 2401 год. Герой начала XX века Эдвин Сент-Джон Сент-Эндрю отправляется от гнева родителей из Англии в Канаду: в колонию, которой еще не носулась цивилизация. Здесь, в Винтории, с ним происходит мистический случай: он переживает недолгий, но очень яркий приступ, похожий на галлюцинацию, который меняет его жизнь.

Второй временной пласт — 2020 год, героиня которого Мирэлла Несслер отправляется на концерт к известному композитору, брату ее умершей подруги. На этом концерте музыкант включает видео своей сестры, которое она сняла в детстве в канадских лесах, — видео странно обрывается, но заканчивается чем-то очень похожим на то, что пережил в Винтории Эдвин.

Третья линия — 2203 год, Носмос уже освоен и отчасти колонизирован. Писательница Оливия Левеллин, живущая на Луне в Колонии-2, отправляется в книжное турне на Землю, где она представляет свой роман «Мариенбад». В романе описан эпизод с той же аномалией. В это время на Земле начинает стремительно распространяться новый смертельный вирус, о нем уже говорят, но пока не понимают его истинных масштабов. Наконец, четвертое время и четвертый герой: 2401 год, Гаспери-Жан Робертс, названный матерью в честь одного из героев романа «Мариенбад». Его детство прошло в Колонии-2, и именно ему предстоит

связать все линии романа воедино, объяснить себе, а заодно и читателям, в чем смысл этой аномалии.

Динамичный, яркий и запоминающийся роман.

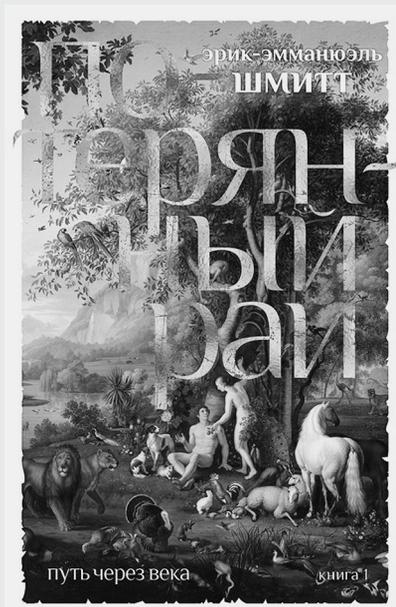
«Представьте это в виде... ну, в виде повреждения. Одно мгновение во времени может повредить другое. Нарушился порядок, но вы тут ни при чем. Просто вы это увидели. Вы помогли мне в расследовании и, насколько я понимаю, пребываете в весьма шатком состоянии, и я подумал, может, вам полегчает, если я скажу, что вы обладаете более здравым умом, чем вам кажется. Во всяком случае, в тот миг у вас не было галлюцинаций. Вы пережили момент из другого времени».

СЬОН, «ЗАРОДЫШ МОЙ ВИДЕЛИ ОЧИ ТВОИ» («ГОРОДЕЦ»)

Роман-парабола от известного исландского прозаика и поэта, автора текстов песен Бьорк, лауреата Исландской литературной премии и Литературной премии Северного совета. Этот текст — первый роман трилогии «НоДекс 1962».

В гостинице-пансионе маленького немецкого городка Нюненштадт во время Второй мировой войны появляется странный человек. Оборванный, тощий, неопределенного возраста, он оказывается беглецом из концлагеря. С ним небольшая коробна с глиной, из которой должен быть вылеплен ребенок. Аллюзии и на создание Голема, и на акт божественного творения, конечно, у Сьона неслучайны: один из главных героев романа вообще Архангел Гавриил, озирающий утопающую в войне землю и рассказывающий о том, что могло бы спасти ее от Страшного суда.

Бывшего узника концлагеря Лева выхаживает сиделка Мари-Софи, из особой глины появляется их общий ребенок Йозеф, который и является главным нарратором романа.

Мастерский микс романа о войне и холокосте, аллюзий на Евангелие, исландскую мифологию и европейскую литературу.

«Несмотря на крохотные размеры, пасторская каморка была самой роскошной комнатой гостиницы. На стене напротив кровати висело хитроумно выполненное фальшивое окно в шикарном раме и с портьерами из плотного дорогого бархата. Армянский напольный ковер, индонезийская курильница для благовоний, китайская резная спальная мебель, фарфор, вручную расписанный японскими гейшами, танцующий Шива из Индии и смеющийся латунный Будда из Таиланда создавали атмосферу начала века – настолько чудесную, что Мари-Софи показалось, будто у нее развилось туннельное зрение, когда она завела бедолагу в такое великолепие. В этом сияющем изобилии ему предстояло провести следующие несколько дней.

Устроив своего подопечного на трехспальной кровати, Мари-Софи надела на него подгузник, укрыла нежно-розовым, цвета дессу, покрывалом и подоткнула ему под голову расшитые шелком подушки. Лежа на этой кроватище, бедолага, который и без того имел вид страдальца, сейчас напомнил ей малюсенький обломок в растерзанном штормом море.

Зрелище было комичное. Она заплакала».

ЭРИК-ЭММАНЮЭЛЬ ШМИТТ, «ПУТЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА»
(«КНИГА ПЕРВАЯ: ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ», «КНИГА ВТОРАЯ:
ВРАТА НЕБЕСНЫЕ») («АЗБУКА-АТТИКУС»)

Первые два тома (из восьми запланированных) большого эпического полотна от лауреата Гоннуровской премии и автора знаменитого романа «Оскар и Розовая Дама».

«Путь через века» — это цикл романов о цикличности истории, повторяемости событий и — в то же время — их непостижимости, непредска-

зуюмости. В своих романах Шмитт проведет героя и читателя от эпохи неолита до наших дней: я не оговорилась, герой действительно один, сквозной, и его путешествие во времени — нескончаемый поиск возлюбленной, о которой он мечтал на заре эпох, пытаюсь спасти свое племя от Всемирного потопа. Писатель никуда не торопится: как стайер, у которого впереди очень длинная дистанция, он начинает размеренно и, иногда нахется, слишком неспешно, со множеством подробностей и описаний. Но если привыкнуть к этому темпу, грамотно разложить дыхание и распределить силы, путешествие будет незабываемым.

Центральным событием первого тома стал потоп, второго — строительство Нимродовой башни.

«Город терзал меня. Если не считать нескольких приятных сюрпризов, пребывание в Бавеле и Кише приносило мне только огорчения: я постоянно ощущал недостаток информации. Люди знали обо мне больше, чем я о них; в Бавеле архитектор Гунгулум призвал меня к своему ложу в качестве цели-теля, хотя я представлялся торговцем, здесь, в Кише, царица упомянула Нуру! Все вокруг затуманивалось, зато я словно становился прозрачным. Хождение по улицам превращалось в сущее испытание: со всех сторон на меня пялились, я сутулится и пялил глаза, чтобы скрыть свои чувства. Я взвешивал каждое слово, опасаясь, как бы молчание не разоблачило мои мысли. Мало того, что посторонние наблюдали за мной, я сам постоянно контролировал себя. Я раздваивался, становясь одновременно узником и его надзирателем».

МАРГО ГРИТТ, «ВТОРЖЕНИЕ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Дебютный сборник прозы Марго Гритт, финалистки премии «Лицей» прошлого года и лауреата блогерского жюри, содержит повесть «Чертовое колесо» и подборку рассказов. Мало кому из начинающих прозаиков удастся успешно начать писательскую карьеру малой прозой, но не потому, что, вопреки расхожему мнению, издатели не любят рассказы. Просто малую прозу писать трудно. Потому что сборник, целиком состоящий из хороших и как минимум неплохих и оригинальных рассказов, — это большая редкость. Из последних прецедентов вспоминаются Павел Селунов и Нирилл Рябов, задолго до них — Дмитрий Бакин. Марго Гритт пишет отличные рассказы. Яркие, запоминающиеся, очень разные: то абсолютно самобытные, то нарочно стилизованные под манеру ного-то из классиков. В жутковатой «Птицефабрике», например, отчетливо проступает силуэт Дона Делилло. Сборник объединен общей идеей вторжения — искусственного, нежелательного вхождения разного рода чуждых элементов (людей или событий) в человеческие жизни. Гритт часто пишет на сложные темы, но ее тексты лишены нарочитой «чернушности». В истории, рассказанные автором, веришь и каждый раз почти по-детски удивляешься сюжетным сюрпризам ближе к финалу.

«В загсе, когда тетка, будто шагнув в зал прямо из анекдота, объявляет Игоря и Наташу мужем и женой, Марина, как положено, утирает слезу, но не потому, что расстроена. Марина вспоминает, как они с Наташей нашли за гаражами котенка и вместе подхватили лишай».

Нет, чудовищная красная ленточка с золотыми буквами “Дружка” не самое худшее. Самое худшее — чудовищная красная ленточка с золотыми буквами “Дружок”, вернее, ее носитель. Марина старается. Позировать для фотографа на фоне мемориальной стелы, танцует под Меладзе, участвует в конкурсе с надуванием шаров на коленях у пьяных мужчин и не делает

ни единого замечания о запахе из дружкова рта. Даже когда этот рот оказывается в нескольких сантиметрах от ее собственного. Марина бывала на свадьбах и могла рассчитать точное время, когда дружок почувствует нужную степень опьянения, чтобы начать приставать к дружке. По традиции двое незнакомых людей обязаны опознать свою судьбу по чудовищным ленточкам, но Марина традиции не следует».

СИЛЬВИЯ ПЛАТ, «АРИЭЛЬ» (INSPIRIA)

Сборник «Ариэль» вышел через два года после смерти поэтессы и стал одним из важнейших поэтических сборников американской поэзии XX века. Сильвия Плат — яркая представительница женской исповедальной поэзии, главными темами которой были женское «я», смерть, природа.

Книга посвящена детям — Фриде и Николасу. Когда Плат не стало, им было три года и год соответственно. Рождению ребенка посвящена открывающая «Ариэль» «Утренняя песнь»:

*Как толстенькие золотые часы,
заводишься ты любовью.
Шлепнула акушерка тебя по пяткам —
и дерзкий твой вопль
Занял место среди прочих стихий.*

В оригинале:

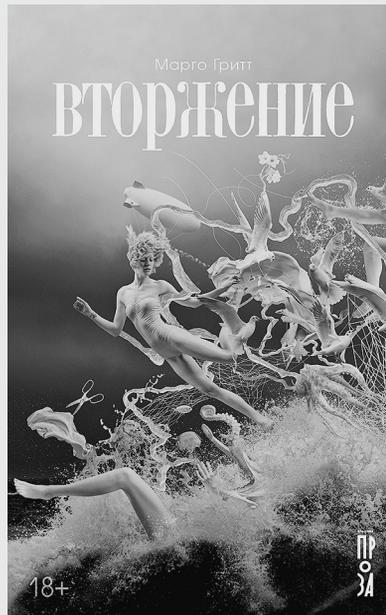
*Love set you going like a fat gold watch.
The midwife slapped your footsoles, and your bald cry
Took its place among the elements.*

Рождение ребенка для матери здесь уподобляется первооснове мира. Тема смерти ассоциируется у Плат и с Лазарем, и с Фениксом.

*Умирать —
Искусство не хуже прочих. В нем
Я достигла изрядного совершенства.

Dying
Is an art, like everything else.
I do it exceptionally well.*

Поэтесса подробно фиксирует в стихотворных строках свое состояние, описывает страдания, депрессии, царящую в природе жестокость, чтобы в конце концов написать страшное:

*Женщина, доведенная до полного совершенства.
Мертвое тело
Украшает улыбка выполненного долга,
Иллюзия нужности эллинской
Струится в складчатой тоге.
...
Мертвые дети свернулись, как белые змейки,
Каждый — в собственном, личном
Молочнике маленьком, ныне пустом.
Она их втянула
Обратно в тело свое — как роза
Сжимает свои лепестки, когда сад замирает.*

*The woman is perfected.
Her dead*

*Body wears the smile of accomplishment,
The illusion of a Greek necessity*

Flows in the scrolls of her toga,

...

*Each dead child coiled, a white serpent,
One at each little*

*Pitcher of milk, now empty.
She has folded*

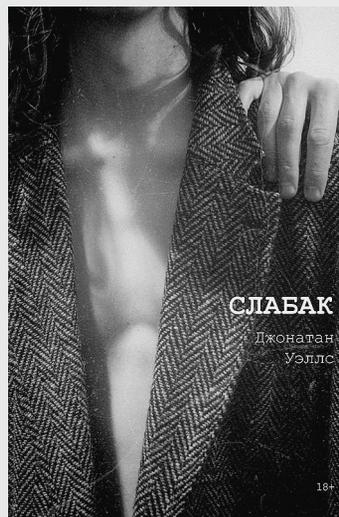
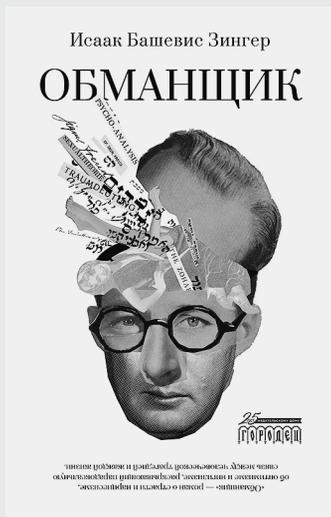
*Them back into her body as petals
Of a rose close when the garden*

*Stiffens and odors bleed
From the sweet, deep throats of the night flower.*

Тот случай, когда сборник-билингва был бы более чем уместен, но даже только русскоязычное издание без знаменитого предисловия Роберта Лоуэлла (увы) — важное издательское решение.

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ, «БЕССМЕРТНАЯ СТРЕНОЗА»
(«РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Пока Муравей в поте лица все лето трудится и готовится к зиме, забывая радоваться и удивляться красоте мира, стреноза впитывает его всеми рецепторами и танцует от переполняющего ее счастья. Потом на смену

лету приходит зима, на смену тучным годам, как в «Иосифе» у Манна в переводе Апта, тощие годы, но стрекозы — прозрачнокрылые красавицы и красавцы — необходимая часть прекрасного мироздания. Дмитрий Воденников — блестящий эссеист. В этом мы могли уже неоднократно убедиться, «Бессмертная стрекоза» — далеко не первая книга его прозы. Воденников — явление особого порядка: он и поэт, и прозаик, и мыслитель одновременно, он умеет наблюдать, и останавливать мгновение взглядом, и находить неожиданные аналогии и параллели, так что любой муравей невольно заслушается и остановится. И в этом, пожалуй, главная стрекозиная суперспособность. Нафта и Мандельштам, Ахматова и Цветаева, Барто и Ксения Петербургская, такса Чуня и новогодняя елка, Чарли Чаплин и Татьяна Толстая — всему и всем есть место в огромном поэтическом мире, который осматривает Дмитрий Воденников с высоты стрекозиного полета.

«...Ангел разноцветного льда, бог коктейля, ну сделай так, чтобы мне скорей привезли и установили этот новый счетный прибор, однофазный, однотарифный, в пузо моего окаменевшего Буратино.

Но самое главное, сделай так, чтоб не исчезал смысл, не отключили свет, чтоб не прекращался звук, чтобы замороженный Дьявол из самого ледяного пекла последнего круга не выбирался: сидел бы там с «Лакомжой» и прошлогодними пельменями «Нежными», не высовывался».

ИСААК БАШЕВИС ЗИНГЕР, «ОБМАНЩИК» («ГОРОДЕЦ»)

Последний роман нобелевского лауреата, опубликованный уже после смерти автора. Роман о корнях и эмиграции, о том, что держит и от чего бегут. Главный герой Герц Минскер оказывается в Нью-Йорке в период Второй мировой войны, где живут евреи, бежавшие из Польши. У них всё, насколько возможно, благополучно, они в безопасности, имеют возмож-

ность работать и жить, не вспоминая об ужасах нацизма. Но новости с родины не дают им спать спокойно. Шестидесятилетний Герц пытается взять от жизни все — он предается всем радостям плотской любви с многочисленными женщинами и живет за их счет, а также за счет друга юности Морриса Налишера. «Обманщин» — роман о человеческой природе, о герое, который думает, что обманывает окружающих, но на самом деле заблуждается сам.

«Неужели все — галлюцинация? — спросил себя Герц. Он стоял как громом пораженный. — Почему он вымещает злость на мне? Чем я виноват, что она вернулась к Крымскому? Что ж, все-таки прав он, прав. Мы старики. Зря я выставляю себя дураком... Может, она передумала в последнюю минуту? — подумал Герц, имея в виду Мирьям Ковальду. — Обиделась, что я пошел звонить? Ну да, нынче все идет кувырком. Вдруг это мой последний вечер на земле, — сказал он себе».

ДЖОНАТАН УЭЛЛС, «СЛАБАН» («РИПОЛ КЛАССИК»)

Роман о болезненном столкновении подростка с ожиданиями родителей и общества, о токсичной маскулинности, которую культивировал американский социум в семидесятых годах прошлого века. В свои тринадцать Джон выглядит гораздо младше: он чуть ниже большинства сверстников и недостаточно физически развит. Родители на грани развода, и несоответствие сына ожиданиям отца подливает масла в огонь: отец разрабатывает план тренировок, покупает ему протеиновые смеси и разными способами пытается пробудить его мужественность. Мнение отца и нападки учителей формируют у мальчика страшную неуверенность в себе: он кажется себе ненормальным, неправильным, недостойным существования в принципе. Когда он попадает в школу-интернат, прежде чем найти свое место в жизни, ему приходится убедить себя самого, что место для него в принципе может быть. «Слабан» — автофиншен о преодолении предрассудков, которые касаются тебя лично, о поиске утешения и надежды, об источнике внутренних сил идти вперед и искать себя, даже если ты не соответствуешь чьим-то представлениям о норме.

«Это было таким же вторжением в мое тело, как и сделанное Макэнери. По сравнению с этим папа и Ингерид казались очень даже цивилизованными людьми. Я гадал, почему так много людей стремятся изменить меня. Даже пытливые вопросы Эрика о моих похождениях с Ингерид нарушали мои границы. Казалось, от меня самого теперь ничего не осталось. Даже способность сопротивляться, которую в последнее время начал осознавать все сильнее и сильнее, теперь вдруг оставила меня. Все почему-то лучше меня знали, как должно выглядеть мое тело. И я уже не чувствовал, что мое тело действительно мне принадлежало».

НИРИЛЛ РЯБОВ, «ЛИХО» («ГОРОДЕЦ»)

Сборник малой прозы Нириллы Рябова «Лихо» — две повести и рассказ — это тот самый Рябов, которого любят его поклонники: провокативный, дерзкий, временами очень трогательный и беззащитный, временами — острый и жесткий. Тот, кто знает, чего ждать от писателя, не будет обманут в ожиданиях, тот, кто не читал его предыдущих книг, получает представление о манере и авторском методе. Нирилл Рябов — один из лучших, на мой взгляд, современных новеллистов: малая проза удается

ему особенно, он умеет стремительно закрутить сюжет (чего стоит начало повести «Лихо», когда к герою вламываются трое людей с пистолетами и без всяких объяснений арестовывают его кота), сжать его пружину практически до предела — и резко отпустить к финалу. Рябов не любит красивостей, он мастер простого повествования, бытовой речи, обыденных описаний. И очень живых диалогов, кратких и хлестких: в каждом из них есть конфликт, есть драма — это диалоги действия, а не стагнации.

«— Мама, — сказал Выдрин. — Это я.

— Шурочка, как ты во время. В начале ноября мы с Владимиром Романовичем летим на две недели в Грецию. Ты сможешь приходить к нам и поливать его диффенбахию?

— Но это же еще не скоро, — сказал Выдрин.

— Хотелось бы знать заранее.

— Да, смогу.

— Спасибо, мой хороший! Владимир Романович шлет тебе привет.

— Молча?

— Что — молча?

— Я не слышал сейчас, чтобы он мне привет передавал.

— Ах, ты такой шутник!

— Да, я такой. И у меня кот арестовали».

ВИОЛЕН БЕРО, «КАК ЗВЕРИ» (POLYANDRIA NO AGE)

История о границах нормы и правилах общественного поведения. В крошечной горной деревушке в отдаленном гроте живут мать с особенным сыном. Он очень большой для ребенка, не умеет разговаривать и боится людей. Однажды мать приводит его в школу, но из этого ничего не получается: мать видит, что ее сын не похож на других детей

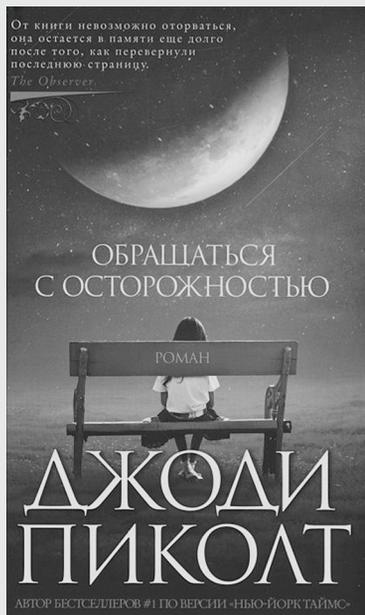
и не сможет учиться. Учительница советует специальное учебное заведение, но мать с сыном выбирают быть изгоями. Ребенка зовут Медведом, он умеет только рычать и, как выясняется со временем, исцелять животных. Проходит двадцать лет, и турист видит неподалеку от грота необычную маленькую девочку. Может ли она быть дочерью того самого мальчишка? Или она похищена? Толпа не привыкла выяснять, она умеет только обличать и наказывать. «Нак звери» — роман-притча о «другом» как философской категории, обо всех тех, кто не как мы и — шире — не мы. Другие опасны. Они нас тревожат и вызывают беспокойство. Лучше, чтобы других не было, думает толпа и оказывается готовой вершить самосуд. Мальчик ведет себя как зверь, но кто в этом тексте настоящие звери, автор сомнений не оставляет.

«Ничего не знаю о матери малышки. Она точно не местная, потому что, насколько мне известно, в наших краях никто ребенка не терял. Я считаю, что кто-то доверил ребенка Медведю. Как я своего бычка. И пока он о ней заботился, с девочкой ничего не могло приключиться. Вот это вам и нужно понять: этот добрый малый и мухи не обидит. Просто работа такая. Жду не дожусь, когда вы его отпустите, потому что у меня тут одна корова очень серьезно поранилась, до самого уха. Хотелось бы, чтобы Медведь ее осмотрел, и затягивать нельзя, иначе она глаза лишится. Совсем не повезло бедняжке: такая беда случилась, когда Медведь не может ее излечить».

ДЖОДИ ПИКОЛТ, «ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ» («АЗБУНА»)

Что происходит с семьей, когда в ней появляется особенный ребенок? Ребенок, который требует к себе самого пристального и постоянного внимания? Как меняется жизнь каждого из членов этой семьи? Эту тему поднимает Джоди Пиколт в своем новом романе. В семье, где уже есть старшая дочь, рождается вторая девочка Уиллоу. Девочка с редким диагнозом: ее кости очень хрупкие, они могут сломаться не только при падении или ударе, но от любого движения. Несколько костей сломаны еще в утробе, до рождения. Денег в семье мало, что вызывает конфликты между родителями, и тогда мать находит способ решить проблему: нужно подать в суд на врача, которая не предупредила о диагнозе ребенка, не дала родителям выбор, оставить девочку или прервать беременность. Множество моральных дилемм возникают словно сами собой, каждый герой встает перед нравственным выбором. Врач — лучшая подруга матери. Можно ли предать подругу ради денег? Могла ли она узнать диагноз до рождения девочки? Уиллоу чувствует, что она причина раздора, что ее ненормальность мешает семье жить обычной жизнью. А до ее старшей сестры — обычного ребенка без диагнозов — и вовсе, найдет, никому нет дела. Тяжелый, но нужный роман о взрослой жизни, принятии сложных решений и личной ответственности за слова и поступки.

«Когда родители ссорились, как вчера, мы с тобой сидели в нашей спальне и слышали их грозные голоса. Слова проникали под дверь, хотя та была закрыта: “неправомерное рождение... показания... присяга”. В какой-то момент я услышала упоминание телевидения: “Разве ты не понимаешь, что журналисты раздуют из этого скандал? Ты этого хочешь?” — сказал папа, и на мгновение я представила, что мы наглядный пример семьи с ребенком-инвалидом. Не так я себе представляла пятнадцать минут славы».

ЭЛИЗАБЕТ ФОН АРНИМ, «ВЕРА» («ЛАЙВБУН»)

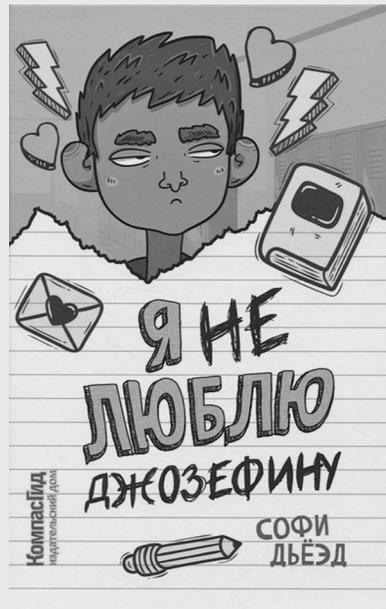
Роман знаменитой британской писательницы австралийского происхождения Элизабет фон Арним был написан еще в 1921 году, но на русский язык переведен впервые. Роман отчасти автобиографический: в его основе второй брак писательницы — с графом Расселом. Это роман о страсти, притворявшейся любовью, но так и не сумевшей ею стать. И эгоизм настоящего, и призрак прошлого мешают героям (прежде всего, конечно, героине) стать счастливыми, и мы страница за страницей наблюдаем крушение надежд. Подзаголовок «Будденбронов» Томаса Манна — «Роман о гибели одного семейства» — здесь тоже был бы весьма уместен. Книга о наивной женщине, попавшей под власть самовлюбленного мужа, — сюжет не новый, но вечный.

«Вскоре она поняла, что сомнения лучше держать при себе. Потому что стоило их высказать, как он тут же впадал в глубокую обиду, а стоило ему обидеться, как она чувствовала себя глубоко несчастной. И если такое происходило по мелочам, то разве можно было говорить с ним о важном, особенно о сомнениях относительно “Ив”? Она долгое время считала, что он помнит о том, что она говорила на Рождество, и, приехав в “Изы”, увидит, что он все там переменял и постарался стереть следы Вериного существования. Но когда он принялся постоянно толковать об “Ивах”, она поняла, что мысль об изменениях ему и в голову не приходила».

Книги для детей

ХАННА ГОЛД, «ПРОПАВШИЙ НИТ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Прекрасная история на стыке художественной литературы и детского научпопа, в которой познавательность не перегружает сюжет и не уведит в сторону. Одиннадцатилетний Рио прилетает из Лондона в Калифорнию,

где в Оушен-Бэй живет его бабушка, чтобы пожить у нее, пока мама лежит в больнице. Рио впервые сталкивается со стихией такой мощи, с огромным открытым океаном, на берегу которого стоит бабушкин дом. Мальчик волнуется за маму, с бабушкой отношения далеки от идеала, он одновременно нуждается в отдушине и не готов к ней. И все же находит ее — это серые ниты, которыми мама была одержима в детстве. Оушен-Бэй — одна из точек маршрута миграции серых нитов, Рио знакомится с капитаном натера «Дозорный прыжок» и его дочерью, которые знают о китах, нажется, все. Они многое расскажут мальчине — и читателям книги, а еще им предстоит отправиться в долгое, тревожное и опасное путешествие ради спасения одной нитихи.

«До кита было меньше пятидесяти метров. Великолепнейший водяной столб вырвался из океана, словно водопад наоборот.»

Дыхание кита.

С берега не было слышно, как дышит кит. Но здесь, с неработающим мотором, громкий протяжный шелестящий свист отражался от воды, и от него по спине бежали мурашки.

Но самым удивительным в дыхании кита был даже не этот свист.

А форма фонтана.

Китовый выдох не просто бил в небо вертикальной струей воды — он был в форме сердечка».

СОФИ ДЬЕЭД, «Я НЕ ЛЮБЛЮ ДЖОЗЕФИНУ» («НОМПАСГИД»)

Уго — самый обыкновенный мальчишка в том возрасте, когда дружба между мальчишками и девочками наиболее трудна: под конец начальной школы и перед средней. Слишком уж разные у них интересы. Девочек

Уго не любит акцентированно, потому что ему не повезло — дома у него очень вредная старшая сестра: где уж тут сохранять дружелюбие. На эту тему он даже написал по заданию учительницы сочинение, где привел очень веские аргументы, почему он не любит девчонок. Но однажды в класс приходит новенькая — Джозефина. Сердце мальчишки разбито, он не сразу понимает, что с ним происходит, а потом пугается своих чувств, боится ошибиться и от этого запутывает все еще сильнее. Два взгляда — Уго и Джозефины — создают динамику, комический эффект и вызывают бесконечное умиление узнавания. Хорошая и веселая книжка, если кратко, и иллюстрации интересные.

«После еды тарелка Джо не выглядит так, будто в ней прошло сражение. Все чисто и пустынно. Жвачку не жует и конфет не ест. Всегда носит с собой маленькую бутылочку воды. На вопросы отвечает, но сама разговор никогда не начинает. Нельзя сказать, что она постоянно улыбается, но и сердитым ее лицо никогда не бывает. А еще мне очень нравится, как она заправляет прядь волос за ухо».

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ, «ПОЖИРАТЕЛЬ ИЩЕТ БЕЛУЮ СОВУ» («НОМПАСГИД»)

Книги Евгения Рудашевского всегда полны богатейшим этнографическим материалом, и этот роман не исключение. Он о том, как мифологическое сознание существует в нашем мире, как оно определяет быт племен и народов. «Пожиратель ищет Белую сову» — роман о жизни в стойбище в тундре. Главной героине — Анипе, или Белой сове, — еще совсем немного лет, но по меркам ее народа она уже большая, поэтому у нее есть муж, который ненамного младше ее мамы. Жизнь в стойбище подчинена природным законам: летом нужно делать запасы на зиму, а зимой петь

песни и слушать истории. Но за Черной горой поселились пожиратели — так эскимосы зовут чужанов, носителей нового знания и новых навыков. Они берут от природы гораздо больше, чем нужно для того, чтобы прокормиться зимой. Они высасывают душу из северного народа. Они истребили животных и выловили рыбу — и потому запасы в этом году такие скудные, что их не хватит, чтобы выжить зимой. Взрослые хранят какие-то тайны, о которых не рассказывают среди прочих историй, а ведь эти тайны, возможно, помогли бы им выжить. Мистика, мифология, история, география и этнология — все соединилось в небольшом и очень увлекательном романе.

«Как и два года назад, страх перед зимним голодом всюду сопровождал аглюхтугмит, однако не отвлекал их от привычных дел. Папа возился с каменными пластинами пола. Илютак перетаскивал разобранные большие сани — нарту — и мирился с мешавшимся под ногами Матыхлюком. От нижней жилой землянки доносился смех Укуны. Собаки скучали — зарылись в ямки и сонно наблюдали за хлопотливыми Аживой и Тулхи. Светло-коричневые и рыжеватые, с особенно длинной шерстью на хвосте и шее, собаки сливались с рыхлой землей, но выдавали себя подвижными стоячими ушками».

МАЙЯ Г. ЛЕОНАРД, СЭМ СЭДЖМАН, «ТАЙНА ПЕРЕВАЛА МЕРТВЕЦА» («МАХАОН»)

Четвертая книга серии детских детективов про Харрисона Бена, мальчика-художника и детектива, который раскрыл уже несколько преступлений во время железнодорожных путешествий: за его плечами «Ограбление в “Шотландском соколе”», «Похищение в “Калифорнийской комете”» и «Убийство в “Звезде сафари”». Теперь — новое дело и новый вызов. Путь юного детектива и его дяди лежит в старинный замок Кратценштайнов, над родом которых, нажется, тяготеет странное и страшное проклятие. Но проклятие ли? Или всему есть разумное объяснение?

«Что касается похорон, то они перенесены на следующий понедельник, и я очень надеюсь, что вы вместе с Харрисоном успеете к нам приехать. Сделайте это инкогнито, под видом наших дальних родственников. Нам очень важно выяснить, кто за всем этим стоит. В письмо я вкладываю два билета на скоростной поезд “Евростар”, который отправляется с лондонского вокзала Сент-Панкрас, и уже завтра буду ждать вас в Париже на Лионском вокзале в ресторане “Синий экспресс”».

ТИМОТИ ЛЕ ВЕЭЛЬ, «ЗАЯЦ И КРОЛИКИ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

Детская сказка с потрясающими графическими иллюстрациями автора рассказывает о семье и взаимовыручке. Стайна кроликов воспитала зайчонка, когда его маму съел волк. С тех пор заяц живет с кроликами и очень любит своих братьев и сестер. И все же он чувствует себя другим: более смелым, нуждающимся в одиночестве и риске, в погонях и приключениях. Автор в сказочной манере транслирует очень важные мысли: семья — это не только кровное родство, приемные дети могут быть настолько же родными для всех. Мы разные, нам нравятся разные вещи и разный образ жизни, но семья всегда поддержит, поможет и спасет. Все ошибаются, это естественно, нужно уметь прощать ошибки родных и близких. «Заяц и кролики» — книга для детей, необходимая многим взрослым. Как напоминание.

СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ К-РОР: ФАНТАСТИЧЕСКИЕ КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ
Родился в Москве, студент-журналист первого курса магистратуры МПГУ. Ведущий подкаста «АВТОРизация» о современных писателях-фантастах, внештатный

автор радио «Нига» и блога «ЛитРес: Самиздат». Сценарист, монтажер и динтор радиопроентов на студенческой медиаплощадке «Пульс», независимый автор художественных тенстов.

ДАРИНА СТРЕЛЬЧЕННО, «НУНЛОЛОВ» («ФЕНИКС»)

Когда твой отец — помешанный коллекционер, готовый тратить бешеные деньги на кукол, не жди ничего хорошего. Когда вместо покупки лекачества умирающей маме он тратит баснословные деньги на куклу Изольду — забудь его телефон и выгони из дома. Когда Изольда «носмически красива» и выглядит словно живая — беги.

Но обо всем по порядку.

Олег (Олежик, как зовет его отец) — обычный школьник, который окончивает учебу и собирается поступать в институт. Назалось бы, должен свалиться снежный ком простых вещей: от экзаменов и контрольных до подростковых романов и танцев на дискотеках. Но нет. Когда погибает мама, а потом отец, Олег узнает, что в наследство ему оставлен чемодан с четырьмя коллекционными нунлами, настоящей одержимостью отца. Давая себе обещание никогда не ступить на скользкую отцовскую дорожку, Олег все же выходит на нее. С помощью некоторых людей и даркнета узнает, что за нунлами, героями сказки-представления «Серая мельница», стоит нечто большее. И теперь ему важно — необходимо — собрать их всех. А параллельно решать другие, более реальные проблемы: устраивать нелегальную жизнь в общежитии и расплачиваться с отцовскими долгами.

Новый роман Дарины Стрельченко — шоковая терапия для тех, кто боится реалистичных коллекционных кукол. Нинаних «Чаки». «Чаки» — детское баловство. Банальный хоррор. «Нунлолов» же — магический реализм, если не сказать — хтонический.

Что стоит отметить сразу, так это то, как филигранно Дарина Стрельченко подбирает нужные слова. Текст написан кирпичик к кирпичику. Этому роману не нужны развернутые метафоры, длинные предложения и витиеватые эпитеты: язык, как ему и полагается, образный, но хлесткий. И самое главное — липкий. «Нунлолов» вгоняет в своего рода гипноз.

Абстрактный автор-рассказчик и Олег постоянно меняются местами. Получается, что смотришь на мир словно через мутное стекло, выхватывая только какие-то детали: запахи, которые заставляют на них сосредоточиться, — воск и жженые листья. Занятия, которые требуют концентрации, — приготовление борща. Вещи, выбивающиеся из привычных рамок, — сноворода в чехле из-под коньков. В этом смысле «Нуклолов» очень похож на магически-мистические романы Ольги Птицевой «Выйди из шкафа» и «Там, где цветет полынь». Терри Пратчетт и Нил Гейман в свое время подмигивали друг другу, «зеркала» персонажей своих книг (речь, конечно, об антагонистах «Правды» и «Нигде» соответственно). Может, Дарина Стрельченко и Ольга Птицева тоже решили сыграть в такую игру?

«Нуклолов» полон кроличьих нор, которые уведут читателя к определенным ассоциациям, явно или скрыто (здесь есть прекрасная сцена в клубе английского языка, куда автор добавила отсылку и на свои романы). Вот хотя бы пара таких нор: Нунла, которую зовут Изольда, мечты маленького героя о счастливой семье, «как в Денискиных рассказах». А подлинная история нукол, которую узнал Олег, подозрительно напоминает любые легенды о дьяволе. Такие переплетения и аллюзии добавляют тексту сто очков живости, при этом сохраняя так необходимый жанру морок. Ведь читатель постоянно должен думать: что-то тут не так. Что-то неправда. Этот мир — как мой. Но не мой в то же время. Не может ведь в Макондо всегда идти дождь? Или может? И где это — Макондо?

Роман неуловимо напоминает гоголевский «Портрет» и тургеневскую «Нелару Милич» (или даже «Сон»), а в настроении текста есть что-то от Метерлинка. Книга разделена пополам. Если первая часть — хитро-сплетение морона и школьно-студенческой жизни, то вторая — квест в поисках нукол, беготня из точки в точку. С острым сумасшествием. Стоит повторить: «Нуклолов» вгоняет в гипноз. Но обе части — абсолютно по-разному. Первая — словно дурман морфия, вторая — как напающая в полной тишине вода. У самого уха.

Нак. Нап.

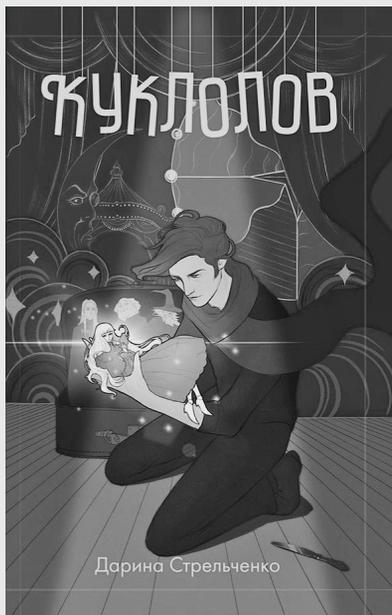
Только финал «Нуклолову» нужен другой. Хотя кто знает: может, это очередной морок?

Нап. Нак.

БРИТА САНДСТРОМ, «ПОЙДЕМ ДОМОЙ, ТЕО!» («РОСМЭН»)

Лондон, 1945 год. Война кончилась, солдаты возвращаются с фронта. Мальчик Чарли ждет своего брата Тео — так, как дети не ждут даже Новый год. Тео возвращается — но он не тот, кем был раньше. Яркие воспоминания о добром, всегда смеющемся брате разбиваются о пепельно-серую действительность. А еще Тео по ночам кричит. От солдата из госпиталя и местной «сумасшедшей» Чарли узнает, что сердце Тео, как и многих солдат, сожрали Волки Войны. Чтобы вернуть сердце брата, мальчик должен найти Чертог Войны... Да вот только может ли ребенок представить, чем предстоит пожертвовать? И что такое настоящая боль? Ведь самая страшная — душевная.

«Пойдем домой, Тео» — роман, пробивающийся на слезу и собравший все «запрещенные приемы». Шутят, что в интернете на жалость пробивают две вещи: дети и нотки. Вот здесь есть и дети, и нотки (персонаж по гордой кличке Печенька). Тяжело однозначно определить жанр текста. С одной стороны, это магический реализм, а с другой — мудрая притча. Волков Войны — Совесть, Бесчестье, Боль, Тоску — видит не только Чарли,

но и другие герои. Взрослые, конечно, ничему не верят. Поэтому и магический реализм, и притча — жанры, идеальные для подачи через призму ребенка. Откуда рождаются фантомные монстры в детской фантазии? Психологи говорят, из травм и потрясений.

Книга Бриты Сандстром — роман не только о последствиях войны и о том, как под напором стали и пороха сгорают души. Это метафора взросления. Ведь взрослая жизнь — не только умные разговоры у камина, как верно замечает Чарли. Это много всего неприятного... И к решению большинства проблем можно прийти только через страдание и самопожертвование. Тут вылезают уже христианские мотивы, подхваченные будто из текстов Достоевского. Вполне обоснованно.

Темп у романа спокойный, текст не слишком вязкий, но и непозволительно легкий — в таких книгах очень важно подобрать правильный угол обзора. Историю условно можно разделить на три акта: ожидание Тео, приезд Тео и поиск Волков Войны. Последний акт — чистой воды квест, который, опять же, очень органично вплетен в книгу. Брите Сандстром удастся одна поразительная вещь: весь текст, за исключением воспоминаний Чарли, ночных кошмаров и сцен с Волками, будто бы черно-белый. Читатель смотрит в голове старое кино — с намеренными помехами и рябью, а яркие краски получает маленькими порциями. И такой контраст феноменально манипулирует эмоциями. Особенно когда появляются письма Тео младшему брату. Те, что он так и не отправил. Побоялся.

Мудрость «Пойдем домой, Тео» в том, что Волки Войны — не картонные злодеи из ситкомов 90-х и не чудища «Лавкрафта». Они — нечто большее. Нечто неоднозначное. Нечто, рожденное человеком и пожирающее его же: «Волки Войны идут за войной. А солдаты носят войну в себе. Как жемчуг в раковинах. Внутри у каждого — кусочек войны. Кто забрал больше, кто меньше. И все получают по заслугам».

УНА ХАРТ, «РАССКАЖИ-НА МНЕ СНА...» («ЭНСМО»)

Не знаю, помнит ли читатель, как на полках появились шекспировские тексты, изданные в формате переписок героев в мессенджерах. Со смайликами, конечно. Право, сэр Уильям, нечего там драматизировать! Какое «нет повести печальнее на свете»? Бросьте! Джульетта просто слишком долго игнорировала сообщения Ромео. А когда зашла в соцсеть, поняла, что уже в черном списке.

Тут, предупреждаем, лучше поглубже вдохнуть. Уна Харт делает что-то похожее с первоисточниками сказок — наводит современный макияж.

Шутки шутками, но на самом-то деле новинка от Уны Харт — это настоящее исследование «истоков» сказки, просто поданное весело и задорно. И правильно: кому нужны скучные статьи с «Ниберленинки»? А меж тем она оказывается, что многие версии знакомых нам сказок лет триста назад звучали совсем по-другому. Красная Шапочка испила крови своей бабушки, а вот чертова бабушка — персонаж, который реально существовал в сказках и помог солдатам отгадать загадку дьявола. Троллиха влюбилась в рыцаря, а ему подавай христианку. Нарлин Румпельштильцхен когда-то был милосерден и приютил девочку, которую отец отправил в лес. И куда только органы опеки смотрели?

Каждая «глава» книги — это своего рода анекдотический реминс либо конкретный сюжет («Спящая красавица», «Рапунцель», «Три поросенка»), либо сквозной фольклорной темы, наподобие мертвых невест и соблазнительных русалок. Не стоит думать, что Уна Харт дилетантствует! Сноска и списка литературы на добрых десять страниц, конечно, не будет, зато на первоисточники (и на исторические прототипы героев) автор сошлется. Только не приносите эту книгу в деканат. Заставят перепечатать.

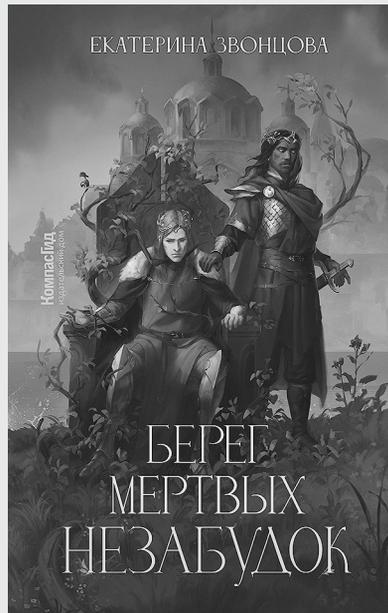
Одни «пересказы» просто вызывают улыбку, другие заставляют смеяться на надрыбе. Вывод: читать книгу ночью стоит, только если вы живете одни и без соседей за стеной. Или благоразумно заранее подsunуть соседям вторую копию «Расскажи мне сна...». Издание отпечатано полностью в цвете, а стилистикой оформления повторяет средневековые трактаты. Тоже осовремененные. Книга, конечно, без шуточек из «Страдающего средневековья» (так уж и быть, прощаем), но тут и своих хватает: опенспейс она оказывается страшнее ада, сказочные звери воспитываются в «коммунистической парадигме» и отжимают у дьявола баню, Румпельштильцхен (опять!) отжигает под тектоник. Забавно: одна из сказок (про человека в медвежье шнуре) встречается в другой книге из этой подборки обзоров: «Пойдем домой, Тео!». Честно, мы случайно. Не на правах рекламы.

«Расскажи-на мне сна...» — прекрасная возможность познакомиться с фольклором и его вариациями, при этом получив огромную долю позитива (а еще несколько шокирующих фактов, от которых даже ведущий «Пусть говорят» поседеет). Правильно предупреждает Уна Харт в предисловии: не относитесь ни к чему слишком серьезно. Ни в жизни, ни в этой книге.

Но в последней строке (их для того и придумали) все же хочется поспорить с автором.

Дорогая Уна! К пельменям тоже совершенно не стоит относиться серьезно.

То ли дело — к вареникам.

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА, «БЕРЕГ МЕРТВЫХ НЕЗАБУДОК» («КОМПАСГИД»)

Мир живет волей моря — оно приносит болезни и эпидемии, оно же родило все легенды. Побережье населяют три разных народа — Цивилизация Общего Берега. Но старый король увядает — и общее становится разрозненным. Начинается война.

Эльтудинн, насильно остриженный в жрецы предателем-дядей, и Вальин, наследник престола, младший сын, пораженный болезнью, которая медленно убивает его, оказались по разные стороны баррикад. Несколькими годами назад они поплялись в дружбе под нуполом храма бога смерти и теперь пытаются установить мир. Но обстоятельства сильнее их. В этой буре событий есть еще двое — те, кому суждено восстанавливать руины: врач Бьердэ, который ушел со своим народом высоко в горы, и художник Идо, ненавидящий гениальность своего учителя. Ведь как превзойти гения, когда твои работы меркнут рядом с его?

«Берег мертвых незабудок» — фэнтези в полном его понимании. Это история о временах великих перемен и о судьбах, которые — как витражи храмов — разбиваются. Оснолки их крутятся в вихре страшных событий: восстаний, смертей, беспорядков. Это, если угодно, взгляд на историю — естественно, реальную, человеческую — через призму фантазии. С высоты сильного мира сего, но в то же время будто из-под полы, от лица «маленьких людей». Хотя, как верно замечает один из героев, все люди — маленькие под огромным небом. Общим небом.

Если и искать аналогии, то больше всего роман Екатерины Звонцовой напоминает книги Гая Гэвриела Кея, но с большим заделом на «выдуманность». Тут продумана каждая мелочь: начиная эпидемиями, которые вызваны выброшенными на берег медузами, заканчивая свадебными ритуалами. Молодожены стоят по пояс в воде, а священник — на камне над ними.

Мир «Берега мертвых забудон» — действительно мир, надиктованный морем. Тут даже единицы времени иные: вместо лет — *приливы*, вместо минут — *швэ*. Так что роман Екатерины Звонцовой — фэнтези с эффектом полного погружения и отрешения от реальности.

Текст книги очень плотный, напевный, если не сказать поэтичный. В перламутровой красоте порой теряешься, но нужно ловить не смыслы каждого слова, а ощущения: мозаика понимания собирается только так. «Берег мертвых забудон» чем-то напоминает сокровищницу дракона из старых сказок — в и без того прекрасных горах золота можно найти огромные бриллианты (каждый читатель здесь — немного Бильбо Бэггинс). В общем массиве текста есть абсолютно потрясающие сцены: например, как художник-мастер находит лучшего ученика и как старый король сходит с ума, требуя собирать бунеты и засыпая на земле в засохших оранжереях.

Роман насыщен событиями, но ему остро не хватает сюжетной динамики. Повествование кажется чуть грузным и словно неповоротливым. «Берег мертвых забудон» — невероятной красоты птица-тройка, запряженная белыми конями, только вот едет она так не спеша, что читатель начинает задаваться вопросом: «А сейчас приехали? А теперь? А уже?» Пришпорь коней — станет только лучше. И вот тогда-то можно будет спросить: куда несешься ты, птица-тройка? Ответ будет спрятан в единственно правильном для этого романа финале. И, конечно, в финале очень красивом.

КА ТИ ЛИН, «ТЭЯНГ» («РОСМЭН»)

Ли Син Хен — юноша из бедного района Сеула. Его жизнь тяжело назвать сказочной, пусть в ней и начнут происходить фантастические вещи. А так мама трудится от зари до зари, да и сам Хен должен быть на работе к пяти утра. Хотя он неплохо поет и мечтает стать участником знаменитый к-рор-группы «Тэянг», которая на самом деле пишется как «The Young». Но, поскольку это не «Золушка», Фея Крестная на выручку не приходит. Зато приходит девятихвостый Лис — дух удачи и обаятельный тринстер, который дарит Хену обворожительный голос. Взамен просит всего ничего — часть души. Казалось бы, новая жизнь прекрасна, и теперь Хен с мамой заживут! Но мир шоу-бизнеса оказывается тем еще местечком. К тому же Хен — не единственный человек, заключавший сделку с духом.

Норейская культура уже давно захватывает российскую молодежь: речь как о поп-культуре, так и о мифологии, которая стала весьма популярной в книжных сюжетах. Получается, что Екатерина Соболев — она же Ка Ти Лин — пытается удержаться на гребне этой волны, поймать ее и приручить. Задача весьма опасная. Как говорится, намеренно попадая в тренд, главное не вляпаться. И с этим автор справляется.

«Тэянг» — классическая диснеевская история с посылом «бойся своих желаний» в экзотическом антураже. У героя есть несбыточная мечта, которая контрастирует с действительностью; герой заключает волшебную сделку; сделка оказывается с подвохом, а дивный новый мир — не таким уж дивным; герой пытается обхитрить тринстера. Наркас — надежный. Главное, правильно его украсить: атмосферой, героями, стилистикой и другими игрушками, которыми авторы наряжают каждый роман, будто очередную новогоднюю елку. В истории много аутентичного

сеттинга реального Сеула. Главный герой (он же рассказчик) мыслит современно — Екатерина Соболев вообще придумала одно интересное стилистическое решение. Когда перед Хеном встает выбор, он намеренно проговаривает три варианта ответа, будто это — опции в компьютерной игре.

Что интереснее, Екатерина Соболев не романтизирует мир великого и ужасного k-pop. «Тэянг» — книга об изнанке шоу-бизнеса. О том, что расписание певца может быть посложнее, чем работа в кафе, — рабочий день и там и там по четырнадцать часов. И тому же продюсер группы раздает пощечины направо и налево. Бешеные фанаты — не награда, а наказание. Тем более k-pop — действительно суровый бизнес. Об этом есть много статей в интернете: говорят, например, что члены группы должны принципиально иметь одинаковые прически, которые подбирают стилисты (не без чуткого взгляда продюсера). Хена это тоже ждет.

Единственное, что может броситься в глаза, — уж слишком злодейские «начальники». Это касается и продюсера, и шефа главного героя на предыдущей работе, в кафе. Они, конечно, не главные сюжетные антагонисты. Но как-то уж не верится, что начальник Хена не проявляет к парню никакого сочувствия и не готов отпустить со смены на пару часов пораньше. Единожды. Это — еще один «диснеевский» эффект. В этот раз — негативный.

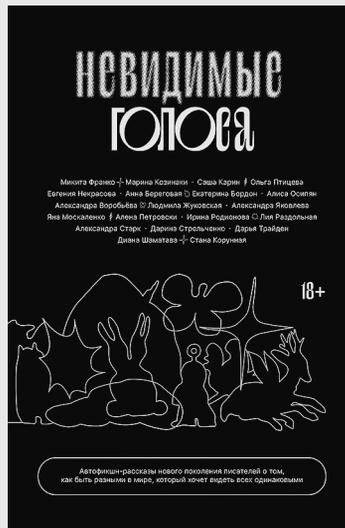
«Тэянг» — это... как там говорят? Стильно, модно, молодежно. Вот, именно так. В лучшем из смыслов.

КОЛЛЕКТИВ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ, «НЕВИДИМЫЕ ГОЛОСА» (POPCORN BOOKS)

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» — этим словам Льва Толстого учат каждого добропорядочного школьника. Так и каждый человек в отдельности несчастлив по-своему. Странно, если бы в жизни все шло как по маслу. Не бывает так. Неспроста писал Шопенгауэр, что счастье ретроспективно: мы всегда стремимся вернуть сладкий момент прошлого. А любой негативный опыт — повод не только для рефлексии и личного роста, но и для творческого импульса. Так зачастую и рождается *автофикшен* — тексты, где авторская биография переплетается с вымыслом.

В Popcorn Books выходит сборник автофикшен-рассказов от современных российских авторов. Все истории здесь — очень личные, это чувствуется не только в сюжетах, но и в слого. В каждой истории он уникален: сложно давать общую характеристику всем текстам разом. Одно сказать можно точно — авторы пытаются показать старые, как мир, социальные проблемы под новым углом. Здесь даже преломляются классические литературные сюжеты: «Чучело» или «Человек в футляре». Да вот только футляр — XXI век на дворе! — становится костюмом космонавта.

Екатерина Бордон, например, пишет рассказ о бедности — о том, что деньги не изменят человека. Даже если свалятся случайно. Дарина Стрельченко умещает в несколько страниц настоящий психологический триллер о проблемах со здоровьем близких, Ольга Птицева рассказывает историю об издевательствах в школе, разбавляя ее сеансом онлайн-психотерапии. Кто-то сгущает краски, усложняет слог, намеренно делает текст мрачным и местами депрессивным. Кто-то пытается выдержать относительно нейтральный тон и не впасть в окончательное уныние. Одно для

всех авторов едино — они пишут о том, что болит у них и у многих тысяч таких же людей, чьи невидимые голоса теряются в общем гомоне стремительного несущегося и кувырнющего через себя мира.

ТАТЬЯНА МАСТРЮКОВА, «КОШАЧЬЯ ГОЛОВА» («РОСМЭН»)

Татьяна Мастрюкова не устает объяснять героям (и читателям), что мир устроен куда сложнее, чем кажется. А бабушкины сказки, присказки, приметы — при неправильном обращении — могут повернуться темной стороной. В Алину, старшую сестру Егора, вселяется *икотка* — сущность, говорящая мерзким голосом. Она знает правду о посторонних (обличает друга Егора в воровстве), пугает попугайчика Нешу и может наслать на человека несчастье: врач, принимавший Алину, оказался в аварии. Отец семейства не верит ни в какие байки и не слышит, когда дочь говорит голосом икотки. Поэтому мама с детьми уезжает к знахарке в деревню Никоноровну. Даже странно: как с этим связана голова мумифицированной кошки, найденная — уже после всей этой истории — во время капитального ремонта?

Фолк-хоррор — визитная карточка Татьяны Мастрюковой на протяжении многих книг, объединенных в определенного рода мультивселенную. Так и в «Кошачьей голове» читатель встретит знакомых персонажей и не менее знакомые деревни: Никоноровку и Анцыбаловну (последняя — место действие «Болотницы», дебютного романа Татьяны Мастрюковой). За что автору каждый раз хочется отвесить глубокий поклон, так это за то, что каждая книга выдержанна в рамках настоящей мистики. Это ужастики с умом. И не только потому, что абсолютно забытая массовым сознанием нечисть из фольклора становится сюжетобразующей. Непонятно: было ли все на самом деле, не было ли? Даже герои не могут

ответить. Ж/д станция около Никоноровни не значится в расписании, но остановка там совершенно точно есть. В детстве Егор думал, что сидел дома со странной бабушкой, а на самом деле просто лунатил и забирался на шкаф. Алину вылечили на семь лет — но что будет дальше? Вернется ли инотка? Никто не знает. Читатель — тоже. Открытый финал — еще одна визитная карточка Татьяны Мاستрюковой.

«Ношачья голова», как обычно, начинается с небольшого пролога-тизера: последствий истории. Только потом сюжет развивается от начала и до конца. Герои переезжают из города в деревню, и, честно говоря, хоррор-элемент значительно теряется. «Приоткрытая дверь» — все еще, наверное, самая страшная книга Татьяны Мастрюковой. Действие там герметичное: все ужасы происходят, развиваются и заканчиваются в обычной квартире. Чем герметичней хоррор — тем больше он пугает.

Когда герои приезжают в Никоноровку, начинают происходить еще более странные вещи: пропадают дети, случаются недомолвки, слышится ночной скрежет в окно... Да там еще и студент-фольклорист баек расскажет, а Егор найдет аналогии с песнями «Нороля и Шута» (вот тут уж точно — «будь как дома, путник!»). Это приемы, переходящие из книги в книгу и каждый раз работающие на ура.

Одно дело — писать страшный хоррор с подтекстами, а другое — писать все тот же страшный хоррор с подтекстами, но еще и красиво. Никаных тютчевских описаний природы на десять страниц и смакования чудовищ с оторванными конечностями. Речь не об этом. Текст передает нужный колорит, нужные эмоции и написан достаточно плотно. В подростковом «ужастике» такое внимание к слогу приятно радует. И там уже не столь важно, на кого перешла инота и как же с этим связана кошачья голова, — объяснение, к слову, к финалу будет. Весьма логичное.

Но лучше бы, будем откровенны, инота ни на кого не переходила.

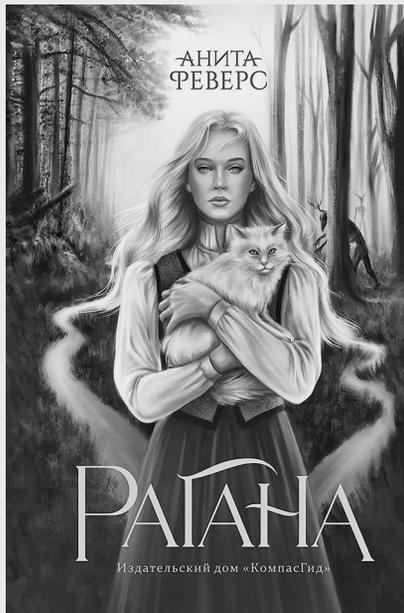
И будьте осторожны. Не берите ничего из чужих рук и лучше не производите «барабулька!», когда инаете. Мало ли.

АНИТА ФЕВЕРС, «РАГАНА» («КОМПАСГИД»)

Когда-то на заре времен бог и богиня обустроили мир и передали людям дар. Женщины, которых стали называть лаумами, научились управлять водой, чтобы хранить жизнь. В мужчинах разожглась божественная огненная искра, чтобы эту жизнь защищать. Но однажды — все, как водится, друг друга не поняли, — почти всех лаум заперли в Серой Чаще с помощью волшебства огня. Чтобы те не натворили бед — говорят, возгордились.

Ясмена — помощница знахаря и рагана. По сути, целительница, которая не может не целить — всегда выкладывается на полную силу, таков закон. В ней течет кровь лаум, к которым стали относиться с неприязнью. От таких, как она, избавляются, как от ведьм в темные века. Да и сама Ясмена не очень любит свой дар. И вот однажды отправляется в местечко под названием Приречье, где ее жизнь круто меняется — не в последнюю очередь благодаря сыну местного кузнеца.

«Рагана» — балтийское фэнтези, где, помимо собственно балтийских, смешаны фольклорные образы и западных, и восточных славян. То есть это одновременно и «Ведьман», и «Волкодав» с щепоткой экзотики. Несмотря на то, что на современный российский рынок перенасыщен (мягко сказано!) славянским и околославянским фэнтези, роман Аниты Феверс

выделяется из общей массы. Как минимум потому, что некоторые читанные уже сто раз фольклорные мотивы разбавляются чем-то свежим. Глаз перестает нервно дергаться. Это уже большое достижение автора.

Вначале роман чем-то напоминает сериалы наподобие «Склифосовского» или недавнего «Триггера». Исключительно в том смысле, что героине приходится помогать незнакомым людям: то принять необычные роды, то избавиться от червя-паразита, то спасти новоиспеченную подругу и дочь местного главы от лешего, который в нее влюбился. Эти маленькие квесты позволяют бодро, без лишнего занудства взглянуть на мир. Главное, что они кончаются до середины романа. Иначе тут бы уже действительно начался 110-й сезон того самого «Склифосовского». «Рагана» — сольный роман, и это — его несомненный плюс. В книге не так много крючков, за которые можно натянуть веревку читательского интереса. До конца одного романа хватает с лихвой, а вот была бы это трилогия, и все, пиши пропало. Тогда бы без некой «глобальной загадки», ответ на которую спрятался бы в финальном томе серии, ничего бы не вышло.

С середины роман, по традиции, встает на ровные рельсы без дополнительных «квестовых» ответвлений. Как в видеоиграх: будто бы игрок наконец перестал отвлекаться и решил пройти историю от начала до конца как можно скорее. Это еще один большой плюс «Раганы»: насмотревшись на мир, читатель наконец полностью возвращается к главной героине и ее пути. Да-да, все по заветам тех самых Проппов, Кэмпбеллов, Борхесов... и работает же! Идея у книги классическая: дар или проклятие? Отказаться от него, упростив жизнь себе, или оставить, чтобы помогать другим? Ного выбрать: свой род, который, казалось, уже не существует, или любовь? И тому же автор здорово играет с архетипами огня и воды, жизни и смерти, бога-отца и бога-матери. Все оказывается связано и с точки зрения земной мифологии, и с точки зрения выдуманной.

МАРИЯ ГОЛОБОКОВА, «ОТСЧЕТ. ЖАТВА» (RUGRAM)

Когда-то мир был создан восьмеркой богов, и семеро из них даровали магическую силу — Слово — волшебникам, которых теперь зовут Владеющими. Восьмой же бог отрелся от могущества, чтобы найти иной источник силы, и стал в народе Неназываемым. Девушка Марисса чуть не становится жертвой, простите за тавтологию, запрещенного жертвоприношения. Спасает ее *некто*, просящий звать его Кирино. Да вот только на ноге девушки остается клеймо, несущее проклятье. Теперь Мариссе предстоит познать магию, раскрыть тайны организации «Певчая Цинада» — они и занимаются незаконными жертвоприношениями, — и узнать многое о своем отце: могущественном волшебнике, который нажил себе много врагов...

«Жатва» — первый роман серии «Отсчет» в выдуманном и даже чересчур продуманном фэнтези-мире. Здесь чувствуется неуловимая испанско-средневековая эстетика — сеньоры, бароны, гильдии, города на берегу озер, где добывают соль, — но при этом в книге много других вещей. Руны, кровь петухов, нужная для некоторых ритуалов, демоны и драконы... Кажется, что на читателя вываливается уж слишком много. Тем более с первых страниц автор использует термины. Получается палка о двух концах. С одной стороны, неправильно вываливать на читателя все мироустройство разом. С другой — раз термины входят в текст, стоит хотя бы обозначить основные постулаты сразу: как работает магия, что за боги, откуда они... Где-то до сотой страницы пребываешь в легком тумане. Не до конца понимаешь происходящее. Нет смысла делать «тайну» из всего мироустройства — для этого достаточно нескольких его частей (классический прием, например, когда «плохой» бог на деле оказывается «хорошим»). Вот это лучше держать в секрете).

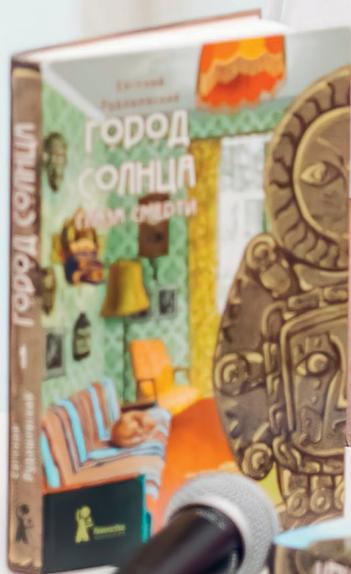
При этом Мария Голобокова придумывает отличное объяснение тому, почему магию запрещено использовать в войнах — о таком многие авторы вообще забывают. В мире «Жатвы» волшебники черпают силы из некоего «темного мира», и следы любых ритуалов воздействуют на мир реальный. Поэтому их надо устранять. Чем сильнее ритуал — тем больше последствий. И магия во время войны превратит мир в ужасное место. Отличное переложение обратной стороны научного прогресса в нашем мире. Звенящие в голове ассоциации. Есть в книге еще кое-что, связанное с драконом и его сердцем. Если без спойлеров, ограничится стоит тем, что задумка интересная.

Мария Голобокова пишет насыщенный и затягивающий роман для любителей «тотального» фэнтези — книга уводит читателя максимально далеко от повседневного мира и каждодневной суеты. В тексте можно потеряться, заплутать и даже утонуть — иногда утонуть хочется, потому что некоторые фрагменты написаны очень красиво. Но для первой части серии получается чересчур растянуто — не хватает динамики. Был бы это сольный роман... но их фантасты в последнее время, увы, жалуют редко.

ДАНИЛ
ФАИЗОВ,
СТР. 10

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ, СТР. 78

ISSN 0132-2036 23002

